

Румит Кин

ХОЛОДНЫЙ СВЕТ

(сборник)

<https://rumitkin.github.io>

Аннотация:

Для смелых и чистых сердцем слабость может стать силой, болезнь - спасением, отчаянье - надеждой. Но все остальные обречены - они не смогут ухватиться за свой единственный шанс: предадут волшебного друга, потеряют любимого ребёнка, станут рабами чудовищ, забьются в тёмные углы, позволят себе преступление; они будут жить и умирать в своих одиноких маленьких адах.

Примечание от авторов:

Здесь есть истории о: сверхспособностях, вампирах, оборотнях, ведьмах и чудовищах. При этом вы не найдёте здесь ни одного из штампов жанра "городское фэнтези". В этом сборнике оборотни подобны античным богам, ведьмы не летают на метлах, вампиры не кусают, а чудовища обитают лишь во внутреннем мире антигероев; только сверхспособности здесь будут поданы так, что их ни с чем не спутаешь. Место действия почти всех историй - Москва и МО. Персонажи - обычные люди.

Данные печатного издания:

Румит Кин. Земля в иллюминаторе. – М.: Onebook, 2018. – 980 с.

Художник И. Решетников

18+ На основании федерального закона РФ №436-ФЗ.

УДК 821.161.1-31

ББК 84(2=411.2)64-44

К41

ISBN 978-5-00077-780-0

Права:

© Тимур Денисов, 2017

© Николай Мурзин, 2017

© Румит Кин, 2017

Сайт Румита Кина: <https://rumitkin.github.io>

Страница Румита Кина на самиздате: http://samlib.ru/r/rumit_e_k/

Страница Румита Кина на author.today: <https://author.today/u/rumitkin>

НОКС И НИКС

Нокс шел по улицам Никса, пугаясь при виде пара, идущего из ртов людей. Он знал, что это не пар. Людей покидали их души. Его имя было подозрительно созвучно имени места, где он оказался, и это только больше угнетало. Шел странный колючий снег. Ветра не было, но от холода сводило сердце. Никс был маленьким бесконечным городом, низкорослым и провинциальным. У таких городов не бывает пригородов, потому что они сами, по сути, не более чем пригород. Дыра. Но у Никса не было пригорода, потому что не было границы. Пригорода не могло быть. Никс не кончался нигде. Нокс трясся. С черных небес падал белый снег. Глаза слезились, слезы замерзали на щеках. На улицах горели желтые фонари. Фонарные столбы были человеческого роста и изгибались как старческие клюки или причудливые растения. На кончиках фонарных клюк были стеклянные домики размером с голову Нокса. Тусклые фонари разливали из них свой яркий свет. Черная брусчатка мостовой лоснилась хищным потом, мгновенно пожирая снег. Ноксу было очень жарко. На газонах лежали плоские сугробы, напоминающие химический лед. Сквозь них пробивалась заиндевевшая трава. Дома казались живыми. Они были цвета черепашьего панциря. Черепица крутых крыш уходила в темную ночь. Дома были двухэтажные. На улицах было полно людей. Людей на улицах не было. Они радостно смеялись. Из их искривленных ужасом ртов вылетали белые души. Люди падали, но повисали. Они разводили руки и парили. Дома открыли крыши и всех покусали. Никс убил Нокса. Кто-то торговал сахарной ватой и полосатыми палочками...

ВАНЧЕС УХОДИТ ВО ТЬМУ

- Ванчес. Почему тебя все зовут Ванчес?

Семь часов утра. Прохладно. Многоэтажка, отбрасывая бесконечно длинную тень, нависла над полем.

- А как меня должны звать?

Мы курим на балконе шестнадцатого этажа. Тонкие струйки дыма утекают в розовеющее небо.

- Не знаю... Ваня.

За низкими перилами – пропасть. На тонкой полоске асфальта спят покрытые росой машины. Сразу за ними начинается мир высокой желтой травы. Она тянется до горизонта. А на горизонте стоит лес.

- «Эй, чувак». Некоторые люди зовут меня: «Эй, чувак».

Среди полей течет ручей. Воды не видно, только цепочка шаровидных зеленых кустов тянется, нарушая однообразие пейзажа. Мы в особом состоянии. Между нами на деревянном ящике – бутылка и рюмки.

- Вано. Иван. Иваныч.

Ванчес косится на меня и тщательно тушит окурок в рюмке. Я вижу, что мой вопрос что-то в нем пробудил. Черные точки пепла полукругом расплываются в простывшей водке.

- В свидетельстве о рождении меня зовут Олег.

Ванчес задумчиво покачивается на разваливающемся стуле. Я молчу, и он медленно продолжает.

- Эта история случилась очень давно. Мне было тогда лет пять. Я жил с бабушкой. Она боялась оставлять меня одного и везде таскала с собой. В поликлинику. В банк. На рынок.

Ванчес осторожно расковыривает новую пачку сигарет.

- Знаешь, как выглядел районный рынок в девяностые?

- Наверное, нет.

- Раздолбанный асфальтовый плац. Рядов нет. Все стихийно. Там сидит куча людей, которые продают все.

- Джинсы, магнитофоны и картошку.

- Угу.

Ванчес затягивается, чиркая зажигалкой в сложенных ладонях. Ему около тридцати. Он сидит в одних трусах, длинный, костлявый и краснокожий, небритый, со смешными волосатыми ноздрями и взглядом, устремленным за горизонт.

- Так вот. Там был мерзкий желтозубый старик, у которого воняло изо рта. Он сидел на раскладном стульчике, а прямо перед ним, на асфальте, стояла трехлитровая банка с мутной водой. Бабушка что-то покупала. А этот тип наклоняется ко мне и говорит хриплым шепотом: «Хочешь золотую рыбку?»

Ванчес затаился, выпустил дым из ноздрей, почесал бровь.

- Я от него шарахнулся и упал. Как-то странно все получилось. А когда встал, увидел, что в банке рыбка. И рыбка на меня смотрела. Пристально так.

- У рыб глаза без зрачков вроде.

- Чушь. Зайди в зоомагазин. Но у рыб взгляд обычно не фокусируется, и сказать, на что они смотрят, невозможно. Ванчес взгляд фокусировал. Это точно.

Его передернуло.

- Ванчес?

- У меня рыбье имя.

Минуту мы молча курим. Мы не выпили ни рюмки с четырех утра. Больше не надо. Алкоголь медленно впитывается в тело, оставляя в мышцах приятную истому.

- Чувствуешь, похмелья почти нет.

- Это потому, что мы не легли спать.

Ванчес – гуру. Он расслабляется, опускает руку с сигаретой на колено и продолжает свой рассказ.

- Бабушка начала скандалить, типа: «Что вы пристаёте к моему ребенку...», - и в итоге мужик просто подарил мне рыбку. Лучше бы, наверное, продал... Знаешь, есть какая-то примета, что вещи надо приобретать хотя бы за символическую плату. А она не дала ему ни копейки...

Мы познакомились с Ванчесом давно. Семь или восемь лет назад. В любом случае, сейчас мне двадцать, а тогда я был подростком, почти ребенком. Ванчес преподавал в судомodelьном кружке. Когда я впервые его увидел, он склонялся над гонконгской моторной джонкой. Модель была предельно реалистичной: на палубе нестройными рядами сушилось полосатое белье, а между ним виднелись странные темно-зеленые глаза. Это и был Ванчес.

- В общем, рыбку принесли домой, и он жил в этой же банке на подоконнике. Долго. Два года, кажется. Он был красный, с желтыми плавниками и серебряным брюшком. Такой маленький, что помещался в спичечный коробок.

Ванчес улыбается. Стряхивает пепел на кафельный пол.

- Он был очень грустным. Сначала я думал, что он грустный, потому что живет в банке, один. Я пытался найти ему вкусную еду. Он ел все. Хлебные крошки. Мертвых комаров. Колбасу. Я начал с ним играть. Даже опускал ему игрушечных рыбок. Но Ванчесу было все равно.

Дом начинает просыпаться. Далеко внизу заводится старый двигатель.

- Он все время смотрел на меня. В глаза. Я отвечал ему тем же. У него были серые глаза. Я засыпал, глядя ему в глаза, а когда просыпался, он все еще на меня смотрел.

- А рыбы спят?

- Не знаю. Ванчес не спал. Он вообще вел странную жизнь. Не плавал. Он просто висел в воде, где-нибудь у края банки, и смотрел на меня. Только на меня. На других людей он мог бросить короткий взгляд, а потом снова начинал смотреть на меня. Он провожал меня, когда я шел гулять.

Ванчес тушит в рюмке очередной окурок.

- Знаешь, если бы на меня сейчас кто-нибудь так посмотрел, я бы занервничал. Кто угодно. Рыбка, птичка, тем более человек. Но тогда мне это нравилось. Я быстро к этому привык.

- А почему рыбку называли Ванчес?

На пальцах моего друга рубцы. Он нечаянно попал ими под винт действующей модели корабля. Я невольно начинаю думать, что если бы туда попала рыбка, это был бы конец.

Ванчес оборачивается и смотрит на меня. Тяжелый, долгий, зеленый взгляд.

- К концу того лета мне начали сниться странные сны. Я плыл в бесконечно тихой воде. В море. Других рыб нет. Только рассеянные толщей тени облаков плывут вслед за мной по дну. А дно серое, и на нем – разрушенные города.

Ванчес говорит глухо. Его взгляд остановился в одной точке на оштукатуренной поверхности бетонных перил.

- Я не знаю, что это было за место. Теплое мертвое море. Я плыл очень долго. В одном направлении. Пейзаж никогда не повторялся, и через какое-то время я начал понимать, куда плыву.

- А потом сны оборвались.

Мы медленно закуриваем две последние. Ванчес, тщательно скомкав пачку, запикивает ее в ту же рюмку, что и все окурки. На нем лица нет, и в мрачной тишине я дожидаясь конца истории.

- Я был очень маленький. Я тогда почему-то думал, что Атлантида в Карибском море, и решил дать рыбке мексиканское имя.

- Смешно.

Разумеется, никто из нас не смеется, и Ванчес продолжает.

- Мне перестали сниться сны. Мне надоело совать в банку игрушечных рыбок. Он все так же следил за мной взглядом, и я начал про него забывать. Забывал менять воду.

Ванчес закрывает глаза. На его ресницах блестит влага.

- Менял, когда уже начинало вонять. Я забывал его кормить. Думаю, что он ужасно голодал. Бывали времена получше. Бывали времена похуже. Но наступили две недели, когда я забыл про Ванчеса вообще. Я пошел в первый класс. Меня ужасно занимало происходящее. Знаешь, так часто бывает, что мы не видим вещь, на которую смотрим каждый день. Банка стояла там же, и я изо дня в день не видел, что в ней происходит.

Ванчес глубоко затягивается, так, что его сигарета уменьшается почти вполовину, и с трудом договаривает:

- Не видел, пока мне не приснился последний в моей жизни сон.

- Вообще последний?

- Да.

Голос Ванчеса чуть дрожит, и на минуту он замолкает.

- Я снова плыл, и уже во сне с ужасом вспомнил, что давно не кормил Ванчеса. А потом я увидел то, к чему плыл с самого начала. Я об этом знал, но никогда не находил слов, чтобы описать, как оно выглядит. Черная вода.

- Нефть?

- Нет. Представь чистый, без гущи и примесей, черный кофе.

- Как кола?

- Темнее. Намного темнее. Но прозрачная. Вода цвета кварца. Ее граница клубится, но не разрывается. Когда видишь ее издалека – кажется, что море разрезала темная стена. Когда подплываешь ближе – она прозрачная.

Ванчес глубоко вздыхает, проводит рукой по волосам.

- Я проснулся в ужасе. Бросился к банке. Ничего не изменилось. Рыбка все так же смотрела на меня. Кажется, она стала совсем маленькой и прозрачной, а вода была темнее, чем обычно. В ней как будто растворили три капли крови. Я позвал его. Постучал по стеклу. Меня била дрожь. Я бросил в банку крошки. Я не мог вспомнить, когда еще бросал их до этого. Я бросил крошки, но Ванчес на них даже не обернулся. Он смотрел на меня. И я понял, что это конец.

Внизу слышны шлепки: кто-то расправляет и вешает на своем балконе белье. Я внимательно слежу за словами друга.

- Ванчес умирал. Я осторожно взял его в руку. Он умирал не так, как умирают рыбки. Не бился. Он лежал на правом боку, приоткрыв рот, еле заметно шевелясь, как будто тихо плыл, и смотрел на меня одним глазом с какой-то пристальной любовью. Я...

Голос Ванчеса вдруг снова перехватывает.

- Я потом подумал, что он и правда плыл. Просто не в воде. То есть, в воде, но вообще не здесь. Понимаешь? Он плыл *там*. Уходил в темные воды. Я положил его тело в спичечный коробок и похоронил в цветочном горшке.

Ванчес говорит тихо, с закрытыми глазами. Я знаю, что ему сейчас совсем неинтересно, кто его слушает и как. Он там. Он снова держит в руках маленькую мертвую рыбку.

- А потом я пошел и сказал: «Бабушка, я хочу, чтобы меня теперь звали Ваня. Ванчес умер». Родители, разумеется, были в ужасе. Но я устроил такую истерику... Даже не истерику. Это была отчужденная депрессия. Я перестал есть и разговаривать.

- И в паспорте ты Иван?..

- Ты же видел.

Я молча киваю. Тень дома стала заметно короче. Далеко среди полей, ковыляя по тропинке, идет старушка в голубом платье. С ней маленький мальчик. Мы долго молчим и, когда я оборачиваюсь, Ванчес спит, запрокинув голову на спинку кресла, бесшумно дыша открытым ртом. Когда тень дома исчезнет и солнце придет на балкон, он проснется. Похмелья уже не будет – мы его пересидели. Я тихо собираюсь. Я ухожу домой.

ЕСЛИ ТЫ УСЛЫШИШЬ СВИСТ

Нельзя спать днем.

Нельзя раздвигать шторы.

Нельзя носить белую одежду.

Иначе придет он.

Небо. Вся моя жизнь – битва с небом. Последние друзья, которые видели мое лицо, шутили, что я превращаюсь в вампира. Это чушь. Вампиры не боятся света. Они живут в нем. Они подкрадываются к тебе в теплых лучах дневной звезды и кусают прямо в сердце.

Как пуля.

Это началось три года назад.

Я живу на окраине Москвы, далеко-далеко за кольцом. Тогда я ходила в литературный кружок. Только не подумайте, что это рассказ – это действительно моя история. Моя мама смотрит телевизор и всего боится. Тогда был первый год, когда я ездила в центр одна. Забытая дорога – ведь я больше не выхожу из дома. Чтобы добраться до метро, нужно сесть на семьсот седьмой автобус и ехать, ехать, ехать. Долгий час, или два, если автобус стоит в пробках.

Мой новый друг научил меня, что цифра 7 означает смерть, а 0 означает вход. Если на номере автобуса написано 707, это значит, что он отлично подходит для того, чтобы перебраться в другой мир посредством смерти. Этот автобус идет через район Солнцево по широкой дороге, мимо озер, за которыми стоят гигантские новостройки.

Была ранняя весна. Озера еще покрыты льдом. Огромные белые зеркала. Их центр очищали, чтобы играть в хоккей, а по краю шла трасса для картинга. Мир, охваченный светом молодого солнца. Искрящийся наст и сверкающие стекла новостроек. Небо – чистый голубой экран. Почки на ивах. Все слилось.

И вдруг в этой белизне прозвучал выстрел. Тихий и далекий, будто голос из-под подушки. Что-то блеснуло на крыше самого дальнего из домов. Маленькая точка, но яркая-яркая, как фары-отражатели на велоси-

педах. Я прищурилась, чтобы понять, что это такое, и в ту же секунду увидела пулю. Маленький желтый цилиндр. Она летела на меня сквозь вибрирующий воздух. Я пригнулась, и она, разбрасывая осколки оконного стекла, ударила в лоб какому-то парню – бедняга стоял у меня за спиной. Упав на сверкающие осколки, я обернулась, чтобы увидеть, как убитый медленно падает. Пульсирующий черный поток стекал у него по лбу, а губы неслышно шептали последние слова. Я заплакала и закричала, а когда пришла в себя, ничего не было: ни крови, ни стекла, – но весь автобус, даже водитель, смотрел на меня. Мне стало ужасно стыдно, и я выскочила на следующей остановке.

Через неделю я поехала снова. И снова в меня стреляли. Потом поехала снова. И снова увидела блеск. Не дожидаясь пули, я рухнула в проход между сидениями.

Охотник менял крыши. Охотник промахивался, но не отступал. Теперь при моем появлении в семьсот седьмом на меня показывали пальцем, и я перестала ездить в литературный кружок.

Мне всего шестнадцать, но я успела потерять почти все, что бывает у людей. Я потеряла время – время нормальной жизни, время дня. Белый свет. Солнце. Друзей. Мое отчуждение и одиночество приходили постепенно – так же, как сам Охотник. Он шел ко мне из Солнцево – наверное, это место со светлым именем было ему ближе, чем крыши Ново-Переделкино, но он пришел и сюда. Я могла сказать: это лишь видения, его нет. Я могла сдаться и просто посмотреть, что будет, когда пуля пройдет сквозь мое тело. Но я хотела жить.

Я перестала гулять, потом перестала выходить из дома по делу. Бросила школу. Мама ругалась, потом уговаривала, потом плакала. Теперь она пытается оформить меня на заочное обучение. Пока не получилось, ведь я должна сдавать все экзамены дома, а я не дочь миллионера и не инвалид.

Я живу на третьем этаже. Напротив дома – поле. Это поле – уже не Москва. За ним стоит поселок Григорьевка, за поселком – лес, за лесом – пансион для престарелых, а у пансиона есть своя ТЭЦ, а у ТЭЦ пансиона есть труба. Большая красная труба, сложенная из бетонных колец. Ночью на ее макушке, как жуткие глаза монстра, горят два красных огня. До трубы Охотник добирался долго, почти полгода. Когда я увидела, как на ее вершине вспыхивает блестящий глаз его прицела, я задвинула шторы.

Навсегда.

Мне всего шестнадцать, но у меня уже есть то, чего нет у большинства людей. Моя кожа побледнела. Я стала много читать. Мои бывшие одноклассники два месяца назад закончили девятый класс. Они больше не ходят ко мне в гости. Не знаю, почему. Наверное, я стала слишком странной.

Я бросила школу, чтобы начать учиться. Я знаю все, что знает школьник. Я знаю больше, чем знает школьник. Я знаю, как боролись с демонами во всех частях света на протяжении последних трех тысячелетий. Я знаю, как диагностировать и лечить шизофрению. Я знаю, как проводить баллистическую экспертизу. Я знаю, как отлить серебряную пулю для снайперской винтовки Драгунова и как ее обточить, чтобы она пролетела четыре километра. Но мама не разрешит.

Два года назад мне казалось, что моя жизнь кончилась, но я нашла в себе силы начать ее сначала. Я переселилась в интернет. Новое имя пришло само собой, будто я знала его всегда. Теперь меня зовут Анкан, и я – узник ночи, который умеет уворачиваться от пуль.

Поначалу я не знала, что делать в сети. Множество людей приходят в интернет только для того, чтобы брать. У них есть солнце, но нет ничего, чтобы дать другим. Я нарисовала на стене своей комнаты солнце, потом второе, потом просто начала рисовать и выкладывать рисунки в интернет.

Скоро меня нашли. Я потеряла друзей, чтобы найти Друга.

Однажды я выложила в сеть серый небоскреб, на крыше которого белым бликом сиял кружок. Этот рисунок, не слишком хороший, почти никому не понятный, вдруг изменил мою жизнь. На следующее утро под картинкой появился комментарий:

«Mech-Man

Если ты услышишь свист, значит, пуля пролетела мимо»

Мы подружились. Наши разговоры были безумны; все, кроме них, в моей жизни повторялось. Инспекция щелей между шторами, плачущая мама, которая приносит в мою комнату одинокий обед. Она такая хорошая. Если бы не она, я бы уже была мертва. Но она не понимает. Она думает, что я сошла с ума.

- Мама, можно ко мне в гости придет друг?

- Паша?

Мама обрадовалась. Паша приходил год назад, и нам не о чем было говорить.

- Нет. Я познакомилась с ним в сети.

- И кто он?

- Не знаю. Хороший человек.

Испуганное лицо.

- А как его зовут?

- Не знаю. Это важно?

Мне не разрешили. Хорошо хоть не выключили интернет.

Я почти перестала выходить на улицу. Когда? Сейчас лето, и я могу поспать всего несколько часов. Скоро расскажу, почему так. Господи, если ты есть, спасибо тебе, что я родилась не в Питере. Белые ночи убили бы меня. В общем, никаким нормальным способом мы встретиться не могли, но Mech-Man все-таки пришел. Он вышел в поле перед домом в условленный час, и я с биноклем подкралась к окну.

Под зеленым капюшоном блестят огромные темные очки. Он улыбается, угловато вскидывает руку в странном приветствии и быстро уходит прочь. Неужели он видит меня сквозь маленькую дырочку в шторе? Неужели он видит то, что пропустил Охотник? Сколько ему лет? Я не знаю. Он мало говорит о себе, а я не спрашиваю. Я не знаю, что спросить. Он не боится дня, не боится Охотника, но знает про него все. Иногда мне кажется, что раньше он сам был Охотником. Я с нетерпением жду новой зимы, когда тьма будет накрывать мир в шесть вечера. Тогда я смогу не просто его увидеть.

Дотронуться?

Каждый день мы с Mech-Man'ом говорим много часов. Без него я была бы просто маленькой сумасшедшей девочкой. С ним я – Анкан. Он учит меня, а я все сильнее и сильнее влюбляюсь в его голос. Тяжелый голос, механический и шероховатый. Ну да, он же Mech-Man. Он называет Охотника Стрелком. Каждый день я засыпаю его кучей вопросов о самой себе, и он отвечает на них, но главный вопрос – один:

- Зачем он гоняется за мной?

- Он не отсюда. Ты лучшая душа. Ему нужен остаток твоей жизни, чтобы прорастить ее в мире, где больше нет рождения.

- Значит, это не конец?

- Не конец.

- Я так устала бегать. Может, дать ему себя убить?

- Нет.

Он покачал головой. Я знаю, что он покачал головой, когда говорил это «нет». Я знаю, как он кивает, как улыбается, как двигает руками. Я видела его лишь раз, но знаю все это. Я должна это знать, иначе сойду с ума. Когда полтора года общаешься с человеком только через сеть, тебе придется представлять все это.

- Нет. Есть куда более правильные способы попасть в другой мир. Если он убьет тебя, останется что-то. Что-то маленькое. Такое маленькое, что ты даже не можешь вообразить. Не делай так.

Но все же моя жизнь – кошмар. Несколько раз в день я осторожно пробираюсь в туалет. С кухни широким белым полотном раскатывается полоса света. Я крадусь по линии тени, лежащей вдоль стены. Быстро открываю дверь, проскальзываю в щель. Здесь хорошо. Старая желтая лампочка безопасна, как канцелярский ластик. Здесь почти так же хорошо, как в моей комнате; жаль только, что путь такой трудный.

Меш-Ман сказал, что Охотник – ангел. Меш-Ман сказал, что давным-давно жили древние, которые возвели небесные чертоги. Это сеть коридоров, идущих в небе между мирами. Охотник проходит через них, бессильный ступить на землю, но жуткий и опасный всюду, куда падает свет. Он стреляет из окон небесных коридоров. Я всегда думала, что у него винтовка, но Меш-Ман говорит, что это пистолет. Что ж, может быть, поэтому пуля летела так медленно, что я успела увернуться?

Когда я закрыла шторы, Охотник не сдался. Помню то страшное утро. Всю ночь мне снилось, что его больше нет. Я победила его! Это были самые чудесные сны в моей жизни. Я нарисовала его, одноногого стрелка в алом плаще, а потом стерла, и он исчез. Я застрелила его из винтовки, и он погиб. Я заманила его в ночь, и он растаял. В конце каждого сна я радостно раздвигала шторы, и солнце, как много лет назад, вновь било мне в глаза. А потом мне приснился четвертый сон; в нем я распахнула шторы, и передо мной, прямо за окном, стоял он. Целый и невредимый.

Смутное лицо над воротом. Странное тело – он почти кузнечик. В каждой руке у него огромный черный «глок», как у героев боевиков, а на лице – темные очки, совсем как у Меш-Ман'а.

Тогда я не могла увернуться – у меня просто не было на это времени – и я сделала единственное, что успевала: проснулась. Проснулась и услышала свист. Передо мной была задвинутая штора. А сквозь нее, через маленькую рваную дырочку, бил свет.

С тех пор я не дожидаясь восхода солнца. Мой будильник звонит с первым промельком зари.

Нельзя спать днем.

Нельзя раздвигать шторы.

Нельзя носить белую одежду.

Иначе придет *он*.

Он настоящий вампир. И он не боится света – он идет в нем, чтобы взять кусочек меня. А может, вампир не он, а мир, в котором он живет?

Я так давно не видела солнце. Я опасно выглядываю сквозь щели между шторами, но вместо светила вновь и вновь вижу лишь сверкающий блик его прицела. Вижу пулю и уворачиваюсь, уворачиваюсь, уворачиваюсь.

Mesh-Man сказал, что придет время, когда Охотник оставит меня. Я верю. Я жду. Mesh-Man сказал, что научит меня, как увернуться навсегда, сказал, что мое время учиться только начинается.

КАЙ

Многие люди думают, что любить своих детей естественно просто потому, что в них течет наша кровь. Все это чушь собачья. Я полюбил Кая не тогда, когда он был в чреве моей жены, и не тогда, когда он появился оттуда и стал маленьким сморщенным младенцем. Пока происходили все эти вещи: роды, первые хлопоты, пеленки, бутылочки (у Саши почти не было своего молока)... пока происходили все эти вещи, я чувствовал только растерянность. Я никогда не воспринимал Кая как куклу или игрушку. Я смотрел в его глаза и видел там светлую пустоту – как будто солнце всходило над новорожденным миром. Я знал, что его лучи задевают вершины первобытных вулканов, поднявшихся над туманом творения. Там еще не было жизни. Ни одна птица не крикнула, даже рыбы еще не отрастили плавников.

Мне было страшно это видеть. Я успокаивал себя мыслью о том, что все мы были такими, но уже тогда догадывался, что это ложь. Кай был особенным. Ему что-то снилось, когда он спал в колыбели. Что-то такое, что видит не каждый младенец.

Я думаю, что полюбил Кая, когда он начал говорить. Саша назвала мальчика Кириллом. Своих идей у меня не было, и я не возразил. Думаю, я бы ничего не возразил, даже если бы жена предложила назвать его Навухудноссором.

И я был прав, потому что Кай придумал себе имя сам. Я знаю, Саша и многие другие люди думают, что «Кай» – это детское упрощение. Мол, он не выговаривал «Р» и начал называть себя коротко. Только это не правда. Кай выговаривает и «Р», и «Л». Для него не проблема сказать «Клара украла у Карла кораллы».

Я не знаю точно, когда Кай назвал себя. Кажется, это случилось за несколько месяцев до того, как мы стали читать «Снежную Королеву», и, в итоге, эта страшная сказка больше поразила меня, чем сына. Именно тогда, а это было под Новый год, и Каю уже было четыре с половиной года, я понял, что он взял себе имя мальчика, представлявшего особый интерес для сил зла. Да, именно так, именно этими пафосными словами, я говорил себе о нем. Считайте меня чудаком, но я всегда любил жуткие истории.

Где-то весной того года я начал представлять себе, каким Кай может стать. Я предвидел странную красоту его тонкого лица, которую он

унаследовал скорее от Саши, чем от меня, предвидел его светлый быстрый ум, его творческую одаренность. Не скрою, я строил наивные планы. Представлял, что он пойдет по стопам отца. Даже присматривал для него ноутбук.

А в декабре случилась история, о которой я и собираюсь рассказать.

Каю исполнилось пять. Осенью я уже очень его любил. Мне кажется, он отвечал мне взаимностью. Мы проводили много времени вместе. Саша ревновала, но делала вид, что тоже счастлива.

Я программист. Вначале, когда Кай только родился, я писал диссертацию. Саша первые три года жизни сына сидела в декрете. Потом все изменилось. Жена пошла на работу, а я, наоборот, почти освободился. Зарабатывал мелкими проектами. Работа у меня непостоянная и неспешная. Почти все время я посвящал Каю. Мы с Сашей не хотели отдавать его в детский сад, но решили, что мальчику необходимо общаться с другими детьми. Поэтому мы водили его в клуб «Лучик». Там были развивающие кружки: рисование, классическая музыка. Каю нравилось.

Занятия были через день. Они часто приходились на один из выходных. Тогда Кая водила Саша. Два или три раза в неделю в клуб его водил я. Рисование начиналось в пять. Музыка в шесть. В семь он был свободен.

Однажды Саша разговорилась с Людмилой Владимировной, преподавателем изобразительных искусств. Кай любил придумывать, угадывать, находить все неожиданное. Саша спросила учительницу про то, как лучше выбирать развивающие игры. Женщина посоветовала ей конструктор «Лего». Саша не представляла, как он выглядит, и Люда пригласила ее зайти к ней в гости, чтобы показать конструктор, а не объяснять, что он из себя представляет, на пальцах.

Людмила жила в трех улицах от «Лучика». У нее были собственные дети, мальчик и девочка – Миша и Ксюша. Они тоже ходили в детский клуб. Моя жена и сын дошли до дома учительницы. Кай начал играть с другими детьми еще по дороге. Все было очень мило. Люда попросила своих детей показать их новому другу конструктор. Каю понравилось «Лего». Саша понравилась Люде. Так началась наша дружба.

В следующий раз уже я отвел Кая к Людмиле в гости. Мне это было приятно. Я тогда понял, что несколько лет скучал по дружескому общению с женщинами. Из-за Саши я часто боялся самых обычных вещей.

Боялся просто заговорить. Мне казалось, один шаг в сторону – и уже случится измена.

Кай играл с Ксюшей и Мишей. Мы им не мешали. Садились на кухне и обсуждали что-нибудь. Чаще всего детей. Но порой фильмы и книги. Мне было жаль, что Люда равнодушна к рок-н-роллу, зато в остальном наши вкусы сходились. Дружба крепла с начала осени. Зимой она продолжилась.

Десятого декабря у меня заболел зуб. Я помню это точно потому, что это был последний срок сдачи моей разработки для одного платного линукс-плагина. Работу я в тот день так и не сдал. Но это уже неважно.

Я залез зеркальцем себе в рот. Кай мне ассистировал. Мы нашли крошечную, но уже успевшую почернеть дырочку. Я подозревал, что она окажется очень глубокой. Кай сказал, что там живут «коричневые зубобеды» – так он называл кариес. Я смеялся, несмотря на боль. Около двенадцати дня я позвонил в ближайшую платную стоматологию, в которой мне уже ставили пару хороших пломб. Они сказали, что я могу прийти сразу, но в семь у врача будет целое большое окно, и если я хочу, чтобы все с самого начала делали на высшем уровне, мне стоит потерпеть до вечера.

Я вышел на полчаса и купил в аптеке лидокаин. Анестетик, продается как спрей. Каждые двадцать минут я прыскал им на зуб, и боль отдалялась. Помню, что рассказывал сыну, чем молочные отличаются от коренных. Он пришел в ужас, узнав, что через год все зубки, которые у него прорезались, выпадут, и их заменят новые.

- Я буду как старушка? - спросил Кай.

- Нет, они будут выпадать по очереди, - сказал я. - Следующий молочный будет выпадать только тогда, когда на месте предыдущего вырастет коренной.

Кая это не утешило.

- Это должно быть очень больно, - решил он.

Я, кажется, попытался рассказать ему, что корень молочного зуба рассасывается, и тот выпадает очень легко. Не знаю, насколько хорошо он меня понял.

В три часа дня, несмотря на зуб, я добил программу. Ее можно было сразу же отослать, но я решил, что вечером протестирую пробную версию. Знаете, у каждого свое хобби. Я, например, пишу небольшие рассказы. Обычно это смешные истории, что-нибудь фантастическое. Моя программа была плагином для текстового редактора – превращала текст, написанный транслитом, в слова на оригинальном языке. Я не знал, для кого именно она предназначалась, но, скорее всего, для стено-

графистов на международных конференциях. Я подумал, что напишу рассказ транслитом, а потом переверну его этой штукой. Может, идея была идиотская, но я так часто делаю. Напишешь игру на «Ява» – поиграй в нее сам, прежде чем отдать заказчику. Пару раз это правило меня просто спасало.

Была среда. Саша на работе. Я взял лидокаин и, как обычно, повел Кая в «Лучик». Я не люблю зиму. Декабрь – самое темное время года. Световой день длится всего семь часов. Когда мы с Каем вышли на улицу, заснеженные леса уже погружались в сумерки.

Наш дом – последняя многоэтажка на краю Москвы. Он стоит напротив санатория и прилегающего к нему диковатого лесопарка, за которым начинаются загородные дома и дачи.

Тропка, ведущая в лес, переваливала через небольшой пригорок. Сюда доезжал маленький японский трактор, служивший для уборки территории санатория. Он нагреб здоровенный сугроб. Дорожка шла вокруг снежного завала, довольно круто взбиралась вверх.

На склоне Кай дал мне уйти вперед, а минутой спустя я заметил, что он крутит в руках льдинку и коварно улыбается. Озорной мальчишка. Я знал его повадки. Он начинал играть исподтишка. Как будто нечаянно обзаводился парой снарядов, а потом подбрасывал их вверх. Кажалось, они летят по случайной траектории, но один обязательно попадал в меня.

- Негодяй! - кричал я в таком случае. - Злодей! Ты меня ранил! А ну-ка получи в ответ!

Кай смеялся и убегал за деревья. Так случилось и в этот раз. Мы зашли в лес, потом он бросил льдинку вверх. Легкий снаряд разбился о мое плечо. Я ответил ему парой снежков. Отличная разминка для стареющего программиста, но только не в тот день, когда «коричневые зубоеды» докопались до беззащитного нерва. Каждое приседание и каждый бросок отдавались в моей голове вспышками глухой ноющей боли.

Мальчик ушел за деревья. Я встревожился. Становилось темно, и я плохо его видел. Я боялся, что попаду ему твердым куском наста в глаза, боялся, что он нарвется на что-нибудь в темноте. В подмосковных лесах полно битого стекла, которое ждет под снегом. Где-то завывала собака. Станный был у нее голос, будто она оплакивала умершего хозяина. Кай обстреливал меня. Я тяжело отбивался, чувствуя, как нарастает боль.

Я достал из кармана спрей и тут же получил снежком в висок. Пузырек полетел в снег. Я наклонился, поднял его. Кай добил меня выстрелом по сгорбленной спине. Я оглянулся, и тут мне в первый раз стало по-настоящему страшно.

- Кай, - позвал я. Мне показалось, что мы не одни. Что не только он бросает снежки, но и кто-то еще. Кто-то куда более меткий и злой, кто-то, кто метит в больные места: в голову, в незащищенные руки.

- Кай!

Он засмеялся в темноте. Снежок ударил куда-то высоко, в запорошенные ветви, и дерево обсыпало меня снегом. Силуэт в полутьме. Мой мальчик – или злой карлик, который собрался нас убить?

- Хватит, Кай! - закричал я.

Кажется, в моем голосе была истерика. Он тут же вышел из-за деревьев. Я, морщась, отряхивал снег с воротника.

- Я сделал тебе больно? - спросил мальчик. Его глаза блестели в темноте. Я видел, как он меня любит. Мне стало стыдно.

- Нет, ничего страшного, - утешил я сына. - Мы поиграем в снежки. Просто не сегодня.

Кай отряхнул с моего пальто снежную пыль.

- У папы сегодня болит зуб, - добавил я.

Мне, наконец, удалось прыснуть в рот лидокаином. Кай взял меня за руку. Он делал так очень редко, и только когда мы оставались одни. Сейчас мне кажется, что он со мной прощался. Откуда-то он знал о том, что произойдет.

Мы шли еще десять минут. «Лучик» расположился в двухэтажном доме с ярко-желтыми стенами и псевдоклассической колоннадой, подпирающей край двускатной крыши. Находчивый архитектор инкрустировал бетонные колонны портика битым бутылочным стеклом. «Лучик» светился в темноте и сиял на солнце. У нас с Каем каждый раз было ощущение, что мы пришли в волшебную страну. Внутри было натоплено. Старые стены пахли как-то по-особенному. Мы сдавали одежду в уютном тесном гардеробе. Ее принимал жилистый старик в рабочей синей спецовке. У него сильно дрожали руки. Однажды Кай спросил его, почему он так трясется. Я испугался его невежливости, но дед спокойно улыбнулся и сказал, что работал раньше отбойным молотком.

Потом мы расходились. Кай шел заниматься. Я садился в комнату для родителей. Читал что-нибудь на лавочке у окна. Иногда, когда был аврал с работой, раскрывал ноутбук. Саша подружилась там с несколькими мамами, но я никогда не был таким общительным, как она. Люди ко мне подходили редко. Помню, много лет назад у меня был приятель-

однокурсник. Он объяснял это тем, что у меня антипатическое лицо. Мол, на нем застряло такое выражение, будто я борюсь с запором.

Я сидел, впитывал запах дерева, минуты покоя и одиночества. Кай подходил ко мне между занятий, сообщал новости. Порой его новоприобретенные познания о вселенной, Бетховене или о построении художественной перспективы ставили меня в тупик. Уроки были короткие, по тридцать минут. Через два часа все кончалось. Для дошкольного образования это норма.

В ту среду все шло как обычно, только я часто прыскал в рот лидокаин. Мы с Людой помахали друг другу, потом она ушла преподавать первой группе. Ее сын, Миша, подошел ко мне и спросил, что такое процессор у компьютера. Я ответил, что это маленькая коробочка внутри большой коробочки, а в этой маленькой коробочке сидят десять тысяч человечков, которые решают, сказать «да» или «нет».

Мальчик мне не поверил и презрительно сообщил, что Кай знает об этом больше.

- Что именно? - спросил я.

- Процессор – это транзисторная микросхема, - объяснил Миша.

Я рассмеялся, исполненный гордости за Кая. Сын пошел в отца. Потом я пытался что-то читать. Ничего не помню. Последующие события были слишком страшными, чтобы от книжки в памяти что-то осталось.

Без двадцати семь я уже сидел, как на иголках. Я загодя забрал вещи из гардероба – хотел, чтобы, как только Кай закончит, мы сразу начали одеваться. Я прикинул, что слегка просчитался со временем, и теперь думал о том, чтобы урезать время прогулки. К тому же было темно и холодно. Я решил, что мы пойдем на станцию и до района доедем на маршрутке. Я отведу его домой. Оставлю одного в квартире. Пусть раздевается сам. Он умеет. Потом я побегу к доктору и попытаюсь вылечить, наконец, этот проклятый зуб.

Кай подошел ко мне сияющий, но, увидев папино кислое лицо, начал медленно гаснуть.

- Можно, я останусь у Людмилы Владимировны? - спросил он.

- Кай, мне через полчаса надо к доктору, - ответил я, натягивая на него курточку. - Я еле успею отвести тебя домой.

Мальчик обреченно вздохнул.

- У папы болит зуб, - он погладил меня по руке.

Я надел на него шапку, взялся за свое пальто. Подошла Люда со своими детьми.

- Они уже вовсю планируют новый космический корабль, - сообщила она.

- Боюсь, мне надо в стоматологию, - сказал я.

Мы вместе дошли до гардероба. Люда встала в очередь.

- Вы можете оставить его у нас, - предложила она. - Заберете потом, после врача.

Я задумчиво помял щеку над больным зубом, улыбнулся. Кай улыбнулся вместе со мной.

- Хочешь остаться тут, пока я схожу в зубодерню? - спросил я.

Я уже знал ответ.

- Да, - ответил он. Одно маленькое сияние.

- Ну, хорошо, - согласился я. - Слушайся Людмилу Владимировну.

- Не беспокойтесь, - заверила Люда. - У нас с ним никогда не было проблем.

- Тогда до вечера, - я махнул рукой. Кай помахал в ответ.

Я вышел на улицу. Они остались внутри. Тогда это казалось лучшим решением. Я шел к станции, прыскал за щеку лидокаин. У меня было странное, безвольно-жизнерадостное, несмотря на боль, настроение. Такое всегда бывает перед бедой – и все же его никогда не замечаешь.

Я шел и чувствовал, как становится холоднее. Тропинка хрустела у меня под ногами. Потихоньку начал идти снег. Белые мухи кружились в свете фонарей. Кусты точили ветви-крючья и скалили зубы. По дороге проносились всполохи фар. Люди стерлись. Я шел, смотрел, как прохожие превращаются в далекие черные тени, и ни о чем не думал. Добрался до станции, штурмом взял третий маршрутный автобус, битком набитый пролетариями, возвращающимися с работы.

Восемь минут тряски я смотрел в окно. Дома-башни спальных районов светились неровными рядами огней. Снег шел все гуще, но метель еще не стала такой плотной, чтобы полностью скрыть их свет. Я вовремя увидел зеленую вывеску стоматологии и попросил шефа притормозить. Он принял мои двадцать пять рублей.

В клинике было тепло и сухо. Над дверью работал кондиционер-обогреватель. Из-за стойки автоматически улыбалась девушка в зеленом халате. Я спросил у нее насчет окна. Она попросила подождать пять или десять минут.

Было тихо. Пахло кварцевальной лампой. Я сел в кожаное кресло у журнального столика и прыснул в рот лидокаином. Девушка сказала мне, чтобы я не злоупотреблял. Я, кажется, ничего ей не ответил, но разозлился. Какое ее дело? Она не врач, и не у нее болит зуб.

Я становлюсь очень нетерпеливым перед тем, как должно случиться что-то важное. Поход к стоматологу и прекращение боли казались мне важными. Я сидел, тряс ногой, поглядывал на зеленые квадратные цифры электронных часов. Наконец, меня вызвали.

Лицо врача совсем не помню. Помню только, что это была женщина лет пятидесяти. У нее были холодные руки. Большую часть времени она работала в защитной маске. Шприц с кривой иглой. Укол был ужасно болезненный, потом все начало неметь. Потом я слушал, как гул бор-машины вибрирует у меня в черепе.

- Зуб изнутри весь разрушен, - сказала она.

Я попытался ответить, что дырочка была совсем маленькая, но сказать ничего не смог.

- Придется удалять.

Я, возможно, запротестовал. Вкус крови и стали. Женщина продолжала говорить. Живая реклама зубных протезов.

- Какой вы хотите? Японский или американский? Ну ничего, все равно будем его ставить не раньше чем через неделю. Ранка должна зажить. А еще у нас есть лазер...

И так без конца. Через пятнадцать минут меня отпустили без зуба и почти без денег. Я ошарашенно вышел на улицу. Мело сильнее, чем раньше. Я не знал, где здесь ловить маршрутку, и решил, что дойду пешком. Мог зайти домой, отдохнуть и согреться, но не зашел. Поперся прямо в поселок.

Обычно мы с Каем возвращались от «Лучика» долгой дорогой – шли через станцию. Если он уставал, я сажал его на санки или просто на плечо. К пяти годам Кай был для меня уже довольно тяжелым – я отнюдь не спортсмен – но и ходил он намного дальше и легче, чем в ранние годы. На станции мы что-нибудь покупали. Кай любил местную кондитерскую. В хорошую погоду я покупал ему сладости. Если было холодно, то наступал черед разогретого сэндвича или пирожка с мясом. Себе я брал пиво и пачку сигарет.

Саше я об этом не говорил. То есть она, разумеется, знала, что я выпиваю в день несколько бутылок пива. Но я не ставил ее в известность,

что одну или две я выпиваю во время прогулки с сыном. Я думал, что, узнав, она рассердится.

Заморозка. Я ощупал лицо. Ниже левой скулы я ничего не чувствовал. Онемел подбородок, значительная часть языка. Я мог облизнуться, но каждый раз это вызывало такое чувство, будто мои губы из наста, и я обдираю язык о них. Привкус крови добавлял ощущениям реализма. Хуже всего было то, что это не снимало боль. Она не умерла, лишь переселилась куда-то вверх, за небо, между костями и мозгом, туда, где ее было не достать никаким лидокаином.

Мне стало казаться, что вата мешает мне толком закрыть рот. Найти ее языком я не мог, пришлось вытащить ее руками. Вкус крови стал сильнее. Я месил снег, прошел где-то четверть пути до дома Людмилы, и начал догадываться, что сделал большую ошибку. Мне бы сейчас поспать. Уткнуть онемевшее лицо в подушку и тихо сосать свою кровь и этот морозный медицинский вкус.

- Господи, почему я послушался Кая? - спросил я самого себя. - Зачем было оставлять его в «Лучике», за тридевять земель? Я бы уже спокойно лежал в постели.

Болело все сильнее. Я подумал, что надо выпить, иначе я просто не дойду. Спиртное часто помогает мне. От него проходит голова, исчезает усталость. Я повернул к станции. Ноги понесли меня быстрее. Им нравилось предчувствие теплого сэндвича с пивом.

Кусты корявыми пальцами загребали темноту. Пошел снег. Поднялся ветер. Колючие снежинки белыми жалами летели сквозь желтый свет старых фонарей. Здесь еще сохранились деревянные фонарные столбы. Черные, занесенные снегом с одного бока, с головами-тарелками, качающимися на ветру.

Я поднял воротник пальто и придерживал его пальцами – тщетная попытка защитить больную щеку. Рука быстро замерзла. Я не испытывал раздражения на Кая – только на самого себя. Надо быть предусмотрительнее.

Я вышел на насыпь. Здесь самый сильный ветер. Асфальтированная дорожка исчезла под снегом, осталась извилистая тропка для самоубийц вроде меня и аккуратная лыжня рядом с ней для тех, кто заботится о своем здоровье. Внизу чередой бледно-зеленых огней горела станция. Она казалась призрачной крепостью в ночи, оплотом без надежды, где скитаются души мертвых.

Я скатился вниз по склону. Мимо меня ревушим монстром мелькнул поезд. Какой-то голос далеко-далеко говорил, что мне не надо пива. Надо дойти до магазина, спрятаться в тепле и просто вызвать такси. Го-

лос говорил, что я чуть не погиб сейчас, что я неадекватен, что я утратил контроль, что я рискую собой и ребенком.

- Две «девятки» и сэндвич, - я бросил сто рублей на прилавок.

Магазин был старый, без самообслуживания. Запорошенная снегом старуха с тележкой пыталась оплатить телефон в автомате. Я подсказал ей перевернуть купюру, но она даже не обернулась. Может, она была глухой, но мне кажется, что это просто было первым знаком. Мир разделился. Одни остались по одну сторону. Другие – по другую. Меня утягивало в зиму. Я не умер, но стал похож на призрака. Земля под моими ногами была готова превратиться в лабиринт безысходности. Она накрепко настигла, как бегун на старте.

Старуха перевернула купюру – сама догадалась. Сопли льда на стекле. Послушный таджик протянул мне еду. Сэндвич был холодный. Я спросил, можно ли его еще погреть. Оказалось, что у микроволновки заклинило настройку режимов.

- Я тут постою еще? - спросил я. - А то на улице холодно.

- У нас не бар, - ответил продавец.

Я вышел в метель. Бледный свет лился сквозь окна магазина. Где-то рядом грохотали поезда, невидимые и смертоносные. Я попытался начать есть и тут же понял, что это просто опасно. Ни на вкус, ни на ощупь я не отличал свой язык от хлеба.

Я оставил сэндвич на карнизе под окном магазина. Быть может, его потом нашел нищий бродяга из другой реальности? Не знаю. Я шел сквозь пургу. Пиво оказалось теплым. Не так уж плохо, если учесть обстоятельства.

Люда позвонила, когда я дошел до моста. К тому моменту я добивал первую банку, мои ноги уже заплетались, но я не понимал, что пьян.

- Юрий Анатольевич? - спросила она.

Ну а кто еще может быть по этому номеру?

- Да, я, - ответил я. - Я уже к вам иду.

- Где Вы именно?

До меня дошло, что что-то случилось. Не стала бы она просто так звонить. А если бы стала, то сначала был бы вопрос про мой зуб.

- Иду от станции через мост. Десять минут.

Пять, если бежать сломя голову.

- Кай упал, - сообщила Люда.

- Что с ним? - спросил я.

Я чувствовал странный покой. Как будто весь мир отдалился, и я смотрел на этот снег сквозь выпуклый купол скафандра. Я был далеко. Я был пришельцем с другой планеты.

- Он упал с лестницы... головой об угол тумбы... его сразу стошнило. Я велела ему не шевелиться.

Кай лежит на полу. Там дощатый пол. Крашенные коричневые доски. Лужица рвоты. Его глаза закатываются, и в них меркнет тот волшебный свет.

- Да, Вы все правильно сделали, - ответил я.

- Я не знаю, вызывать скорую или нет, - сказала она.

- Если это просто сотрясение мозга, то не обязательно, - решил я. - Он цел?

- Да, кажется. Оцарапал шею и висок, но... - Люда почему-то замолчала.

- Я буду через три минуты, - сказал я.

Через гребаные три минуты. Я сбросил вызов. Бутылка вмерзала мне в руку. Мело все гуще. Кай. Мне стало страшно. Я почти бежал.

Все улицы поселка Луговой называются примерно одинаково: «яблонева аллея» или «социалистическая аллея» или «аллея номер восемь». Аллей с номерами намного больше, чем с названиями. Аллеи с названиями отсылают либо к коммунистическому прошлому, либо к чему-нибудь растительному. Я никогда не мог похвастаться хорошей ориентацией на местности или выдающейся способностью запоминать бессмысленные названия стометровых проулков.

Я нервничал, когда мы с Каем ходили вдоль дороги. Мне все время казалось, что он сиганет под машину. Поэтому чаще всего наш путь лежал через несколько маленьких улочек. Я хорошо знал этот маршрут. Мы проходили мимо дома какого-то куркуля, над воротами которого зависли мертвые глаза двух охранных видеокамер. Потом был поворот на улицу зеленых заборов. Потом первый поворот налево, а потом первый поворот направо. И вот мы оказывались прямо у моста, ведущего на станцию.

Это был долгий путь. Помню, однажды я посмотрел карту поселка в интернете и обнаружил, что мы с Каем рисуем почти идеальную латинскую S. Но сейчас я хотел дойти быстро. Я не свернул в ту улочку, из которой мы обычно выходили, и пошел прямо.

Мело все сильнее. Машины казались черными снарядами со светящимися глазами. За каждой из них проносился белый шлейф снежного вихря. Узкий тротуар жался к забору.

Я прошел мимо еще одного поворота направо – мне казалось, так будет ближе. Мимо с ревом проехал огромный трейлер. Брезентовый чехол хлопал по бортам кузова. Ветер свистел и выл.

Я сделал последний глоток и швырнул пустую банку под забор. А секунду спустя прямо у меня над головой взорвался один из уличных фонарей. Я даже присел от страха. Несколько мгновений мне казалось, что меня настигла шальная машина, что эта тьма смерти.

Потом я понял, что вижу другие фонари. Я стоял на коленях в снегу, у дороги. Я подумал, что не знаю знака хуже, чем фонарь, взорвавшийся над головой. Мир всегда предупреждает нас. Сами вещи начинают злиться. Они тревожно колотятся о стену нашего сознания, кричат: «Что-то не так».

Мне надо было пройти десять шагов назад и свернуть в пройденный поворот. Но я не догадался. Я шел дальше.

Правого поворота все не было и не было и не было. Мимо тянулся какой-то бетонный забор. Плакат с рекламой пинбола. Кай разбил голову. Я почти бежал. Вызвала ли Люда скорую? Нет. Все не так плохо. Но она сказала Каю, чтобы он не шевелился. Почему? Так говорят, когда сломана шея. Кто определит, что шея не сломана? Я? Но я не врач.

- Успокойся... Людмила взрослый человек, преподаватель, она работает с детьми, она все сделает так, как нужно.

Я говорил и сам не верил своим словам.

Бетонный забор кончился, оборвался в мятущуюся пургу. Я повернул направо.

Улица – чередка фонарей. Их робкий качающийся свет смутными пятнами прорывается сквозь пургу. Я перелез канаву, руками сбросил снег с бело-синей таблички. «Восьмая аллея». Я не знал, где она. Я не знал, где я. Я не знал, где Кай. А снег валил все гуще.

Я впервые начал задаваться вопросом о том, как вообще собираюсь найти дом Людмилы Владимировны, как узнаю его в этой пурге. Все заборы одинаковые. Все они кажутся черными в этом снегу. Ни узоров, ни зубцов. Я даже не отличу дерево от металла.

Я снова повернул направо. Очередная аллея – то ли «жасминовая», то ли «вишневая». Какая-то машина, ревя мотором, пробивалась сквозь снег. Она забуксовала, потом вылетела из ямы и дала юза. Я еле увернулся – и свалился в канаву. Ближайший забор глухим ударом приветствовал мою голову. Из глаз посыпались искры. Боль тут же отдалась в зуб, и я застонал. Ко мне пришла далекая, полусознанная мысль, что я пьян. Я ей не поверил. Не было такого, чтобы я напился с одной банки.

Я вылез из канавы. Меня сильно шатало. Прошел улицу, повернул направо. Прошел еще улицу. Фонарей становилось все меньше. Сколько я уже иду? Десять минут? Двадцать? Час? Когда я обещал прийти? Я не мог вспомнить.

Снова зазвонил телефон. Снова Люда.

- Где Вы?

- Я уже почти пришел, - сказал я.

- Почему так долго?

Мне показалось, что за вопросом последовал истерический всхлип. И тогда пришла жуткая мысль. Не говори мне, что Кай умер. Не говори мне, что Кай умер. Не говори...

- Как он? - ответил я вопросом на вопрос.

Секунда тишины. Снег лежал на ресницах и на руке, которая я держал мобильник. Снег хрустел под ногами. Я шел и шел. Не говори мне...

- Мне кажется, у него раскололась голова.

- Он жив? - спросил я.

- Да, да, - испуганно простонала она. - Сначала я думала, это просто ушиб, он так лежал... я сказала: «не шевелись, Кай»... а теперь там лужа крови.

- Почему Вы сразу не сказали мне правду? - спросил я.

- Крови было мало. - Начались рыдания. - Я думала, она остановится, думала, все будет в порядке.

Пауза, а потом полная чушь.

- Меня посадят за неосторожность, и я не смогу преподавать...

О Господи, Люда, как хорошо было пить чай у тебя на кухне, обсуждать наших детей и творчество Урсулы Ле Гуин.

- И я даже не могу подойти к нему, - лепетала она. - Я не могу смотреть на кровь. Если я тоже упаду в обморок, ему совсем никто не поможет.

Я ему помогу. Только в такие моменты понимаешь, чего стоят люди. Цена Людмилы Владимировны за одну минуту нашего разговора упала до нуля.

- Перестань истерить, трусливая сука! - заорал я. Какая-то часть меня сказала, что я веду себя очень грубо, что надо утешить ее и поддерживать. Другая ответила, что это неважно. Как бы я себя ни вел, значение имела только воля этой женщины помочь моему ребенку. Ее гребаная истерика убивала моего сына. Моего Кая.

- Перестань плакать и вызови скорую, - прохрипел я. - Если ты боишься, что тебя будут судить, то помни, что хуже сидеть за убийство, чем за оплошность.

После окрика в трубке наступила тишина. Я ждал, думал, она начнет опять говорить какую-то ерунду. Вместо этого я услышал всего три слова.

- Я забыла номер.

Голос спокойный, но с каким-то потаенным безумием в глубине.

- Ноль три, - ответил я.

Мне тут же показалось, что я ошибся. Я с детства помнил, что 02 – это милиция. 01 и 03 у меня в голове путались. Я хотел сказать Люде об этом, но она уже положила трубку.

Фары в снежной пыли. Я съехал в кювет, на этот раз ушиб колено. Куда их всех несет в эту пургу? Почему машины, а не люди? Почему не у кого спросить дорогу?

Я начал снова набирать ее номер.

Безумие. Еще в первом классе Кай знал номера пожарной, милиции и скорой. А здесь два взрослых не могут вспомнить те вещи, которые так хорошо выучил ребенок. Машина поравнялась со мной. Машина. Ключевое слова «машина». Я вспомнил. На бортах пожарных машин написано 01. И на щитках пожарных кранов тоже. А еще есть магазин 01, столовая 01. Значит, 03 – это скорая. «Дедукция», - усмехнулся голос у меня в голове.

Мимо проехал чей-то внедорожник. Так мелко, что я даже не разобрал цвет, только общие очертания.

Я сбросил вызов. Теперь болела нога. Мое тело казалось мне перекошенным, разбитым, как будто я был раненым членистоногим монстром. Я подумал, что так же себя чувствует и та тварь, которая ползет с другой стороны. Чтобы забрать Кая. И я должен эту тварь опередить. Я должен добраться до него раньше.

Я хромал сквозь метель. Вот теперь точно нужный поворот. Я ведь все время поворачиваю направо? Значит, сколько бы я не ошибался, я сужаю круг поисков, так? Мне представлялось, что поселок Луговой это лабиринт в форме улитки, а дом Люды в его центре, а в центре дома Кай.

Улица впереди погружалась во мрак. Я прошел последний фонарь. Его свет жалобно моргал в снежном мареве. Я понял, что иду по дикой

земле. Здесь не было даже колеи, только сужающаяся тропка. Вот поворот к чьей-то калитке. Он мне не нужен, я иду дальше.

Я чувствовал, как моя паника проходит. Она отступала перед новым демоном из бездны. Его имя было Ужас. «Ты уходишь из этого мира, - хихикнул голос. - Там, впереди, в темноте, во льду, только мертвые. Ты хочешь найти Кая? Ты найдешь его, но только он будет холодный, истыканный льдинками, с ирокезом из пропитанных замерзшей кровью волос. Ха-ха. Ты хочешь найти Кая? Ляг, отдохни, тебе скоро станет тепло и легко. А потом вы будете вместе. Будете держаться за руки. Как раньше».

- Замолчи! - крикнул я голосу.

- Решетка, - невозмутимо ответил он.

Решетка. Черная стальная решетка. Без калитки. Я знал, что такая решетка есть только одна. Она ограничивала кооперативную зону Лугового. Дальше был овраг, река, а за ними начинались дачи. Где же я, Господи? Я вышел к краю этого района? Но я ведь все время поворачивал направо.

Ну да. Направо. А сколько перекрестков ты прошел мимо? Ты же не видишь ничего в этой метели. Кроме того... Я вдруг начал сомневаться, что мое сознание непрерывно. Я знал, что все время шел, но я не был уверен, что все время шел в сознании. Мог ли я бессознательно поворачивать налево? Да. Собственно, достаточно было сделать это всего один раз.

Я обернулся. Мне было страшно, потому что казалось, что сейчас я увижу там Стикс и одинокого хранителя с огненным мечом. Но я увидел только фонарь. Маленькую оранжевую точку, обозначающую начало этой тупиковой улицы. Кай. Где же ты, Кай? Как мне найти тебя? Как спасти?

Я пошел назад, по одинокой цепочке собственных следов. Нога подвернулась, и я упал. Фонарь так далеко. А ведь он не конечная цель. Мне еще идти и идти. Идти назад. И никто не гарантирует, что меня не вырубят опять так, что я потеряю контроль. И снова поверну не туда.

Мне плохо, я не дойду. Что-то лежит под боком. Я перевернулся и нащупал вторую банку пива. «Выпей ее и дойдешь, - посоветовал голос, - тебе станет легче». Я сел в снегу. Думаю, я тогда плакал. Плакал и откупоривал ледяную банку онемевшими пальцами.

И тут зазвонил телефон. Кто говорит? Слон. Я думал, это опять Люда. Я оставил банку пива и нащупал мобильник. Все мы иногда совершаем маленькие чудеса. Я должен был спасти Кая. А Саша должна была спасти меня. Увидев ее лицо на экране телефона, я почти пришел в себя.

До меня вдруг дошло, что все, что сейчас со мной происходит – это соединение двух простых факторов. Уколы врача и пиво. Нет. Трех простых факторов. Сначала ведь был лидокаин. Я встал. Банка осталась лежать в снегу. Выпей ее и дойдешь.

Я смотрел в лицо Саши и понимал, что не знаю, что могу ей сказать. Привет, дорогая, я в стельку, а наш сын умирает. На телефоне у меня одна из любимых фотографий жены. Она там совсем молодая, ей семнадцать. Глупая улыбка и шляпа раввина на голове. Эта фотография старше нашего знакомства. Саша сделала ее в компании подружки-еврейки. Телефон продолжал звонить. Я снял трубку. Кажется, я сказал «привет». Она не поздоровалась, но задала два вопроса, каждый из которых поставил меня в тупик.

- Ты пьян и ты заблудился?

- Откуда ты знаешь? - спросил я.

- Что именно?

У нее был странный голос.

- Что я пьян? - сказал я.

- От Кая. Ты ведь берешь пиво каждый раз, когда вы возвращаетесь из «Лучика».

- Господи, - пробормотал я.

- А об остальном я знаю от Люды.

- Она тебе звонила, - сказал я.

Саша молчала. Я стоял посреди снежной пустыни. Мои руки замерзли. Пурга заметала снег за воротник. До меня вдруг дошло, что Саша плачет.

- Это все? - спросил я.

- Да, Юра, я думаю, это все, - подтвердила Саша.

Тихо. Как же тихо вокруг. Как тихо падает снег. Здесь не слышно ни машин, ни поездов. Все утонуло в белом войлоке. Все растаяло в темноте. Кай.

- Что мне делать? - спросил я.

- Ты очень пьян?

- Одна банка девятки, - ответил я. - Послушай... Я никогда не напиваюсь, когда гуляю с Каем, просто меня уколол стоматолог, и теперь...

Я жалкий хнычущий ублюдок.

- Стоматолог? - удивилась Саша. О стоматологе она ничего не знала. На мгновение вспыхнула надежда. Она простит меня, и все будет как раньше.

- У меня страшно болел зуб, - сказал я. - Я ходил к врачу, оставил Кая у Люды, а потом...

- Где ты? - спросила Саша.

- Я не знаю. Овраг у края дачного кооператива.

Не падай, жалкий хнычущий ублюдок. Найди силы и иди. Иначе ты умрешь. Кай умрет.

- По этому адресу нельзя вызвать такси, - сообщила Саша.

Шутка. Я рассмеялся. Я уже снова шел, теперь назад. Я смотрел, как приближается фонарь. Я не буду просить прощения. Я просто дойду. Просто дойду, куда шел.

- Ты можешь доехать до него раньше, чем я дойду, - признал я.

- Я заперта в пробке на семнадцатом километре МКАД, - отрезала Саша.

- Господи.

Ну да. Она возвращалась с работы домой. И одна авария на дороге могла задержать ее на два, три, четыре часа. Даже на половину ночи, если это столкновение бензовоза и цистерны с пропаном. Зло оборвало все нити, отрезало все пути. Оно было между снежинками пурги. Этот вечер принадлежал ему.

- Если не знаешь, куда идти, не надо торопиться, - сказала Саша. - Нарезай кресты.

- Кресты на заборах? - тупо спросил я. - Типа, я здесь уже был?

Отличная идея, только вот в этой метели ни хрена не видно.

- Нет, - сказала Саша. - Просто не торопись уходить от какого-то места. Иди от одного перекрестка до другого. Если не можешь понять, где нужное направление, то возвращайся на прежний перекресток и пробуй в другую сторону.

- Хорошо, - сказал я.

Несколько секунд мы молчали. Надежда умерла.

- Почему я должна спасать тебя, когда последние три года я смотрю, как ты отнимаешь у меня сына? Пьянь. Ты даже не в состоянии прокормить семью. Поэтому я стою в пробке, а он умирает там.

До сих пор не знаю, сказала она это вслух или слова прозвучали у меня в голове. Снег хрустел под ногами. В трубке шелестел ветер.

- Что? - переспросил я.

- Ничего, - сказала Саша.

- Ну, я пошел. - Я и так шел, так что фраза отдавала непрошенным комизмом.

- Давай, - попрощалась она. - Удачи.

Я дошел до фонаря, вышел на перекресток. Есть право. Есть лево. Есть вперед. Еще есть река. Она отделяет станцию от «Лучика». Там перекинут мост. Овраг – часть реки. Значит, пока река у меня за спиной, дорога к станции будет слева. Если я найду дорогу, то найду и дом. Я пошел налево, нащупал в кармане пузырек лидокаина и швырнул его в снег. Боль в зубе, боль в голове. Я понял, что она стала сильнее. Заморозка сходила, и я чувствовал, как невидимая рука выкручивает мое лицо, кусок за куском вырывает из моей щеки мясо.

Кай. Мой мальчик лежит в луже крови, и никого нет рядом с ним. Только трусливая Людмила Владимировна да пара ее спиногрызов. А почему вообще Кай упал? Может, Ксюша его толкнула или Миша поставил подножку? Едет ли скорая? Если да, то где она?

Перекресток. Я пошел прямо. Пришел к новому перекрестку. Безымянные, безликие, бесприметные перемычки улиц. Темные заборы и одинаковые фонари. Я пошел назад. Вернулся к предыдущей развилке и свернул налево. Если я найду там овраг, значит, я знаю, где я, значит, я иду правильно.

Я нашел еще один перекресток. Такой же, как и другие. Я представил себе, как поселок Луговой захватывает весь мир. Бесконечность запыленных снегом квадратов. Километры никуда не ведущих дорог. Машины – призрачные странники в пурге.

Мне было страшно. Я плакал. Кай. Кай. Где же ты, Кай? Не смей умирать, пока я тебя ищу.

В какой-то момент я перестал обращать внимание на боль. Я не помню, когда это случилось. Просто я перестал быть слабым.

А потом я нашел овраг. Я понял, что он лежит по диагонали к улицам. Я доходил до овраговых тупиков, выходил из них и поворачивал налево, потом шел прямо и снова поворачивал налево, и снова шел прямо, пока не находил овраг.

Я полюбил черный пограничный забор. Он был единственным, что мне осталось. Стальная граница призрачного мира. Я знаю, что побывал где-то, где ничего нет. Я вышел оттуда потому, что кто-то протянул мне нить. В этом мире множество сил, и не все они действуют против нас.

Я нашел дорогу и мост. Я начал слышать далекий гул поездов со станции. Я повернулся спиной к мосту и начал все сначала – первый правый поворот, потом первый левый. Я нашел дом куркуля – у него над

воротами был свой прожектор. Камеры безумным взглядом вперились в метель. Я нашел «Лучик».

Я нашел его.

Я долго стоял перед калиткой, не знал, та ли она – не мог различить цвет забора. Потом подсветил себе телефоном. Узнал табличку «злая собака». Она висела над дверью Люды, хотя своего пса у женщины не было.

Калитка была открыта. На дорожке перед домом ни следа – пурга замела все. Я на ощупь пробрался мимо сарая и поленницы, пробил себе путь через наметенные поземкой сугробы, штурмом взял лестницу.

- Он жив? - спросил я с порога.

- Да, - сказала Люда.

Я не помню, как тогда выглядело ее лицо. Помню только, что она шарахнулась от меня, будто это я был тем чудовищем, которое ползло к Каю через снежные туманы с той стороны.

Кай лежал в широкой прихожей. На полу, в луже крови. Саша стригла его сама. У него были мягкие светлые волосы, достаточно густые и длинные. Сейчас они пропитались кровью. Кай казался спящим. Если его и стошнило, Люда успела все убрать. Кровь промочила свитер у него на груди. Я сел рядом с ним, поднял его к себе на колени. У него был длинный шрам от виска до шеи. Кай. Кай. Кай.

Я мало что тогда понимал. Молчал, баюкал его. Даже не пытался разобраться, живой он или мертвый. Он улыбался во сне. Улыбался совсем так же, как когда был младенцем. Улыбался как тогда, когда я еще его не любил.

Помню, я тогда испытал безумную ревность. Я держал его на руках и понимал, что он больше не мой. Он не достался смерти. Он не достался мне. Он просто сбежал куда-то в свои сны. Может быть, он там был ближе к Саше, а может быть, он не достался никому из нас. Я держал его на руках и чувствовал, что мы уже не вместе.

А через минуту приехала скорая. Я никому об этом не говорил, но я уверен, что если бы я не нашел дом Людмилы в тот день, его бы никто не нашел. Я разорвал невидимую пелену, срастил заново два разошедшихся мира.

- Почему вы так долго? - спросила Люда у врача. Он был высокий, стремительный, в синем халате. Я помню, как снег таял на его плечах, когда он наклонился над моим мальчиком.

- Мы заблудились, - сказал он. - Здесь все улицы называются одинаково.

Кай лежал у меня на коленях. С закрытыми глазами. Мои штаны мокли в его крови. Мы с доктором оказались нос к носу.

- Это не черепно-мозговая, - сообщил он. - Все будет хорошо.

А потом, с сочувствием:

- Вы, наверное, очень испугались.

Я заплакал.

- Почему он без сознания? - спросила Люда.

- Шок, - ответил врач.

Позже, в больнице, мне сказали, что мальчик потерял сознание от потери крови. Он вполне мог умереть, если бы я не пришел. У меня тогда случилась вторая волна паники.

Саша и Люда держались за руки. Они не подходили ко мне ближе, чем на три метра. А Кай улыбался во сне. Он думал о чем-то своем. Он смотрел на солнце мира, в котором еще не крикнула ни одна птица.

Я был ему чужой.

Я любил его не за то, что он был моим сыном, но, кроме этого, между нами ничего не было. Я тогда подумал, что он хотел умереть. Смерть приняла бы его как самый крепкий сон. Я заставил его жить. Но он все равно убежал от меня. Прodelал какой-то странный фокус.

Сейчас я живу один. Мои волосы поседели раньше времени. Я по-прежнему неплохой программист. По-прежнему пишу рассказы. Страница – бутылка. Бутылка – страница. Я выхожу на улицу, только когда кончается пиво.

Кай остался с Сашей, а потом съехал и от нее. Сейчас ему шестнадцать лет. Я не знаю, в каком городе его дом и какое солнце отражается в его глазах. Мы редко видимся. Когда я смотрю в его стремительное лицо, мне кажется, что я чего-то не понял. Его волосы с возрастом потемнели. Он не стрижет их и причесывается так, чтобы они закрывали шрам на шее. Он одинок и принадлежит только себе и своим снам.

И еще он пишет рассказы. Я читаю их в интернете. Почти все они о детях, сражающихся со злом. Мне нравится думать, что своим талантом он пошел в отца.

ПРЕВРАТИ МЕНЯ

Маленькая повесть о волшебстве.

Посвящается неизвестному мальчику.

*И хоть падает снег, словно белая пелена,
И бушует метель, ты пришел, мой любимый.
Не напрасно тебя я так сильно любила.
(из японской поэзии).*

Глава 1

СНЕЖИНКИ

Его имя Валттери Лайне, но когда я об этом узнала, он уже ушел. Ушел вместе с моим братом и Райли, которая на самом деле не собака. Я, кажется, понимаю, что случилось, но в это никто не поверит. Сейчас я сижу в старом кожаном кресле, в кабинете, на втором этаже его дома. Он ушел осторожно, все погасил и все выключил.

На улице минус пятнадцать, и я чувствую, как медленно остывает дом. Слышу, как стены скрипят, впитывая холод. Вижу, как синеватый свет наступающего дня не спеша двигает по ковру тени подвешенных над камином оленьих рогов.

Сейчас позднее утро. Но исчезновение Сани заметят только тогда, когда папа с мамой вернутся из Москвы. У меня есть несколько часов, чтобы написать эту историю. Я хочу сделать это здесь, в кабинете Валттери, пока сюда не явились чужие люди.

В этом доме пахнет еловыми ветвями, свечой, шерстью и пыльными книгами. Еще DVD-дисками. Если вы не замечали, у них свой запах – запах вредного пластика. Станные запахи в этом доме. Валттери поселился здесь десять лет назад. Я думаю, с тех пор здесь ни разу не готовили еду, не курили сигареты и не делали еще тысячу тех привычных мелочей, которыми пахнет человек.

Я – Лиза, мой брат – Саня. Мне скоро будет четырнадцать, а ему недавно исполнилось двенадцать, и это был самый странный и грустный день рождения, какой только может быть.

Я не знаю, с чего началась эта история. Год назад все было другим. Год назад я не могла представить, что когда-нибудь буду сидеть в кресле Валттери Лайне и наблюдать, как ледяной ветер рисует узоры на узких окнах его кабинета.

Год назад, одно за другим, начали происходить маленькие события, которые привели меня сюда. Как ложится снег? Одна снежинка. Потом другая. За ней третья. Первая растает, а вторая – уже нет. Как наступает зима? Листья облетают один за другим. Солнце теряет яркость, а дни становятся короче. У зимы тысяча примет. Год назад наша семья еще не знала, что в ее жизни может наступить зима, но зима уже была рядом. Я не знаю, с чего началась эта история. У ее начала тоже была тысяча примет. Год назад мой брат начал умирать, а мой отец – беднеть. Но еще никто этого не замечал, даже они сами.

Может быть, все началось с того, что Саня купил брелок-ворона? Я помню, как это произошло. Перед новым годом на озере рядом с нашим домом устроили соревнования по картингу. Была последняя суббота декабря. На улице раздался вой моторов. Потом еще и еще. Мы обедали. Через несколько минут брат поднял голову и прислушался.

- Что это? - спросил он.

- Не знаю, - ответил папа, - но мне тоже интересно.

Отец любит гонки. Он каждые выходные смотрит «Формулу-1». И я надеюсь, что это никогда не изменится. Папа вышел на балкон, потом вернулся с горящими глазами.

- Это машинки для картинга, - сказал он. - Доедайте! И идем!

И мы пошли. Лед на озере был толстым – не прошибить. Машины носились кругами, за ними поднимался густой дым, пропахший резиной и маслом. Иногда они стучались о полосатые шины, уложенные вдоль поворотов.

А среди воя двигателей и поднятых колесами вихрей снежной пыли бродил цыганский мальчишка со связками всякой притягательной всячины. Брат зацепился за него взглядом, увидел ворона и уже не отходил от торговца, пока не убедил папу купить брелок.

Ворон был крошечный, металлический, с блестящими глазами-бусинками. Он раскрывал свои черные крылья и парил, подвешенный к

нитке. Было в нем что-то действительно завораживающее. Саня начал носить его с собой, прицепляя то к ключам, то к рюкзаку.

А может, все началось в тот день, когда Саню отпустили с уроков в школе? Это было где-то в феврале. В дверь моего класса постучали. Учительница выглянула и через минуту попросила меня выйти. Я встала.

- Нет, - мягко сказала она. - Собери вещи.

В коридоре стоял брат – бледный, со странным взглядом. Мне показалось, что он смотрит сквозь меня.

- Что случилось? - спросила я.

- Его отпустили, - сообщила учительница. - У него кружится голова. Отведи его домой.

- Ладно.

Она ушла.

- Как ты? - поинтересовалась я у Сани.

- Я не мог писать. - Он протянул вперед руку. Она дрожала как осенний лист на ветру.

Мы пошли домой. Сначала брат двигался неуверенно, как будто улицы Москвы под его ногами были сделаны не из асфальта, а из тонкой корочки льда над пустотой. Потом это прошло. На детской площадке напротив нашего дома он остановился, достал тетрадь из рюкзака и три раза написал свое имя. Его лицо больше не было бледным, щеки покраснелись от холода.

- Все в порядке, - сказал он. - Но мы ведь не вернемся в школу?

- Нет, - улыбнулась я. - Только не выкидывай это слишком часто, а то тебе никто не будет верить.

- Я не притворялся, - серьезно сказал он.

Я протянула к нему дрожащую руку, - «Я не мог писать», - и мы расхохотались. Первая снежинка растаяла. Зима началась, но никто этого не заметил.

Через месяц приступ случился снова. Мы играли в гонки на приставке. Он первый раз в жизни трижды подряд проиграл мне, расстроился и бросил пульт. И когда он потом переливал себе сок из пакета в чашку, его руки опять тряслись. Он справился, не пролил. Я ничего не сказала, и он ничего не сказал.

А зима была все ближе. Это была наша зима. Она не имела никакого отношения к тому, что происходило с природой. В вербное воскресе-

ные было плюс пять, и светило солнце, а отец пришел домой с разбитым лицом.

- Что случилось? - испуганно спросила мама.

- Я уволил рабочего, - ответил отец, - так этот ненормальный вернулся и попробовал отомстить.

- Ты что-то с ним сделаешь?

- Его уже забрала милиция.

- А за что уволил?

- Не могу оплачивать столько рук.

И больше ни слова. Третья снежинка легла рядом со второй. Они уже не могли растаять. Мы все ходили по тонкой корочке льда над пустотой. Но мы об этом не знали. Только Саня во время своих приступов мог ее чувствовать, и от этого его шаги становились совсем неуверенными.

У отца был бизнес – маленькая фирма по установке кондиционеров – и за два месяца, которые отделяют вербное воскресенье от середины лет, этот бизнес развалился. Я помню, как ночью пошла попить и увидела, что отец сидит за столом на кухне. Белый круг света от настольной лампы, желтые листы счетов, два мобильных телефона и потрепанный калькулятор – папа работал с бумагами по старинке. Его большие руки с серыми костяшками пальцев подходили для того, чтобы держать перфоратор, но не справлялись с умными приборами.

Я увидела нервные, измученные глаза отца. Они меня напугали. Всегда пугают глаза человека, который заметил, что к нему пришла его зима. Отец вертел в руках свою металлическую ручку, похожую на пулю для еще не изобретенного оружия. Я подумала, что что-то случилось, раз ему ночью понадобились два телефона.

- Не спится, Пушистик? - спросил он.

Мне стало еще страшнее. Он не называл меня так уже несколько лет, наверное, с того детского бала, когда я первый раз нарядилась.

- Пить хочу, - ответила я. - А тебе?

- Я разорился, - сказал он.

Я замерла, пытаюсь понять, что это значит.

- Мама еще не знает.

Пакет молока стоял в холодильнике, но я не могла его достать. Не могла оторвать свой взгляд от глаз отца.

- Все, что я делал, - добавил он.

- Это очень плохо? - спросила я.

- Я еще не знаю, насколько, - ответил он. - Ты не против, если мы будем жить за городом?

- В Луговом?

У нас там была дача.

- Нет, Пушистик, - устало возразил отец. - Где-то, где земля деше-
вле. Дачу придется продать. - Он вздохнул. - Извини, что все так получи-
лось...

- Папа, ты хороший, - сказала я. - Даже если мы будем жить в пе-
щере...

Он усмехнулся. На улице было плюс двадцать. Лето началось. Но
на земле нашей жизни уже лежал снег. Ветер сбивал с деревьев послед-
ние листья. Мы шли в наш маленький ад, но не знали об этом. В какой-
то момент нам с братом даже стало весело. По-настоящему хорошо и ве-
село, как бывает двум детям, которые получают в свое распоряжение не-
знакомый дом и новый участок земли.

Мы переехали в поселок Фальта. Двадцать минут пешком до стан-
ции. Два часа до Москвы на электричке. Наш участок был дикий, без
огорода и клумбы. Через дорогу от него начиналась пологая балка, за-
росшая сосновым лесом. Несколько сосен росло и у нас. К одной из них
предыдущие владельцы привязали старый, лишенный сиденья стул. Он
был закреплен на высоте два метра и отлично смотрелся с улицы.

- Баскетбольный стул, - сказал Саня, когда его увидел.

Мы начали смеяться еще прежде, чем вылезли из машины. И от
этого на несколько дней все стало очень хорошо. В первое время родите-
ли постоянно бывали в Москве. Отец продавал свою фирму, точнее, все,
что от нее осталось, и уговаривал рабочих не подавать иск. Отменял по-
следние заказы. Мама пыталась сдать нашу квартиру в центре города.

Мы с братом остались вдвоем. Жили как взрослые. Раз в два дня
ходили к станции за продуктами, сами готовили, сами стирали. Лето вы-
далось жаркое. Саня шутил, что дети торговца холодом оказались в пе-
кле. Мы спали на матрацах в самой прохладной комнате. Первый этаж
был похож на лабиринт коробок. Нераспакованная мебель в картонках,
излучающих сухой жар.

А потом снежинки стали ложиться плотнее. И наше хорошее время
вдруг стало плохим.

На углу участка росли две сосны. Не такие высокие, как в соседнем
лесу, но мощные и здоровые, с множеством боковых ветвей уже на сере-
дине ствола. Эти два дерева стояли отдельно от других. Им не приходи-

лось бороться за свет, зато их трепал ветер, и от этого они стали особенными. Стоило обойти дом, и они бросались в глаза.

Саня залез на них во второй или третий день нашей самостоятельной жизни. Ему это далось легко – на каждой из сосен было три десятка хороших сучков. Я смотрела на него снизу. Тонкий, легкий, ловкий. Он лез по дереву, как маленький зверек. Наверху брат выполнил фигуру высшего пилотажа – перепрыгнул на соседнюю сосну – и слез по другому стволу. Когда он достиг земли, руки у него были в смоле, а глаза горели.

- Через дом по соседней улице аисты на крыше!

- Да ладно? - подивилась я.

- Оттуда видно всю Фальту.

Я посмотрела вверх. Выше второго этажа. С первых развесистых веток можно перелезть на крышу дома. И я не сомневалась, что Саня однажды это сделает. Но деревья поднимались и дальше. Шестнадцать метров под ногами.

- Подстрахуешь меня? - спросила я.

Брат кивнул, и я полезла на дерево. Он карабкался по соседнему стволу, следил, как я ставлю руки.

- Не этот сучок, бери левый, - прокомментировал он, потом добавил, - а у нас на крыше лежит порванный воздушный змей.

Дерево было теплое и сухое. Живое. Запах смолы. Кора, шелушащаяся под рукой золотыми чешуйками. Я остановилась на высоте крыши нашего дома и замерла. Обняла ствол, увидела в полутора метрах от себя улыбающееся лицо брата.

- Дальше боишься? - спросил Саня.

- Да.

- Лиза-девочка, - противным голосом сказал он.

Я показала ему язык. Теплый летний ветер трепал наши русые волосы. У брата они чуть светлее, чем у меня, и намного короче. Мама стрижет его под три сантиметра. Потом вырастает «львиная грива», и ее состригают снова. Стригла. Не стрижет. Больше не будет стричь. Потому что Саня ушел с Валттери Лайне. С человеком, на крыше дома которого свили гнездо аисты.

Черные аисты никогда не селятся рядом с людьми. Но тогда мы этого еще не знали и просто наблюдали спокойные движения двух больших птиц с воронными крыльями и красными клювами. Один из аистов дремал, другой стоял на краю гнезда и чистил перья. Между родителями – пушистые шарики с вытянутыми головами: птенцы. Но с такого расстояния их было не рассмотреть. И Валттери мы еще не видели.

Собственно, мы не знали, что смотрим на крышу его дома. От нас до его участка было метров сто. Его дом стоит в ряду домов, примыкающих к нашему, но выходит на другую улицу. Близко, но не соседи.

Аист расправил крылья. Взмахнул ими.

- Да он двухметровый! - воскликнул Саня.

Птица взмыла вверх и полетела в сторону заводи, туда, куда вел ручеек, текущий по дну балки. Солнце заблестело в черных перьях. По улице скользнула тень. И я что-то почувствовала. Может быть, страх.

Саня развернулся и безрассудно повис на одной руке, чтобы взглянуть вслед улетающей птице. Это длилось несколько секунд, потом брат снова посмотрел на меня.

- Давай построим здесь домик, - предложил он.

- Где? - не поняла я.

- На этих соснах.

- Это для маленьких, - возразила я.

Брат пожал плечами.

- Верно. Если не построим его этим летом, не построим уже никогда.

- А у нас получится?

- Да.

- Ладно, - согласилась я, - но только после того, как разберем коробки с компьютером, телек и кровать.

Брат задумался, кивнул.

- И не вбивай гвозди в деревья, а то они погибнут, - добавила я.

- Идет, - решил он. - Все будет на веревках.

Но прежде чем мы слезли вниз, случилось еще кое-что. На соседнем участке хлопнула дверь. Мы посмотрели вниз и увидели, что на крыльцо вышел парень лет четырнадцати. Он был без майки, в шортах и темных очках, в шлепанцах на босу ногу. Загорелая кожа и развитые плечи. У него был дерзкий рот с резкими уголками и маленькая родинка над верхней губой. Он посмотрел на нас снизу вверх, ухмыльнулся...

...и мне вдруг стало стыдно, что я сижу на дереве.

- Решили осмотреть окрестности? - крикнул он.

- Вроде того, - ответил Саня.

Парень не удостоил его вниманием. Он смотрел на мою задницу.

- Дима, - представился он. - Я здесь только на лето.

- А мы на все времена года, - сообщил брат.

- Лиза и Саня, - представилась я.

И поняла, что краснею. Дима сделал несколько шагов в нашу сторону. У него была пачка сигарет. Он достал одну, вложил в уголок рта.

- Рад познакомиться, Лиза и Саня, - он закурил. Потом первый раз посмотрел на Саню. - Предкам не говорите, что я курю.

- Ладно, - холодно сказал Саня.

Мы полезли вниз. Сначала я, потом брат. Знакомство свершилось. Первая встреча. Я слышала, как сердце стучит у меня в голове. Теперь я знаю, что Дима был просто снежинкой. Еще одной снежинкой нашей Большой Зимы. И мне неприятно думать, что я могу увидеть его следующим летом. Но тогда его улыбка выбила из меня половину интереса к черным аистам и половину способности соображать.

Мы собрали кровать – она у нас с братом одна на двоих, двухъярусная – распаковали компьютер и видик, но включить ничего не смогли. Техника заработала только в начале сентября, когда у мамы, наконец, появилось время, чтобы вызвать мастера. А Сане к тому времени уже было тяжело смотреть на экран.

Тонкий лед под ногами брата начал ломаться шестого августа. В тот день, когда мы начали строить домик на дереве. В тот день, когда я совершила маленькое предательство, за которое мне до сих пор стыдно. Я пренебрегла Саней – наверное, единственный раз в жизни.

Мы с братом обыскали участок и много всего нашли. В том числе два бревна, каждое толщиной с мое бедро, которые Саня решил сделать основой домика.

- Мы их не поднимем, - сказала я.

- Вдвоем поднимем, - возразил Саня.

- Я не полезу с бревном на дерево, - предупредила я.

Брат фыркнул.

- Мы будем стоять на земле, - обещал он.

Мы поднимали бревно на двух веревках, перекинутых через крупные ветви обоих деревьев. Когда оно пошло вверх, я охнула – не от усилия, а от того, как легко это произошло. Он поднималось, глухо и гулко постукивая о стволы деревьев. Саня на половину длины промаслил веревки: они скользили по веткам, но не скользили у нас в руках. Все прошло гладко. Только раз брату пришлось лезть наверх, чтобы освободить бревно от сучка, в который оно уперлось.

На все ушло полтора часа. Мы привязали веревки к нижним сучкам и стояли, устало глядя вверх. Еще час назад Саня маслил веревку, а теперь бревно уже весело на высоте третьего этажа.

- Аисты часто прилетают на одно и то же место, - сказал брат. - Представляешь? Следующей весной мы сможем смотреть, как они устраиваются.

Я хотела ответить, что да, это здорово, но не успела. Забор между нашим и соседским участками слегка дрогнул, и над ним показался торс Димы. Он легко выжал себя на руках.

- Что делаете? - вместо приветствия.

- Домик на дереве, - ответил брат.

Дима смотрел на меня. Я чувствовала, как кровь приливает к лицу. Он был без очков. Серые глаза.

- А мы идем на озеро. Хочешь с нами, Лиз?

Это звучало так, как будто идти на озеро в сто раз круче, чем строить домик на дереве.

- Она занята, - сказал Саня.

- Я думаю, ты можешь поиграть и один.

Я молчала, колебалась. Он смотрел на меня.

- А если я скажу, что приглашаю тебя на свидание? - поинтересовался Дима.

Со мной что-то произошло. Это было так взросло – идти на свидание с мальчиком, которому четырнадцать лет. У которого родинка над верхней губой, сигареты и темные очки. И каждое движение его было таким, как будто под его ногами никогда не было корочки из тонкого льда над пустотой.

- Ладно, - Дима пожал плечами. - Мы в любом случае идем туда прямо сейчас. Решай.

Он спрыгнул обратно на свой участок. Я еще секунду смотрела на забор, а потом повернулась к брату.

- Пижон, - сказал Саня.

- Он классный, - возмутилась я.

Брата перекосило, как будто я заставила его проглотить жука. Между первым знакомством и этим днем случилось кое-что еще. Дима нам помог. Он заправлял небольшой группкой своих сверстников. У него был брат, чуть младше меня, но на полтора года старше Сани, и еще два соседских мальчика, родители которых снимали дом ближе к станции. Они вместе катались на великах, ходили к реке и делали что-то еще. Играли в футбол? Я так и не узнала об этом.

За день до подъема бревна мы с Саней решили купить арбузы. Было жарко, хотелось пить и есть что-то сладкое, но ходить к станции много раз было лень. И мы сделали глупость – взяли сразу два. Через двести метров мы осознали, какие они тяжелые. У футбольного поля, ко-

торое обозначает примерно четверть пути от станции к нашему дому, нам пришлось остановиться. Мы положили арбузы в траву, подальше от дороги. Саня обессиленно плюхнулся рядом с ними.

- Мы их не донесем, - сказал он.

Арбузы были большие. Мы тащили их, скорчившись, прижимая к животу. Наши хрупкие плечи не выдерживали. По дороге мимо шел Дима со своими ребятами. Посмотрел на меня, на арбузы, предложил свою помощь. Он и его товарищи могли нести их не так, как мы, а просто вскинув на плечо. Не знаю, как у них это получалось.

- У нас появятся друзья на новом месте, - начала защищаться я.

Саня покачал головой.

- Он не собирается дружить со мной. Просто ему нравишься ты.

- Это же не плохо.

Саня сморщил нос.

- Он и с тобой дружить не собирается. Он знает тебя третий день, но называет «Лиз», и он...

Смотрит на твою задницу. Может быть, Саня хотел сказать это, а может, и кое-что похуже. Я знала, что брат прав, но ничего не могла с собой поделать. Димина улыбка не выходила у меня из головы, как и сильные руки, которыми он с легкостью нес наши арбузы, по одному на каждом плече. Потом он сдался и отдал один другому подростку. Но сначала, первые триста метров, он выглядел так, будто носил их всегда.

- Ты не хочешь отпускать меня на озеро? - спросила я Саню.

- А ты что, хочешь пойти? - опешил брат.

- Ну да.

- Нет, мне плевать, - неожиданно резко ответил он.

- Ладно, - согласилась я. И ушла. Был даже момент, несколько минут, когда я думала, что это брат меня обидел, а не я его. Так я совершила свое маленькое предательство.

- Саня! - крикнула я, когда вернулась.

Ты заблудилась и замерзаешь в лесу. Потому что ты маленькая девочка, которая не замечала, как землю твоей жизни засыпает снег. Не замечала эту странную арифметику снежинок, которых мало, даже когда их сто, но потом их становится немного больше, и они уже могут убить. Тишина.

- Саня, - опять позвала я.

Мы гуляли всего два часа. На мне были сырые трусы и лифчик, потому что я не стала искать купальник и купалась в нижнем белье. Неприятное чувство. И страх.

- Ты обиделся на меня? - прокричала я.

Мне вдруг стало плевать, что Дима может на соседнем участке слышать, как я зову брата.

- Саня!

Ветер в соснах за дорогой. Теплый летний ветер. Мы видели несколько белок, пока шли от озера. Все было глупо и мило. Дима клал мне руку на плечо. И все. Ради этого я обидела брата?

- Саня, я хочу извиниться, - очередной бесполезный крик в пустых комнатах.

Я зашла в дом и, когда снимала мокрое белье, что-то услышала. Человек может слышать шепот через стену дома? Да. Если очень испугается. Самой холодной комнатой была та, которая торцом выходила в тот самый угол участка, где росли две сосны. Мы там спали. Туда я пошла, чтобы переодеться. И сквозь стену я услышала шепот брата. Не слова, но какой-то звук, какой-то признак, что он там и что ему очень плохо.

Я побежала в шортах и майке на голое тело, выскочила на улицу, обогнула веранду и увидела его. Он лежал на спине под деревьями. Бледный. Голова в такие моменты работает очень быстро. Я подбежала к брату, подумала, что он упал с дерева, и стала проверять свою версию. Посмотрела вверх. Увидела, что он успел закрепить бревно, причем как-то сложно, как я об этом никогда не думала, и поверила в свое предположение. Он лазил наверх. Один. Он мог сорваться.

Я упала на колени рядом с Саней и поняла, что он меня не видит. Он смотрел в небо. Его голова была откинута назад, затылок упирался в подушку из прошлогодней хвои, а все тело слегка изгибалось вверх. Он жаловался, причитал. Еле слышно. Его губы чуть двигались.

- Холодно, - шептал он, - больно и темно.

- Саня, Саша, Александр, - я называла его разными именами.

- Мне очень больно... Почему мне так больно? Отчего мне так больно?

- Саня. - Я не могла понять слышит он меня или нет. Его глаза, открытые, двигались, но смотрели на что-то мимо меня. Я стала искать, хотела увидеть, что он сломал, разбил, где поцарапался. Боялась, что переверну его и увижу лужу крови, обломок сучка, торчащий из затылка, или что-то еще непоправимое. Но перевернуть не смогла. Его тело было совершенно твердым и удивительно тяжелым. Мышцы спины и живота,

рук и ног – все окаменело. Я положила руку ему на лоб. Он оказался мокрым. Мелкий ледяной пот.

- Саня, Саша, братик...

Он всхлипнул, немного сильнее изогнулся вверх и опал. Я нашарила у него в кармане телефон, достала, начала набирать номер. Руки тряслись. Минуту не могла попасть по нужным кнопкам. Набрала.

Мобильная связь в Фальте неровная, но чаще работает, чем нет. Я услышала гудок в трубке, поняла, что звоню матери. И вдруг испугалась гадкого подозрения. На Сане ни одной ссадины. Что, если все это месть за то, что я ушла с Димой к озеру, спектакль?

Я сбросила вызов и уставилась на брата. Он больше не причитал, только шевелил губами. Его зрачки расширились. Огромные. Черные. Руки лежали вдоль тела. Глаза смотрели в небо. Лицо бледное и странное.

За мыслью, что он притворяется, пришло предположение, что он умирает. Он сломал позвоночник и умирает. Это последние судороги. Он упал из-за того, что меня не было рядом. Он умрет с воспоминанием о том, как я его бросила.

- Саня, - сказала я, - если это спектакль, скажи сейчас, иначе я сильно напугаю маму.

Он не ответил. Просто посмотрел на меня. В первый раз. Его лицо исказила гримаса удивления и боли, он как будто скалился – я подумала, что он как зверек. Я видела его маленькие аккуратные зубки. С них всего год назад сняли скобки.

- Ли... - он попытался произнести мое имя. Его рот и горло начали сокращаться. Из глаз потекли слезы. Он захлебнулся. Я снова начала набирать номер. Почувствовала, что вспотела, но руки дрожать перестали. Гудок.

- Мне было больно, - прошептал брат. - Мне никогда еще не было так больно.

- Все будет в порядке, - обещала я. Ложь. Меня начало подташнивать. Вкус слюны во рту и чувство, что сейчас Лиза-девочка упадет в обморок, как последняя тупая трусиха.

Мама сняла трубку.

- Саня упал с дерева, - сообщила я, - ему очень больно, у него судороги и...

- Я приеду через два часа, - ответила мама.

- Я не падал, - прошептал брат.

- Судороги? - уточнила мама. - Как он упал?

Я поняла, что она, наконец, тоже испугалась. Брат начал дышать, глубоко, медленно.

- Он говорит, что не падал, - автоматически повторила я.

- Я могу с ним поговорить? - спросила мама.

- Да, - я приложила трубку к мокрой щеке брата.

- У меня начали дрожать руки. - Саня говорил тихо. - Я успел спуститься с дерева, а потом меня как будто выкрутило.

Не знаю, что спросила мама.

- Нет. Боль во всем теле. Я лег на землю. - Пауза. Он вздохнул или всхлипнул. - Меня до сих пор трясет. И я вижу меньше, чем обычно. Лиза.

Я поняла и поднесла трубку к своему уху.

- Судороги? - снова спросила мама.

- Он был твердый и тяжелый, - сказала я, - жаловался на боль, не видел меня...

- Он точно не падал?

- Я не видела. Я пришла, когда он лежал внизу.

Мне вдруг стало легко. Я поняла, что Саня не умрет в ближайшие пять минут.

- Что вы делали? - спросила мама. - Там было что-нибудь ядовитое?

Я посмотрела на брата.

- Тебя мог укусить клещ?

- Нет, - шепотом ответил он. - Не знаю. Я ничего такого не заметил. Это было похоже... ладно, не важно.

Он закрыл глаза и расслабился.

- Он не знает точно, - сказала я маме.

- В какой же жопе этот проклятый дом, - пробормотала она.

Я открыла рот, но не знала, что ответить. Мама не ругается. Обычно не ругается.

- Я вызову вам скорую, - продолжала она, - потом позвоню отцу. Мы приедем в течение двух часов. Может быть, раньше скорой, но, наверное, позже. Если его будут увозить, поезжай с ним и все время мне звони.

- Да, - обещала я.

Мама сбросила вызов. Я еле успела встать и отойти от брата. Меня стошнило в угол, где скрещивались заборы четырех соседних участков. Когда я обернулась, Саня уже сидел на коленях. Его лицо выглядело изможденным.

- А с тобой что? - спросил он.

- Ты напугал меня, маленький засранец, - ответила я.
- Лиза-девочка.
И мы засмеялись.

- Это уже происходило, - сказал Саня. - Раз пять или шесть.
- Почему не обращались к врачу? - спросил доктор.

Он сидел на нижнем ярусе нашей с Саней двуспальной кровати, а брат, все еще бледный, успокоившийся до заторможенности, лежал рядом с ним. Медик закончил мерить ему давление и теперь убирал аппарат в футляр. На полу стоял раскрытый, ощерившийся готовыми шприцами красный чемоданчик. Пока шел разговор, я, мама и папа стояли вокруг или ходили по маршруту от окна к двери и обратно. Как звери в клетке.

- Мне не было так плохо, - объяснил Саня. - Просто начинали дрожать руки, и кружилась голова. Через час все проходило.

- Пять или шесть раз за сегодняшний день или за неделю?
- Нет. Всего пять или шесть раз.

В комнате зеленоватый полумрак. За окном соседский забор и тени наших сосен.

- Когда это началось? - поинтересовался отец.

- Полгода, - неуверенно предположил Саня.

- В феврале я отвела тебя домой из школы, - вспомнила я.

- Точно, - подтвердила мама. Она нервно взмахивала рукой, когда говорила.

- Почему ты думаешь, что эти состояния похожи на последний приступ? - спросил медик.

Парень был молодой, приятный. Маленький рот и зеленые глаза.

- Ну, - брат вздохнул. - Это...

...как идти по тонкому льду над бездной...

...как видеть, что тебя затягивает в трясину мокрого снега...

- Я теряю уверенность, - продолжал Саня. - Мне начинает казаться, что я вот-вот упаду. И сегодня это, наконец, случилось...

Врач кивнул.

- Тебе удобно так лежать? - спросил он.

- Да.

- Иголок боишься?

- Нет, док, - тихо отрапортовал Саня.

Врач ему улыбнулся. Достал шприц из своего чемоданчика.

- Это что? - спросила мать.

- Валиум.

- Обычное снотворное? - удивилась мама.

Саня привстал.

- Лежи, - ответил врач. - Ты сегодня уже по деревьям полазал. Вре-
мя...

Игла вошла в руку. Брат дернулся.

- ...отдыхать, - закончил доктор. - Валиум – не только снотворное.

- Холодно в вене, - сообщил Саня.

Медик кивнул ему.

- Вот и лежи, - посоветовал он. - Залезь под одеяло.

Его внимание переключилось на родителей.

- Валиум – это антисудорожный препарат. Пойдемте, поговорим.

Мать вышла из комнаты первой. Потом доктор со своим чемодан-
чиком. За ним отец. Я пошла следом, но папа обернулся и сказал: «По-
сиди с братом». Я вернулась к кровати. Отец вышел из комнаты. Еле
слышные голоса взрослых донеслись с веранды. Я улыбнулась брату. В
его глазах вдруг появился игривый блеск. Он пробился сквозь тревогу и
усталость, как живой росток сквозь асфальт.

- Подслушай, - шепотом попросил Саня.

Моя улыбка увяла, когда я вспомнила, как четыре часа назад ушла
к озеру. Я оглянулась. Коробки, коробки. К взрослым будет легко под-
красться.

- Пол скрипит, - тоже шепотом.

- Вдоль правой стены.

Подслушивать нехорошо, но сейчас Саня мог просить у меня все
что угодно. Я бесшумно подобралась к двери. Сквозь проходную комнату
было видно вторую дверь. Тени взрослых двигались между штабелями
не разобранных ящиков.

- Аура? - переспросил отец. - Звучит как в парапсихологии.

Мать что-то добавила к его вопросу. Мне пришла мысль, что речь
идет о плохой ауре этого места, или еще о чем-то мистическом. Потом я
поняла, что доктор скорой помощи не может говорить такие вещи. Я
тихо скользнула дальше. Половица все-таки закрипела, но никто не от-
реагировал. Врач начал отвечать на вопросы. Внимание родителей было
приковано к нему.

- Аура, - сказал он, - это признаки, по которым больной эпилепсией
предсказывает собственный припадок. Они у всех разные. У Александра
дрожат руки. А кто-то может посреди снежного поля чують запах тюль-
панов.

- У него эпилепсия? - уточнила мама.

- Это похоже на эпилепсию.

- Он не дергался, и не было пены изо рта. Вы думаете, дети чего-то не сказали?

- Я не знаком с вашими детьми и судить не могу, но припадки бывают очень разные. Биться об пол и откусывать себе язык необязательно.

- А... - начал отец.

- Подождите, я не закончил, - продолжал медик. - Хотя я уверен, что у него эпилепсия, я не знаю ее причины. Ему нужно обследование в стационарной клинике. Я могу его госпитализировать прямо сейчас. Либо вы можете отвести его к специалисту сами.

Саню положат в больницу. Я стояла между картонных завалов, и меня опять начало подташнивать. Никто из нашей семьи никогда не ложился в больницу. Больница это для тех, кто очень серьезно болеет.

- А что может быть причиной? - спросила мама.

- Все, что угодно, - ответил врач. - От отравления ядовитой краской до менингита. Все, что может вызвать нарушение деятельности мозга.

- Боже, - прошептала мама.

Хрустнуло. Я поняла, что моя рука лежит на углу ближайшей коробки. Пальцы продавили картон.

- Не волнуйтесь. Есть большая вероятность, что после начала лечения приступ не повторится больше никогда.

- Не волноваться? - с истерической иронией переспросила мама.

- Вам тоже вколоть валиум? - серьезно предложил врач.

- Нет, - ответила мама.

- Он сказал, что приступы бывают раз в месяц, - заметил отец, - и обычно не такие сильные. Что нам делать?

Повисла нервная пауза. Я затаила дыхание.

- А что ты думаешь? - вернула мяч мама.

Отец вздохнул.

- Он может упасть снова? Где угодно, как угодно и когда угодно?

- Да, - подтвердил врач. - Через двенадцать часов кончится действие лекарства, и может быть новый припадок.

- А под валиумом не может? - уточнила мама.

- Вы клоните к тому, чтобы без рекомендации специалиста несколько дней держать ребенка на сильных седативных препаратах? - переспросил врач. - Это пагубная практика.

Я поняла, что вопрос решен.

- В какую больницу вы его повезете? - спросила мама.

- В детскую Майского. Ближе некуда.

Стулья закрипели. Я на цыпочках бросилась обратно. Саня открыл глаза. Укол действовал – брат стал еще более вялым. Я успела сесть на край его кровати, прежде чем родители вошли в комнату.

- Тебя везут в больницу, - тихо предупредила я.

- Прямо сейчас? - Саня странно посмотрел на меня.

Я кивнула. Иногда, глядя на пасмурное небо, ты думаешь, что снега уже достаточно, но он все равно продолжает идти.

Я плохо помню следующие дни. Помню, как разбирала вещи – много вещей. Я открывала коробки одну за другой, достала всю посуду и утварь и разложила их на кухне. Потом мелкие вещи перестали находить себе место, и я начала сама собирать мебель.

Папа с мамой решили, что наша с Саней комната будет наверху. Я помню, что собрала в ней компьютерный столик и письменный стол. В московской квартире они всегда стояли рядом, и сейчас я их поставила к единственному окну. Я собрала книжные полки и ящики для игрушек. Потом разложила в них все вещи. Как-то незаметно обнаружила, что четверть коробок уже лежит в чулане, опустошенная и сваленная в кучу. Я помню, что приходил Дима, и я сказала ему уйти. Он ушел.

Помню, что часто садилась на стул, на кровать или просто на пол, и смотрела на то, что сделала. Так пропадали часы. У меня болели руки и спина. Папа говорит, что я называю болты винтами, а винты болтами. Но мебель, которую я тогда скрутила, до сих пор стоит в нашей с Саней комнате.

Помню, что заплакала, доедая второй арбуз из тех, с которыми нам помогли соседские мальчишки. И еще я помню, что все это время бревно висело между двух сосен. И доски, которые мы с Саней заготовили для строительства домика, лежали на каменной приступке у фундамента дома. Все как будто замерло, пока брат лежал в больнице.

На четвертый день он позвонил. Я помню, как к сердцу прилила теплая волна счастья, когда я увидела его имя на экране мобильного. Мир снова обрел краски. Я посмотрела в окно и увидела траву под солнцем. Я вдруг поняла, что живу летом в душном загородном доме, с приусадебным участком, но почти не выхожу на улицу.

- Саня, - я открыла окно. Ветерок и стрекот кузнечиков.

- Привет. Мне не давали телефон. Сказали, что нельзя волноваться. Язык у него заплетался.

- Ты в порядке? - спросила я.

- Фенобарбитал с ативаном. - От его смешка у меня пошли мурашки по коже. - Они ничего не объясняют, но я начал разбираться в колесах.

Даже после приступа он говорил быстрее.

- Что делаешь? - поинтересовалась я. - Как больница?

- Много сплю, - ответил Саня. - Слушай, мне реально тяжело говорить, поэтому к сути.

- Давай.

- У соседа по комнате книжка про птиц. Черные аисты не строят гнезда на крышах домов, они живут только на диких болотах.

Я не думала о птицах с тех пор, как увидела Саню на земле под деревом.

- Мы могли ошибиться, - предположила я.

- Да, поэтому найди бинокль в вещах отца, - попросил брат, - и проверь. У черных аистов маленькая белая опушка на брюшке и по краям крыльев. У белых все наоборот – шея и спина белые, а маховые перья черные. Если это все-таки черные аисты... Мой сосед говорит, что это будет сенсация.

- Я посмотрю на них, - согласилась я.

- Птенцы улетят через три недели, - грустно сказал Саня.

- Папа говорит, что ты через две недели уже вернешься домой, - ответила я.

- Да, - усталым взрослым голосом подтвердил брат, - и полезу на дерево, обдолбанный колесами, под которыми и ходить-то получается с трудом.

- Я посмотрю на них, - повторила я, не зная, что еще сказать.

- Смотри внимательно, - попросил Саня. - Я бревно закрепил. На нем можно сидеть.

- Хорошо, - обещала я.

- Напиши смску, если они черные, - добавил брат.

- Напишу. - Разговор заканчивался. Его голос стал совсем медленным.

- Хороший сосед? - спросила я.

- Нормальный. Я сейчас усну. Посмотри на птиц.

- Пока, - попрощалась я.

Он что-то пробормотал и сбросил вызов.

Одиннадцатого или двенадцатого августа я сидела верхом на бревне, закрепленном между двумя соснами на высоте четвертого этажа, и в бинокль смотрела на дом Валттери Лайне.

Аисты были черные. Саня, думаю, знал это с самого начала. А я поняла, как только увидела их во второй раз. Родителей в гнезде не было, но птенцы подросли. Настолько, что я поначалу спутала их со взрослыми птицами. Аисты стояли рядом. В бинокль можно было рассмотреть их круглые блестящие глаза в широких ободках красной кожицы. О юном возрасте говорили только желтые клювы и остатки белого между черными перьями. Они уже расправляли крылья. Самый младший из них – пестрый пушистый шар – неуверенно мялся между старших братьев и тянул шею вверх.

На ветку в четырех метрах от меня села ворона. Я вздрогнула. А когда снова поднесла бинокль к глазам, увидела, что на прозрачной, застекленной веранде дома с аистами стоит мужчина в белой майке. Он ничего не делал. Или казалось, что он ничего не делает. Я достаточно хорошо видела его спокойное лицо. Взгляд, устремленный на залитый солнцем двор.

Я стала еще на шаг ближе к развязке этой истории, но не знала об этом. И все же мне отчего-то стало не по себе. Слишком долго он не шевелился. Его участок был похож на наш. Дикий. Трава и деревья. Ничего, чем люди обычно стремятся заполнить принадлежащее им пространство. Я тогда подумала, что он, как и мы, недавно въехал в дом, о котором прежние хозяева почти не заботились.

Наконец, Валттери Лайне моргнул и повернул голову. Мне показалось, что он смотрит на меня. Я испуганно опустила бинокль. Может быть, он видел солнечных зайчиков? Я медлила несколько секунд, а когда снова посмотрела в бинокль, человек уже исчез. Веранда и дом теперь казались пустыми, даже заброшенными. А птицы стояли в гнезде на крыше и спокойно чистили свои перья.

Я спустилась вниз, и пока набирала Сане сообщение о черных аистах, поняла, что не могу вспомнить никаких примет незнакомца. Мужчина. Мужчина средних лет в белой майке. Ведь я минуту смотрела прямо ему в лицо. Папин бинокль позволял разглядеть все до мелочей. Но я запомнила только взгляд. Живой и неподвижный одновременно.

Мне вдруг пришло в голову воспоминание о том, как Саня во время своего припадка смотрел в небо. Мимо меня. Мимо всех вещей. Этот че-

ловец на веранде был странным, хотя я не смогла бы объяснить, почему. Он вызывал смутный страх. Хотелось сохранять с ним уважительную дистанцию, как с директором школы или каким-нибудь еще важным взрослым. И при этом у меня было желание подглядывать за ним в бинокль.

Шестнадцатого приехала мама – взрослые нервничали оттого, что я уже неделю живу одна. Папа решил, что сам управится с оставшимися московскими делами. Родительскую кровать еще не собрали, поэтому я постелила матери на нижнем ярусе нашей, там, где обычно сплю я, а сама забралась наверх, на территорию Сани.

Не могу сказать точно, но сейчас мне кажется, что уже тогда его подушка пахла почти так же, как пахнет в доме Валттери Лайне. Она тоже пахла сосной. Смола плохо отмывалась, и брат пропитался запахом этих деревьев, как отец пропитывался бензином и смазкой, если подолгу чинил машину. Но запах дерева меня не пугал. Было что-то еще. Отсутствие запаха человека. Я решила, что это оттого, что Сани давно нет дома. Грустное одинокое чувство. Я помню, как лежала в предзакатных сумерках, слушала пение птиц, шелест ветра и скрипы дома и чувствовала, что мне холодно этим летним утром.

Мама была такая усталая, что проспала полтора дня. А потом мы снова разбирали коробки. За следующую неделю наш дом перестал напоминать походный лагерь. Папа приезжал несколько раз и каждый раз говорил, что мы совершили чудо.

Саня вернулся домой двадцать третьего августа, за день до того, как снялись и улетели аисты. Это был радостный день, но брат изменился. Стал робким. Он как-то иначе теперь оборачивался на звуки, как-то иначе улыбался.

Утром и вечером он во время еды принимал депакин. Круглые белые таблетки. Мама клала их на блюдце и, накрывая на стол, ставила рядом с тарелкой брата.

- Не забудь, - говорила она.

Но Саня часто забывал, хотя кивал, когда мама ему это говорила. Забывал, хотя они лежали прямо у него перед носом. Он реже шутил, меньше разговаривал, дольше спал. У него уходило время, чтобы найти

свои вещи и одеться. Его взгляд начал цепляться за мелочи. Я замечала, что он подолгу рассматривает паутинку под подоконником и трещинки в столешнице.

Утром двадцать четвертого августа мы с братом вышли во двор. Он обогнул дом, остановился под соснами и долго смотрел вверх. Невидимые снежинки кружились над его лицом. Мир был тонким, сделанным из крошащихся пластинок полупрозрачного льда.

- Хочешь залезть на дерево? - встревоженно поинтересовалась я.

- Я упаду, - ответил Саня.

Он оглянулся и посмотрел на меня.

- Скажи, Лиза...

- Да?

- У нас ведь уже никогда не будет домика на дереве.

Мне показалось, что я слышу шорох поземки, которая замечает наши следы, тянущиеся через ледяную пустошь. Я шагнула вперед и обняла брата. Он стоял спокойный и чуть улыбался.

- Папа говорит, - возразила я, - что дети вырастают. У них появляются свои дети. И тогда они делают для них то, что не успели сделать в своем детстве. - Я перевела дух. - А мама говорит, что эпилепсия излечивается. Она пройдет у тебя.

Саня поцеловал меня в щеку.

- И через двадцать лет я построю домик для Санька-младшего, - закончил он.

Мы рассмеялись, потом еще постояли и посмотрели вверх.

- Надо сказать отцу, чтобы он отвязал бревно, - заметил брат, - а то веревки прогниют, и весной оно грохнется кому-нибудь на голову. Скажешь, не забудешь?

Он боялся забыть – уже привык к этому за последние две недели.

- Я не забуду, - обещала я.

И тут мне пришла идея.

- Не обязательно смотреть на аистов с этого дерева, - сказала я. - Давай сходим на ту улицу.

Меня наградили искорки в глазах Сани. Искорки, которые теперь были такими редкими.

Глава 2

РЯДОМ СО СМЕРТЬЮ

Прошло много времени. Уже не утро. Сегодня пасмурно, и в комнате царят оловянные сумерки.

У меня устала рука. А ведь я, кажется, не добралась еще и до середины этой истории. Я боюсь, что скоро приедут родители. Возможно, я буду дописывать рассказ, слушая, как на соседней улице, у нашего дома, воют сирены.

Но это неважно. Мне нужно было отдохнуть. Несколько минут назад я встала и подошла к окну. Дом Валттери Лайне продолжает остывать. Холод рисует новые узоры на стеклах. Сквозь них видно пустынный двор, деревья, забор и дорогу.

Когда мы с Саней пришли сюда в первый раз, все выглядело иначе. На кленах появлялись первые желтые листья, трава пожухла от жары, но лето еще продолжалось. Теперь всюду снег. Изменилась форма дороги, на кусты, забор и деревья легли массивные белые шапки. И все же мне кажется, что я узнала место, где мы с братом остановились полгода назад.

Это был асфальтированный пятачок перед чьим-то гаражом. Возможно, тогда Валттери Лайне так же, как я сейчас, стоял у этого окна и смотрел на улицу. Его дом расположен в глубине участка – двухэтажный, с застекленной верандой-флигелем. Неокрашенные бревенчатые стены даже в жару кажутся сырыми. А узкие окна кабинета с улицы выглядят, как бойницы.

Летом дом сильно заслоняли деревья, и мы с братом чуть не прошли мимо. И прошли бы, если бы не тень аиста, возвращавшегося в гнездо. Она четким силуэтом пронеслась по дороге перед нами. Мы вскинули головы. Брат негромко вскрикнул. Было слышно шум крыльев. Аист, снижаясь, исчез за деревьями.

- Летал кормить птенцов, - вслух подумал Саня.

- Он был желтоклювый, - возразила я. - Он сам птенец.

Мы дошли до асфальтированного пятачка, увидели спрятавшийся за деревьями дом с темным навершием аистового гнезда на крыше и остановились. Аист стоял над гнездом, оглядывался. Саня поднес к глазам отцовский бинокль.

- Действительно желтый, - подтвердил он. - Точно. Они уже летают. Птенцы разминают крылья. Улетают и возвращаются в гнездо. Я так много пропустил.

- Ты успел их увидеть, - сказала я.

- Да, - согласился Саня. - Одного, последнего. И скоро он улетит.

Будто отвечая на его слова, птица расправила черные крылья, продемонстрировала красивый белый фартук на своей груди, качнулась, ловя легкий ветер, но не взлетела.

- Прощается с гнездом, - сказал Саня.

- А куда они летят? - спросила я.

- В разные края. Из наших мест обычно в Египет.

- Без визы, - добавила я.

Мы рассмеялись. Аист слетел вниз, прошелся по крыше флигеля – мы почти потеряли его из виду – потом вспорхнул обратно в гнездо.

- Черные аисты не живут с людьми, - напомнил Саня.

- Ты говорил.

- У этого должно быть объяснение. Может, дом не жилой.

- Я видела мужчину на веранде, - возразила я.

Брат с интересом на меня посмотрел, но ничего не ответил. Мне показалось, что он проваливается в свою обычную депакиновую задумчивость.

У нас за спиной гроыхнули ворота. Я подумала, что выезжает машина, и тронула Саню за плечо. Мы отошли. Однако опасности не было – парень в белой майке без рукавов выкатил на площадку перед гаражом здоровый байкерский мотоцикл. На бензобаке раздвигали ноги полуголые красотки. Парень взглянул на нас, на бинокль в руках Сани, закрыл ворота, ударил ногой по стартеру. Мы отошли еще немного, чтобы ему не мешать, и в этот момент аист взмыл в небо.

Он полетел высоко, все выше и выше. Мне пришла сентиментальная мысль, что он сделает прощальный круг или крикнет. Ничего.

- Теперь, наверное, уже не вернется, - заметил байкер.

Мы оглянулись.

- Я каждый раз из дома выхожу, - сообщил парень, - и смотрю. Всю эту неделю их меньше и меньше. Сначала три птенца. Потом два. А это последний. Родители их уже даже и не кормят, по-моему. Взрослая жизнь начинается.

- А чей это дом? - спросил Саня.

- Там живет какой-то финн. Финский бизнесмен. - Парень снова ударил по стартеру. - Не помню, как его зовут, но хороший мужик. - Он показал рукой на забор Валттери Лайне. - Вон, видите светлое пятно?

- Да.

От парня пахло жарой, потом и машинным маслом. Он еще раз ударил ногой по стартеру. Мотоцикл буркнул, но не завелся.

- Сын соседа год назад туда пьяный врезался на квадроцикле. Финн ему вызвал скорую. На следующий день рабочий заделал ему забор. И все. Ни скандала, ни суда. - Мотоциклист рассмеялся. - Хороший мужик. И аисты у него хорошие. - Он подмигнул. - Говорят, аисты на крыше богатство приносят, так нафиг этому финну судиться за забор, если у него бабок полно. Да?

Саня задумчиво кивнул.

- Вот и я так думаю, - подытожил парень.

Мотоцикл завелся, выпустил клубы сизого дыма. Парень уехал. Брат посмотрел ему вслед, потом повернулся к дому Валттери, взглянул на опустевшее гнездо.

- Как думаешь, к чему черные аисты? - спросил он.

- Это всего лишь примета, - отозвалась я.

- Жалко, что они улетели.

- Да.

Последнюю неделю августа мы с Саней провели в нервном ожидании начала нового учебного года. Нам предстояло ходить в незнакомую школу – старое кирпичное здание за станцией.

Первого сентября был теплый солнечный день. После коротких летучек, на которых нас познакомили с классными руководителями, я нашла брата на лавочке напротив пустующей раздевалки. Он неподвижным взглядом смотрел на блестящие желтые крючки для одежды. Я села рядом с ним. Он оглянулся.

- Ну как?

- Ничего, - ответила я. - Хороший класс.

Саня кивнул.

- А у тебя? Ты в порядке?

- Я не помню, - сказал Саня.

- Не помнишь что? - не поняла я.

Лицо брата дернулось.

- Я не помню, как зовут людей, с которыми я сегодня знакомился.

Был один мальчик... Коля или Костя...

Глаза у Сани стали испуганными.

- Как я смогу подружиться с кем-то, если не запоминаю имена?

- А как классрука зовут? - поинтересовалась я.

- Я записал. - Брат импульсивно встал. - Пошли отсюда. Я хочу домой.

- Это не страшно, Саня, - я положила руку ему на плечо, пытаюсь успокоить. - Ты их выучишь.

Он не ответил. Мы вышли во двор школы, и я снова увидела, какими неуверенными стали шаги брата. Его плечи дрожали. Он чувствовал, что лед треснул. Под нами плыла снежная мгла. Уже не было ничего прочного вокруг. Горе стояло на пороге нашего дома.

Четвертого сентября маму вызвали к директору. Потому что я разбила нос однокласснице. Я била не в нос. Я просто дала ей пощечину, когда она сказала, что мой брат имбецил, не делает уроки и пугает других людей. Звук от удара вышел влажный, хлюпающий.

В начале второй недели сентября отец дважды возил Саню в Майский на дополнительное обследование. Теперь на блюдечке с лекарствами рядом с белой пилюлей лежали две продолговатые коричневые капсулы. Это был «эссенциале форте Н». Он предназначался, чтобы спасти печень брата от гепакина.

Однажды ночью я спустилась из нашей комнаты в туалет и услышала тихий разговор.

- Это лекарство от эпилепсии хуже, чем болезнь, - сказал отец. - Он меня переспрашивает, о чем мы говорили пять минут назад.

- Оно лечит, - возразила мама.

- Калечит. У него через полгода будет печень, как у алкоголика.

- Не будет. Для этого есть форте. А если он не справится с учебой, найдем ему репетитора.

- А если...

Я хлопнула дверью туалета, и они замолчали.

Ситуация изменилась в первые дни октября, когда брат на большой перемене упал в школьной столовой. Там были длинные столы с двумя лавочками по сторонам от каждого. У Сани свело бедро. Он застонал, попытался удержаться за край столешницы, но распрямившиеся ноги заставили его свалиться в центральный проход, на грязный вонючий пол, где хлорка вечно смешивается с раздавленными обедками и пролитым компотом.

Воспоминания о том дне выглядят сейчас как яркие, тошнотворно отчетливые отрывки. Они вспыхивают в голове один за другим, но я не помню многих деталей.

В столовой в этот момент была почти вся школа. Вокруг Сани моментально собралась толпа. Старшеклассники давили на сбившуюся в центре мелкоту. Всем было интересно. Толпа шептала, шуршала, и переговаривалась.

- Че с ним?

- Припадочный...

Я не понимала, что в центре месива мой брат, пока не услышала передающуюся из уст в уста новость.

- Это новенький, дегенерат из пятого Б.

Я попыталась пробиться через стену спин, но безуспешно. Мне было стыдно и страшно. Стыдно, что на мучения Сани паяется вся школа. Страшно, что его просто затопчут, или что этот приступ хуже предыдущего. Наконец, какой-то мальчик закричал: «Помогите же ему!» Это произвело эффект. В толпу врезались взрослые.

Я помню, что вцепилась в руку посудомойки со словами: «Это мой брат, там мой брат». Толстая женщина помогла мне пробиться к центру кучи. Саня лежал на спине. Его глаза смотрели в никуда, губы двигались, но шепота из-за шума чужих голосов было не разобрать.

Столовая находилась на первом этаже, напротив раздевалки. Скоро к нам от парадного входа пробился охранник. Кто-то уже бежал с медсестрой, но мужчина не стал ждать, просто поднял брата на руки и вынес из толпы.

Мы шли довольно быстро. Я поддерживала Саню голову. Ноги брата чуть заметно дергались. Медсестра встретила нас на полпути к ее кабинету.

- Что с ним? - отрывисто спросила она.

- Эпилепсия, - ответила я.

- Не надо было его поднимать, - рассердилась она.

- Уже все, - ответил охранник.

Саню принесли в медпункт и положили на койку. Сестра сделала ему укол валиума, но ничего не изменилось. Прошла минута.

- Что-то не так, - сказала она. - Приступ должен проходить на игле.

- Я вызвал скорую, - сообщил охранник.

- У него первый припадок? - спросила сестра.

- Второй большой, - ответила я.

- Не эпилепсия у твоего братика, деточка. Эпилептический припадок от такого укола проходит моментально.

- Больно, - еле слышно прошептал Саня. Он все еще жаловался – протяжно, неразборчиво, мучительно. Женщина – у нее самой дрожали руки – вытерла ладонью пот со лба брата, потом пощупала его живот, смирила давление и пульс.

- Мышцы расслабляются, - сказала она, - а боль не уходит.

Она открыла прозрачный шкафчик в углу кабинета, обломала ампулу, вытянула ее содержимое и сделала Сане второй укол. Я держала брата за руку. Сжимала и разжимала ее, теребила его пальцы. Прошла еще минута, и он ответил на мое рукопожатие.

- Саня, - позвала я.

- Я упал, - тихо сказал брат.

Его взгляд сосредоточился на лице женщины.

- Дата твоего рождения? - спросила она.

- Шестнадцатого декабря девяносто восьмого, - медленно ответил Саня. Он попытался сесть. Сестра легким движением руки опустила его обратно на койку.

- Еще больно? - поинтересовалась она.

- Нет, - ответил брат.

- Уж не знаю, хорошая это или плохая новость, - ворчливо сказала женщина, - но приступы твои это не эпилепсия.

Она посмотрела на меня.

- Если будет повторяться, всем врачам говори, пусть с валиумом колют анальгин. А то он умрет от болевого шока. Запомнила, девочка?

- Анальгин, - повторила я.

- Что вы пугаете детей, - возмутился охранник. - Не умрет ее брат. Не умирают такими молодыми.

- Если бы, - негромко буркнула медсестра, потом снова посмотрела на меня.

- Родителям ты звонила?

Так выходит, что когда мне просто что-то нужно, я всегда говорю с отцом, а когда что-то случается, то с мамой. Я опомнилась, набрала ее номер, договорилась, что она будет нас с братом искать прямо в больнице Майского.

Скорая приехала через полчаса. На этот раз мы там ехали вместе. Это было не как в кино. Саню не клали на каталку и не одевали кислородную маску. В салоне не горел свет. Там было серо и бесприютно. Я смутно помню ряды полок и шкафчиков, перетянутые красными и черными трубками от каких-то аппаратов.

Санитары были в синих комбинезонах. Они сидели в кабине и весело о чем-то разговаривали. Один из них порой оборачивался и смотрел на Саню.

- Как дела? - спрашивал он.

- Все ок, - сонно отвечал ему брат.

Мы ехали, и нас трясло, потому что дороги до Фальты плохие. Я держалась за обмотанный изолентой поручень на борту салона.

На этот раз в больнице Саню не оставили.

- Он заторможен, - сказал врач, - но это нормально после припадка и валиума. Заторможенность – единственное отклонение.

Разговор происходил в коридоре больницы. Брат дремал у меня на плече. Мама встала навстречу медику.

- И что теперь? - спросила она.

- Везите его домой, - ответил он. - Пусть отсыпается. И на будущее: скорую вызывать не обязательно. У мальчика стоит диагноз, он наблюдается у одного врача. Случился припадок – звоните не в скорую, а этому врачу. К нам его везти нужно, только если зафиксируют эпилептический статус.

- Как это? - переспросила мама.

- Когда припадок длится дольше десяти минут или повторяется в течение часа.

- Понятно, - каменным голосом сказала мама.

Я донесла до нее идею медсестры о том, что у Сани не эпилепсия. И теперь она передала ее доктору.

- Все исследования показывают обратное.

Мама усомнилась.

- Это всего лишь мнение школьной медсестры, - отрезал эпилептолог. - Она все правильно сделала, и у меня к ней никаких претензий. Но ставить диагноз – это не ее работа.

Слушая этот разговор, я впервые подумала о смерти брата. Не так, как думала о ней во время его первого припадка, и не так, как думала о ней, когда в столовой вокруг него собралась толпа. Раньше страх смерти был мгновенным и смешивался с чувством непосредственной угрозы. Теперь он поселился где-то глубоко внутри.

«Саню могут не вылечить», - прошептал голос у меня в голове, - «они могут ошибаться».

Лед уже проломился. И теперь мы все, вся семья, падали в снежной пустоте. Впереди был только холод абсолютного нуля.

Со второй недели октября Саня снова пил таблетки. Теперь не два раза в день, а по одной каждый вечер перед сном. Депакин был дискредитирован. Ему на смену пришел топамакс. Дозу наращивали постепенно. Сначала маленькие белые таблеточки с набойкой "25", продавленной прямо в полукруглом боку каждой таблетки. Потом бежевые таблетки побольше, на которых было написано "50". Им на смену пришли желтые таблетки с маркировкой "100". Анализ крови. Энцефалограмма. И, наконец, красные таблетки с выбитым на них значением "200".

- Я разгоняюсь, - пошутил Саня, когда увидел на блюдечке пилюли с подписью «100». - Я еду в завтра на колесах.

- Шумахер позади? - улыбнулась я.

За ужином мы смотрели Гран-при Италии. Распластанные по земле, машины «Формулы-1», взвизгивая покрышками, проносились по экрану телевизора.

- Шумахер на десятом месте, я на первом, - ответил брат.

Это была правда. Топамакс действовал на него не так, как депакин. Саня снова с первого раза запоминал имена людей, он больше не терял нить разговора, стал лучше справляться с домашними заданиями.

Но он не мог убедить одноклассников в своей нормальности. Это время было не лучше, чем то, что началось потом. Но оно, наверное, было самым унижительным. Я вспоминаю его со стыдом и болью. Брат возвращался из школы притихшим. Иногда он прятал слезы. Чем лучше он соображал, тем хуже ему становилось. Его дразнили. Называли припадочным или контуженным.

В конце октября Саня подошел к отцу.

- Я хочу в школу для инвалидов, - сказал он. - Я хочу быть среди таких, как я.

Папа выключил телевизор и уставился на него.

- Ты не настолько болен.

- Я не могу общаться с нормальными людьми.

- Тебя дразнят? У тебя нет друзей?

- Меня дразнят, и у меня нет друзей, - повторил брат.

Отец надолго задумался.

- Они забудут, - наконец сказал он. - Твой класс забудет.

Брат покачал головой.

- Меня знает вся школа. Вчера придурок из восьмого класса упал мне под ноги и стал дергаться.

- Если они не забудут, - продолжал папа, - ты можешь начать ездить в школу в Майский. Но только не в школу для детей-инвалидов. Ты нормальный человек и должен в это верить.

- Нет, - ответил Саня. - Я хочу друзей-эпилептиков.

Папа тяжело вздохнул.

- Думаю, ты встречаешь эпилептиков чаще, чем тебе кажется. Они могут даже учиться с тобой в одном классе. Просто пока они не упадут, про них никто не знает.

- Но я упал, - напомнил Саня. - И могу упасть снова. В другой школе.

- Эпилепсия лечится. Ты пьешь топамакс. Вот увидишь, приступов больше не будет.

- Тогда я хочу в школу в Майском, - решил брат.

- Ты будешь вставать на час раньше и уставать в два раза сильнее. Я бы на твоём месте дал им два года, чтобы все забыть. Этого хватит.

- Два месяца, - странным голосом ответил брат. - Я больше не выдержу. Если через два месяца я войду в столовую, и мне опять напомнят, что я припадочный, я не останусь в этой школе.

Папа умел торговаться.

- Чтобы тебя перевели, ты должен закончить класс, в котором учишься, - сказал он. - Так что, в любом случае, терпи до лета.

Но до лета терпеть не пришлось. В начале ноября выпал снег. Настоящий снег, настоящего мира. Подморозило. Мальчишки раскатывали на дорожках скользкие ледовые полосы. По пятницам у Сани было на два урока меньше, чем у меня, и он возвращался домой один. На пути от школы кто-то толкнул его в спину. Брат поскользнулся и ударился головой о бетонную оградку школьного двора. Он запомнил, что ему кричали: «Поваляйся, припадочный!».

А потом припадок действительно начался.

Я помню то пустое и страшное чувство, которое охватило меня, когда я сняла с дверного звонка мамину записку.

Мы уехали в больницу Майского.

Ключ, где обычно. Обед на плите.

Рот наполнился слюной. Я подумала, что меня стошнит, и перевесилась через перильца крыльца. Стояла так, вцепившись рукой в оледенелые ступени, слушала, как стучит сердце.

...У Сани опять был приступ...

...Потому что таблетки не помогают...

...Топамакс не помогает, как и депакин...

...Потому что у него не эпилепсия...

...Его не вылечат, и он...

...Замерзнет в снежной мгле...

...Замерзнет, вечно падая сквозь проломившуюся корочку льда...

...Падая туда, где нет света...

Я пришла в себя от оглушительного холода, вдруг обнаружила, что в одной блузке сижу на ступеньках, в голове стучит кровь, а штаны промокли от талого снега. Куртка, шарф и шапка лежали рядом со мной. Я не стала их одевать, вытащила ключ из щели под второй ступенькой и вошла в дом. Через час я смогла связно соображать и забрала вещи с крыльца. Они были задубевшие.

В одиннадцать вечера мне позвонил отец.

- Лиза, ложись спать, - сказал он. - Мы нескоро приедем.

- Как Саня? - спросила я.

- Нормально. Он упал, ударился головой. Но теперь все в порядке. Что-то не так было в его голосе. Что-то было совсем не в порядке.

- Папа?

- Да, Пушистик.

Папа, ты опять назвал меня этим именем из детства. Первый раз с тех пор, как развалилась твоя фирма. Саня умрет, да?

Я услышала, что задаю другой вопрос.

- Он останется в больнице?

- Да, - ответил отец. - Они хотят сделать еще одно обследование.

- Понятно.

- Тебе есть чем поужинать? - беспокоился он.

Он не заметил, что назвал меня «Пушистик». Он не знает, что я знаю, не знает, что уже сказал мне все.

- Я уже поела, - соврала я.

Брат, Саня, мне так жаль.

- Ложись спать, - повторил папа, - тебе завтра в школу.

Бедный папа, как же тебе больно.

- Хорошо, - сказала я.

Он положил трубку, а я разрыдалась. Бродила по дому и выла. Бра-ла в руки какие-то вещи и ставила их в другие места. Я перебрала мамину коллекцию игрушечных крокодилов и Санины модели вертолетов, переставила чашки, горшки с цветами, всякие сувенирчики. Потом упала в кровать. Слезы кончились. Их сменили бредовые сны.

Я помню, как мы завтракали следующим утром. Пустой четвертый стул. Все старались на него не смотреть. Все были как бы спокойны.

- Ты сможешь отпроситься с последнего урока? - спросила у меня мама.

- Да, - удивленно ответила я. - Но лучше, если будет записка.

- Я напишу, - вызвался папа. Он, как всегда, доел первыми и выскользнул из-за стола. Мой взгляд метнулся от мамы к нему, потом обратно.

- Как вернешься, - сказала мама, - поедem к Санe.

- Ему совсем плохо? - спросила я.

- Нет, нет. Просто ему вечером делают биопсию. Надо с ним посидеть.

- Что такое биопсия?

- Они возьмут часть его клеток на анализ, - объяснила мама. - Как кровь берут на анализ, так же и здесь.

- Я не ездила к нему, когда у него брали кровь.

- Ты не хочешь его видеть? - притворно удивилась мама.

Я не смогла ответить, бросила ложку и заплакала.

- Жалкий спектакль, чтобы сделать вид, что все в порядке, - ответила я ей. - Вы устраиваете жалкий спектакль. А я боюсь.

- Вчера... - сказала мама и тоже заплакала, - ...ты несправедлива, мы делаем все, что можем... мы... вчера...

Пока мы ревели, папа где-то прятался. Суть состояла в том, что вчера, стараниями каких-то недоносков, мой брат ударился головой. У него могло быть сотрясение мозга. Чтобы это проверить, ему на всякий случай снова сделали магнитно-резонансную томографию. Оператор увидел на снимке артефакты, которых еще не было на таком же снимке двухмесячной давности. Возможно, это была опухоль, но чтобы точно это узнать, надо было просверлить отверстие у Сани в черепе и проткнуть его мозг огромной иглой. Брат после операции мог забыть наши лица и имена, или потерять способность ходить. Но сделать ее было нужно.

В одной палате с Саней лежали еще три мальчика разных возрастов. Одному из них сестра делала перевязку. Чтобы не мешать им, мы вышли в коридор. Я помню странный, почти фотографический момент. Брат стоит в дверях палаты. Папа и мама по сторонам от него. Они оба о чем-то говорят. О какой-то ерунде. Я молчу и понимаю, что Саня смотрит на меня. Спокойно, как человек, которого я видела на веранде дома с аистами.

- С биопсией все будет в порядке, - говорит он мне. А потом наклоняет голову, и я вижу круглый выбритый пятачок между его волос. И эти слова означают не только то, что с биопсией все будет в порядке, но и то, что с чем-то другим все будет очень плохо.

Родители на секунду замолкают.

- Почему ты так думаешь? - спрашиваю я.

- Лиза! - испуганно говорит мама.

Я в тот момент думаю, что она думает, что такие вопросы задавать нельзя. Но мне все равно, так как я смотрю в глаза брата. Саня пожимает плечами и улыбается.

- Мой сосед по палате рассказал, что древние люди сверлили себе дырки в голове, чтобы выпустить злых духов. Может, и мне поможет.

Родители нервно смеются. Подходит врач, кладет брату руку на плечо и говорит, что пора делать укол. Они уходят. Мы провожаем их взглядом.

Через неделю Саня вернулся. Дома было тихо и неудобно. Никто никогда ничего не говорил о том, что нашли у брата в голове. Только раз я слышала обрывок разговора. Наверное, это был единственный разговор о болезни Сани.

- Врач сказал, что это не опухоль? - спросила мама.

- Он сказал, что никогда такого не видел, - ответил отец. - Сказал, что его мозг рубцуется, но не весь, а всего в нескольких местах, как если бы рассеянный склероз мог быть разумным существом.

- Подожди, а какой диагноз стоит у него в карте?

- Теперь там написано просто «энцефалопатия». Мне объяснили, что это общее название для болезней головного мозга, как насморк – общее название для болезней носа.

Слушая отца, я подумала, что он стал старым, ворчливым.

- Зря ему делали биопсию, - вздохнула мама.

- Они не виноваты, что приняли рубцы за метастазы.

Однажды утром брат сказал, что не пойдет в школу, точнее, не пойдет в школу никогда. Мы завтракали. Наши собранные портфели стояли на веранде.

- Как? - спросила мама.

- Никогда, - повторил Саня. - Ни сегодня, ни завтра, ни через месяц.

Его лицо было бледным и взрослым. За столом повисла мертвая тишина. Тикали часы. Папа уже доел. Он теперь работал на мясокомбинате, обслуживал холодильные установки. Он уходил чуть раньше нас, но слова сына заставили его замереть.

- Все ходят в школу, - сказала мама.

- Я просто никуда не пойду.

Мама начала кричать.

- Она права, - вставил отец в какой-то из пауз.

- У тебя не будет компьютера, книг, друзей, и ты ничего не получишь на день рождения! - снова закричала мама.

И вдруг осеклась. Тишина звенела. В темноте за окнами шел снег.

- У меня и так ничего этого нет, - тихо ответил Саня. - Я не могу читать и играть. Меня все ненавидят. Я буду просто лежать и ждать.

- Ждать чего? - спросил папа.

- Когда пройдет болезнь, - прошептал брат.

Помню, что я заплакала, а потом меня стошнило, как от страха во время его первого приступа.

Тем утром мы оба не пошли в школу.

Так сложилось, что лично с Валттери Лайне мы встретились в тот самый день, когда брат в первый раз ослеп. Директриса согласилась с тем, что Саня может быть аттестован заочно. А он согласился с тем, что может учиться, сидя дома.

Я думаю, он пошел на уступки из сострадания. Люди учатся затем, чтобы потом жить. Если Саня не учился, мама начинала кричать и пла-

кать. Для нее его уроки были частью маски, которой она закрывала лицо пустоты.

Двадцать второго ноября брат должен был сдать математику и английский язык. По безмолвному соглашению он больше не оставался один, поэтому с ним пошла я.

Было холодно, ясно и безветренно. Мы шли в направлении станции. Снег скрипел под ногами. Сосны гордыми вершинами подпирали небо. От мороза слезились глаза. Мы поравнялись с футбольным полем.

- Помнишь арбузы? - спросил Саня.

- Да. - Я поразилась тому, какими мы были счастливыми всего три месяца назад. Мир вокруг нас был непрочным, но мы могли улыбаться друг другу, не думая о болезни и смерти.

Вдруг нас обогнал огромный серый зверь. Ошейника на нем не было. Шерсть на спине отливала коричневым, на животе светлела и казалась белой. Собака – точнее, я подумала, что это собака – прыгнула в глубокий снег, тихо рыча, врылась в него, потом подняла голову и посмотрела на нас. Глаза у нее были желтые, морда вытянутая. Из рта вырывался пар. Прошла секунда, и она прыгнула обратно на дорогу, а потом пошла прямо на Саню. Брат не испугался, только удивленно отступил назад.

- Райли, - негромкий окрик сзади.

Зверь, уже вставший на задние лапы, изменил траекторию движения, упал на бок, перекатился через спину и, отряхиваясь от снега, потрусил к хозяину. Мы оглянулись. Метрах в двадцати позади нас шел мужчина в неприметной серо-зеленой куртке. Шапку он не носил. Волосы были густые и светлые, по цвету такие же, как у меня и брата. Его звали Валттери Лайне, но я не знала об этом. Для меня он был всего лишь незнакомец с собакой.

- Не бойся, - крикнул он Сане, - она просто хотела поставить тебе лапы на плечи.

Брат улыбнулся.

- Пожалуй, я бы лег на лопатки.

Мы все рассмеялись. Райли остановилась между нами и хозяином, снова посмотрела на Саню, вильнула хвостом. Желтые глаза казались светящимися. Густая шерсть припорошена снегом.

Незнакомец не пытался нас нагнать и больше ничего не говорил. Мы пошли дальше. Зверь через некоторое время снова поравнялся с нами, я почувствовала, как мою руку тронул пушистый хвост. Райли пробежала вперед, вернулась, прошла у самых ног Сани, но больше не пыталась его обнять. Брат дружелюбно потрепал ее по спине.

- А ведь это вылитый волк, - подумал он вслух.

- Да, - согласилась я.

Собака пару минут бежала рядом с ним, потом повернула и исчезла. Нам навстречу, поднимая тучу снега, проехал снегоход.

- Знаешь, кто это был? - спросил Саня, глядя ему вслед.

- Нет, - ответила я, и тут же вспомнила, что уже видела это лицо.

- Мотоциклист, которого мы встретили напротив дома с аистами.

У поворота к станции я снова оглянулась. Мужчина в серо-зеленой куртке остановился и разговаривал с водителем снегохода. Я помню, что мне тогда пришла совершенно безумная мысль, что Саня будет выглядеть так же, когда вырастет. Но ведь я уже почти наверняка знала, что Саня не вырастет, что он умрет, когда несколько тысяч клеток его мозга изменятся настолько, чтобы вместе с собой разрушить весь организм.

Мы шли к станции сквозь еловый перелесок. С этой тропинки уже было видно крышу школы. В свете ясного дня она цинково блестела за деревьями. Брат примолк. Мы шли не торопясь – учитель английского ждал Саню в шесть, и нам еще предстояло где-то скоротать полчаса. Я подумала о том, чтобы зайти на станции в зоомагазинчик, хотела сказать об этом, но не успела.

- Сейчас это опять случится, - вдруг сообщил Саня.

Я посмотрела на него. Он был немного бледнее обычного. Лицо тревожное. Глаза влажные. Щеки яркие, но это от мороза. Губы нездоровые, слегка обветренные. Я представила, как пытаюсь вызвать скорую в еловый перелесок. Эта мысль мне не понравилась.

- Дойдешь до станции?

- Да. Может быть. Я попробую.

...до станции, а лучше до школы...

...если он сможет...

Я взяла его за плечо. Он дрожал.

- Не надо, - попросил Саня. - Пока не надо.

Я отпустила. В его шагах снова была та особенная неуверенность.

- Мне сказали, чтобы я не пугался, если ослепну во время следующего приступа, - предупредил Саня.

- Черт, - ответила я. - Ты не говорил.

- Да. - Он странно улыбнулся. - Об этом не хотелось говорить.

Мимо нас снова пробежала огромная серая собака, остановилась, посмотрела на Саню.

- Я ей нравлюсь, - заметил он. - Ты помнишь, как ее зовут?

На мгновение он стал живым, таким, каким был этим летом и до него. Он просто смотрел на зверя, просто шел вперед.

- Райли, - автоматически ответила я. И вдруг я по-настоящему испугалась. Быть может, догадывалась, что сейчас услышу.

- Знаешь, я сейчас упаду, - сказал Саня.

Он остановился. Я снова взяла его за плечо, почувствовала его хрупкость под пуховой мягкостью куртки. Он быстро облизнул губы, а потом посмотрел на меня, его лицо чуть дрогнуло, и я заметила, как уходит его взгляд.

К нам шел тот человек в зеленой куртке. Он смотрел на Саню. В его глазах было что-то, чего я не понимала.

- Я позвоню маме, - сказала я.

Саня не ответил. Я почувствовала, как он выскальзывает из-под моей руки, просунула руку с телефоном ему подмышку и продолжала набирать номер. Брат привалился ко мне.

- Больно, мне опять ужасно больно, - еле слышно пожаловался он. Его ноги подкашивались.

Валттери Лайне остановился рядом с нами.

- У вас все в порядке? - спросил он.

- Спасибо, я справлюсь, - обещала я.

Саня безвольно висел на мне.

- Я не хочу, чтобы это происходило, - прошептал он. - Мне так больно.

Подбежала Райли.

- Давайте я помогу, - сказал мужчина в зеленой куртке.

Он подошел, но не решался поддержать Саню без моего разрешения. А я под тяжестью брата опустилась на колени. Теперь мы оба почти падали в снег. Я начала понимать, что помощь мне действительно может понадобиться.

...Если Саня не встанет, как я его потащу?..

Лицо незнакомца было теперь совсем близко. Глядя в него, я испытала непонятное мне самой чувство – вероятно, его и называют дежавю. Оно было таким сильным, что перебивало даже страх за брата. Я подумала, что где-то уже видела этого человека. Может быть, он летом был рядом с тем мотоциклистом, который теперь пересел на снегоход?

Саня совсем сполз, и я положила его в снег под елями. Мне, наконец, удалось поднести телефон к уху.

- Мама.

- Да, я слушаю.

Я старалась не смотреть на мужчину в зеленой куртке. Потому что мне было не по себе, когда я встречала его взгляд. Все мысли как-то странно рассеивались.

- С ним опять это происходит, - сказала я.

- Где вы? - спросила мама.

- Почти дошли до станции. В перелеске.

Саня лежал на снегу. Помню, он был в синей курточке. А вокруг него – россыпь еловых игл.

- Он упал? - уточнила мама.

- Я положила его в снег.

- Он сможет идти?

Саня огромными черными зрачками глядел в чистое ледяное небо. Его губы продолжали шевелиться, но слова превратились в тихий стон. Руки безвольно лежали вдоль тела, прямо в снегу.

Валттери Лайне стоял рядом и со странным выражением лица смотрел на него. Он больше ничего не предлагал и не делал, только помешал Райли лизать брата в нос. Теперь зверь бегал вокруг, иногда останавливался, садился и дышал, выпуская белый пар.

- Я не знаю, - ответила я.

- Так, - решила мама, - я позвоню отцу, он поедет сюда с работы. Потом я пойду вам навстречу, а вы будете возвращаться обычной дорогой.

- Хорошо. - Я села, взяла брата за руку. - А может, лучше его довести до станции?

- Нет, не нужно. Все, давай, звони, если что-то будет не так.

...Если что-то будет не так...

...Смешные слова, ведь все не так...

- Лиз... - более отчетливо прошептал Саня.

- Я здесь, - сказала я. - Ты можешь встать?

- Я попробую.

- Медленно, - посоветовала я.

- Да.

Мы встали вместе. Я ему помогала. Его ноги дрожали. Его шапка осталась лежать в снегу.

- Стоишь? - спросила я.

Он не собирался падать. Я начала отряхивать его спину.

- Да. Тот человек еще здесь?

- Здесь, - сказала я. И тут заметила страшную вещь. Глаза брата были такими же, как во время приступов – они двигались, но смотрели не на вещи вокруг, а в темноту. Мужчина наклонился, поднял шапку, сбил с нее снег, протянул Сане. Тот никак не отреагировал.

- Держи, - предложил Валттери Лайне.

Брат повернул к нему голову, но ничего не сделал. Шапку взяла я.

- Саня, ты можешь идти?

- Да.

Я взяла его за плечи. Они еще немного дрожали. Мы пошли назад.

- Ты ничего не видишь? - тихо спросила я у брата.

- Что-то вижу, - ответил он, - но не то и не так.

У выхода из перелеска я оглянулась и увидела мужчину в зеленой куртке. Он стоял на том же месте и смотрел нам в след. И тут я вспомнила, где и когда видела его. Дежавю разрешилось. Мне показалось, что в моей голове взорвался фейерверк. Это длилось всего секунду. Я смотрела ему в глаза. А он смотрел мне в глаза. Между нами сто или сто пятьдесят метров. Аллея запорошенных снегом елей. Серый зверь у его ног. Я вспомнила, что уже смотрела в эти глаза, когда сидела на дереве и наблюдала за медлительным человеком на веранде дома с черными аистами.

Я резко дернула головой и разорвала зрительный контакт. У меня возникла иррациональная уверенность, что он видел меня тогда на дереве, видел и запомнил. А еще он видел нас на улице, когда мы смотрели на его дом. Он видел все.

- Что-то случилось? - спросил Саня.

- Нет, просто тот человек...

- Он идет за нами? - голос брата был спокойным, даже довольно живым.

- Нет.

Мы вышли на дорогу.

- Осторожно, - предупредила я, выводя Саню на утоптанную колею.

- Так что тот человек? - снова поинтересовался брат.

- Это его я видела на веранде дома с аистами, - объяснила я.

Через десять минут до нас добежала мама.

Саня на пять дней лег в больницу. Пока он был там, у нас ничего не происходило. Брат вернулся домой в последние дни ноября, со следами укулов от капельницы на руках. Зрение возвращалось медленно. Учеба была забыта. Похоже, мама наконец признала, что Саня не успеет окончить школу за отпущенное ему время.

- Помнишь, у меня был брелок с вороном? - спросил брат на второй день после возвращения.

- Да.

...Ты купил его как раз перед тем, как заболеть...

- Его нигде нет. Может, он остался в снегу там, где я упал неделю назад.

- Я посмотрю, - обещала я, и выполнила его просьбу: полчаса копалась в снегу. На меня странно посмотрели проходящие мимо тетки. Брелок я не нашла. Позже мы с братом сошлись на том, что кто-то его подобрал.

Я помню, как в начале декабря проснулась ночью от того, что меня гладят по голове. В полусне мне казалось, что я совсем маленькая и что это делает отец. Сейчас я открою глаза, и он скажет: «Привет, Пушистик, пора вставать в садик».

- Папа? - я открыла глаза.

- Ничего, что я тебя потревожил? - спросил Саня.

Я вздохнула и перевернулась на спину. Брат смотрел на светлый квадрат окна. На лице – еле заметный отсвет далеких уличных фонарей.

- Неважно, - ответила я. - Ты уже это сделал.

- Я умру, да?

- Саня, мы все умрем.

- Я не увижу, как на деревьях распускаются почки, и не застану возвращения аистов, - прошептал брат.

Я села. Его глаза блестели в темноте.

- Ложись спать.

- Скажи, - попросил он.

Его колено касалось моего бедра. Его тело было лихорадочно теплым. Я молчала. Он смотрел на меня.

- Да. Ты это хотел услышать?

Он отвел взгляд.

- Ты разозлилась?

- Нет, - ответила я.

- Это так странно, - сказал Саня. - Все знают, что я умру. Ты знаешь. Мама знает. Папа знает. Я знаю. Осталось совсем недолго.

Он снова посмотрел на меня. Диковатый взгляд.

- Я иногда думаю о том, что буду делать после твоей смерти, - сказала я.

- И что?

- Плакать. Все станет пустым. Двухъярусная кровать... Ты больше не будешь скрипеть у меня над головой...

Я замолчала. Просто не могла больше говорить. Второй ярус больше не будет нужен. Второй стол в комнате – тоже. В ванной – на зубную щетку меньше. За столом на кухне – три стула. Я буду одна ложиться спать. Я буду одна вставать утром и одна идти в школу. Мы никогда не построим домик на дереве. У Сани никогда не появится девушка, он не будет ни учиться, ни работать, ни растить своих детей, ни стареть. Он не будет смеяться и шутить. Пол не будет скрипеть под его ногами. Он не будет дразнить меня и обижаться на меня, когда я уйду гулять с соседским мальчишкой.

Он не будет.

- Пойдем во двор, - позвал Саня.

Я молча встала с кровати, потом, шокированная собственной беспрекословной покорностью, поинтересовалась:

- Зачем?

- Кое-что проверить.

Я пошла за ним.

Глава 3

ДРУГ ЗВЕРЕЙ И ПТИЦ

День. Я, кажется, проголодалась, и у меня серьезно болят рука и спина. Приходится все время менять позу. Думаю, родители вернулись домой. Полчаса назад? Два часа назад? Может, у нашего дома уже стоит милицейская машина. А может, они мечутся по дому и участку, по улице, мечутся и пытаются сами найти своих детей. А может, тихо сидят и в десятый раз перечитывают прощальную записку, которую мне надиктовал брат?

Я не знаю. Знаю, что пока я еще не слышала воя сирен, знаю, что в дом Валттери Лайне никто не стучал и не звонил. У меня еще есть время. Но его в обрез. Я чувствую это. Я чувствую, что сойду с ума, если мне не дадут дописать эту историю. Поэтому я пишу. Пишу... Пишу...

Мы тихонько спустились вниз, накинули куртки и в домашних тапочках ступили на скрипучую белизну снега. Над крыльцом светила единственная лампа, которую отец всегда оставлял на ночь, а высоко в

небе россыпью зеленых точек мерцали звезды. Холод легкими стрелами пробивал тонкую ткань пижамных штанов.

- И что теперь? - поинтересовалась я у Сани.

- Он приходил, - сказал брат. - Я знаю, что он приходил.

Саня включил фонарь, который минутой раньше снял с крюка в прихожей. Голубой луч побежал по сугробам, выхватил из темноты угрюмую коричневую линию забора, дерево с привязанным к ней баскетбольным стулом. На пустой раме сидения теперь лежал снег.

- Кто приходил? - спросила я.

- Я видел сон, - ответил брат. - Идем.

- Саня, господи, - вздохнула я, - не сходи с ума.

Брат странно рассмеялся.

- Я плохо вижу, - сказал он, - поэтому ты должна мне помочь.

- Ищешь следы на снегу?

- Да. Собаки и человека.

Холод уже проникал под куртку. Меня начало трясти.

- Кого ты видел? - спросила я.

Я, наверное, уже знала ответ.

- Человека из дома с аистами, - сказал Саня.

- Люди, которых мы видим во сне, не оставляют следов. Ты будешь разочарован. А мы простудимся.

Мы подошли к калитке, потом повернули назад. Снега не было уже несколько дней. Тропинка, хорошо утоптанная, лежала искрящейся полосой между нетронутыми белыми полями.

- Даже если он приходил, - сказала я, - но шел по тропинке, мы этого не увидим.

Саня оглянулся на меня. В его глазах был лихорадочный блеск и одновременно грусть.

- Может, ты и права.

Мы вернулись к крыльцу.

- В тепло? - спросила я.

- Давай посмотрим за домом, - попросил Саня. - Если ничего нет, сразу вернемся.

- Тапочки будут полные снега. - Я встретила взгляд брата и сдалась. - Хорошо, пойдем.

Мы обогнули веранду и вышли на ту сторону дома, где росли две сосны. Доски, приготовленные для домика на дереве, по-прежнему лежали у стены – сырая черная куча под огромной снежной шапкой. Луч фонаря проскользнул мимо них, остановился под деревьями, и тут я их увидела. Цепочка темных впадин и сбита с забора снежная шапка. Как

будто кто-то прошел через соседский участок и перелез к нам только для того, чтобы постоять под соснами и тронуть рукой угол нашего дома. У меня по спине пробежали мурашки.

- Ты совсем замерзла, - сказал Саня. - Пойдем назад.

- Вон они, - ответила я. - Гость из твоих снов не признает калиток.

Брат сделал еще пять шагов вперед и издал неопределенный звук, потом побежал.

- Саня! - Я испугалась, что что-то произойдет.

Брат остановился и взглянул на меня.

- Все в порядке, - успокоил он. - Ты разбудишь родителей, если будешь так орать.

- Мне страшно, - призналась я.

У меня было такое чувство, как будто на нас смотрят. Я оглянулась. Никого. Только звезды высоко в небе. Но взгляд был. Он направлялся к нам со всех сторон – падал с неба и с деревьев, излучался темными пятнами в затхлой мгле между досок, выползал из-под забора.

- Лиза, - сказал Саня. В какое-то мгновение я подумала, что он пренебрежительно закончит «Лиза-девочка». И все станет как в прежние времена. Мы рассмеемся. Я отвечу ему что-нибудь язвительное. Но вместо этого брат меня обнял.

- Это не так страшно, - закончил он.

...Не так страшно как что? Как смерть в двенадцать лет?..

Мы стояли в темноте, у угла дома, нас трясло от холода. Ноги онемели. Тапочки промокали в снегу, и я уже начинала сомневаться, что нам удастся скрыть от родителей эту безумную вылазку. И все-таки брат пошутил.

- Напоминает детскую охоту на Деда Мороза, да?

- Следы оленей на крыше?

- Вроде того.

Но мы не рассмеялись. Брат провел лучом фонаря по верху забора, потом снова опустил его на следы у наших ног. Шапка снега была сбита с забора в двух местах.

- Здесь прыгала Райли, - сказал Саня, - а здесь перелез он.

- Разве собака может так прыгнуть? - удивилась я.

- Она самая большая собака, которую я видел, - резонно ответил брат, - а здесь они стояли долго.

Луч фонаря остановился у угла дома. Совсем близко от стены. Я представила, как мужчина протягивает руку, касается бревен и задумчиво смотрит на далекий оранжевый свет уличных фонарей.

- Зачем он приходил? - наконец спросила я. - И что ты видел во сне?

- Пойдем домой, - предложил Саня.

Уговаривать меня не было необходимости.

Десять минут спустя мы с братом в трусах и майках сидели под одеялом. Штаны и тапочки, чтобы они высохли, я сложила на трубу системы отопления.

- Я думал во сне, - сказал Саня.

- Как Менделеев?

Брат чуть улыбнулся.

- Не так гениально. И не о таблице химических элементов. Я думал о том, что умру. Мне просто снилась эта мысль. Не то, как это будет, а просто... Я спал без снов и понимал, что мое время уходит.

Саня закрыл глаза. Его светлое лицо в темноте казалось тонким... как корочка льда над пустотой.

- А потом я почувствовал, что он пришел.

- Тебе приснилось, что он ходит по нашему участку? - уточнила я.

- Нет, - сказал Саня. - Он просто был рядом. Ведь ты можешь сказать, что вокруг тебя тепло или холодно, но это не значит, что ты знаешь, где в комнате кондиционер, а где обогреватель. Он был рядом, как тепло или холод, или воздух. Я знал, что он рядом.

Брат сидел, привалившись спиной к стене, вытянув под одеялом голые ноги. Все было странным.

- И вот тогда мне начал сниться сон. Я шел по воде, а мужчина из дома с аистами шел мне навстречу. - Саня рассмеялся. - Как Христос, только в этом не было ничего необычного. Потому что вода там по щиколотку.

- Где? - спросила я.

- В Египте. Я видел разлив Нила. Мы шли друг к другу по золотой песчаной косе между залитыми водой полями зеленой травы. Вода тихо текла и омывала наши ноги. На песке под водой оставались следы.

Саня перевел дыхание.

- Почему ты думаешь, что это Египет?

- Там были черные и белые аисты. Они сейчас там зимуют. Их было много, наверное, несколько тысяч. Они тоже ходили или стояли в воде и прямо среди травы ловили рыбу. Зеленый, залитый солнцем океан, в котором пасутся красноногие птицы.

Теперь я уже боялась перебивать.

- Там нет волн. Заливные луга от горизонта и до горизонта. Ветер гонит по ним легкую рябь. И из-за этого от воды поднимаются стаи солнечных зайчиков. Мы были голые, я и он. Он шел ко мне, и на его груди играл белый узор солнечных отражений.

Саня замолчал.

- Он дошел до тебя? - спросила я.

- Не помню, - ответил брат. - Помню только, что он шел ко мне. Потом я проснулся, и мне захотелось погладить тебя по голове. Извини, что разбудил, но без тебя я бы не отыскал следы.

- Может, рассказать это все папе? - предложила я.

- Тогда придется рассказать, что мы ночью полуголые в минус десять лазили по снегу, - сказал Саня. - Но дело даже не в этом... Он просто расстроится. Я боюсь, что он начнет плакать, как вы с мамой.

Я взяла брата за плечи и притянула к себе. Его щеки все еще были холодными. Он пах зимой. Зимой и чем-то еще.

- Летом этот человек напугал меня, - призналась я. - Когда я сидела на дереве и смотрела на него в бинокль, мне показалось, что он меня увидел.

- Это возможно, если у него дальность, - ответил Саня, - а ты могла пускать стеклами бинокля солнечных зайчиков.

- Он странный, - вслух подумала я. - Знаешь, здесь могут быть две несвязанные вещи.

- Какие?

- Ведь говорят, что люди с повреждениями мозга приобретают необычные способности. Может быть, ты увидел его во сне просто потому, что почувствовал, как он пришел. А сам факт того, что он пришел, может быть никак не связан с тем, что ты видел.

- Нет, - убежденно сказал Саня. - Он пришел ко мне. Я же не вижу, как приходит почтальон, или папа, когда он возвращается с работы.

- Как он мог одновременно быть у угла нашего дома и где-то в Египте?

- Я же мог, - просто ответил Саня.

Довод казался бесспорным.

- Но зачем ему приходить?

- Не знаю. Но я хочу узнать о нем больше.

Мы еще час бессвязно разговаривали, а потом уснули под одним одеялом. Утром нас будил папа. Кажется, он подумал о чем-то грязном, но ничего не сказал. К счастью, он не видел, что мы без штанов.

А несколько дней спустя Валттери Лайне нанес нам дневной визит.

Это случилось в свободное послеобеденное время, когда мы с Саней играли в шашки. Настольные игры были одним из немногих удовольствий, которые оставались у моего брата.

Позвонили в дверь. Мама мыла посуду на кухне.

- Она услышала? - спросил Саня.

Шум воды стих, и это стало ответом.

- Странно, - сказала я, - папа так рано не возвращается.

- Кого-то черти принесли, - пошутил брат.

Я съела его шашку, помешав ей выйти в дамки. Мы перестали играть, прислушались.

- Мальчик в синей курточке... - сказал чей-то тихий голос, - ...случайно... ..рядом...

- Спасибо, но... - ответила мама, - ...так беспокоиться... ..я очень благодарна...

- Они говорят про меня? - насторожился брат.

- Похоже, - согласилась я.

Разговор был коротким. Мы услышали, как дверь снова закрывается. Мама зашла в гостиную, улыбаясь.

- Радуйся, - сказала она, - нашлись твои ключи.

Саня протянул руку, и она положила ему в ладонь брелок с воронком.

- Здорово, - восхитился брат. - А кто их принес?

- Какой-то мужчина, - ответила мама. - Он сказал, что стоял рядом, когда тебе стало плохо.

Брат вскочил.

- Ты куда? - спросила мама.

- Я скажу ему спасибо!

- Саня! Не надо этого делать! - закричала я. Страх, непонятный, но очень сильный, вырвался откуда-то глубоко изнутри.

Я кинулась за братом. Мама шарахнулось в сторону. В облаке теплого воздуха мы вылетели на крыльцо.

- Простите! Пойдите! - крикнул Саня.

Я остановилась за плечом брата. Мне казалось, что сейчас он спросит про следы или начнет рассказывать этому человеку свой сон. Мне казалось, что случится что-то грубое и непоправимое, на что незнакомец днем резко ответит: «Чушь!», - а ночью вернется, чтобы причинить Сане боль.

Мужчина обернулся и улыбнулся одними уголками губ. Его лицо от этого неожиданно сильно изменилось. Как будто солнце отразилось от снега и белыми бликами упало в его глаза. Райли мощными скачками бросилась назад. На этот раз хозяин не останавливал ее, и она прыгнула на Саню.

Если бы не стропила крыльца у меня за спиной, я бы не удержала его. Удар был мягкий, но сильный. Саню качнуло назад. Я уперлась руками ему в спину. Зверь тихо рычал, но не агрессивно, а игриво, даже мелодично. Он начал лизать брата в лицо. Язык был большой и красивый. Саня засмеялся и с трудом оттолкнул собаку.

- Простите, - уже спокойно сказал он. - Я просто хотел лично сказать спасибо за брелок. Я очень люблю этого ворона.

- Занести его было нетрудно, - ответил Валттери Лайне. - Я все равно гуляю с Райли по всему поселку. Трудно было найти ваш дом.

...Он говорит неправду. Он знает, где наш дом с тех пор, как увидел меня на дереве...

Я молчала. И брат молчал. Возникла пауза. Мужчина смотрел на нас, а мы на него. Райли встала передними лапами на крыльцо, и я наклонилась, чтобы пройтись рукой ей по спине. Шерсть была глубокая и горячая.

- Я хотел задать Вам два вопроса, - сказал Саня.

Я увидела маму в окне. Она казалась встревоженной. Думаю, ей все не нравился этот незнакомец.

- Задай, - предложил Валттери Лайне.

- Какой породы Ваша собака?

- О, - мужчина отмахнулся, - что-то экспериментальное. Вроде гибрида лайки, хаски и овчарки.

Зверь подошел к Сане. Он провел рукой по ее морде. Она прикусила его пальцы, и он вздрогнул.

- Райли, - строго сказал хозяин.

- Ничего, - слегка испуганно ответил брат. - А она не слишком большая для такого гибрида?

- Мне ее подарил друг, который работает на животноводческой ферме в Шотландии. - Мужчина пожал плечами. - Я совсем не разбираюсь в собаках. Могу только сказать, что Райли умнее любой овчарки.

На звук своего имени зверь повернул голову, но с места не сдвинулся, остался сидеть у ног Сани.

- А второй вопрос?

- Вы придете на мой день рождения шестнадцатого декабря?

- Саня, - тихо сказал я.

Такого я не ожидала.

- День рождения? - мужчина снова улыбнулся.

- У меня совсем нет друзей, - добавил брат.

Незнакомец опустил взгляд. Так он стоял, когда я отвергла его помощь в еловом перелеске.

- Не все твои родные будут этому рады, - ответил он, - поэтому я приду совсем ненадолго.

Я видела, как изменилось лицо брата. Он был... Может, он был напуган собственной дерзостью? А может, еще в нем появилась какая-то странная надежда? Одно могу сказать точно – ему было интересно. Впервые за последние три месяца ему было так же интересно, как в те дни, когда он увидел аистов.

- Но Вы придете? - повторил Саня.

- Я занесу тебе подарок, - обещал Валттери Лайне. - Райли.

Он махнул нам рукой и вышел с участка. Несколько секунд придерживал калитку, чтобы выпустить свою собаку на улицу. Но ведь мог бы и не придерживать? Ведь Райли уже перепрыгивала наш забор. Мы с Саней об этом знали.

- Интересно, что он подарит, - тихо сказал брат.

- У тебя все в порядке? - спросила я.

Саня неопределенно качнул головой.

- Почти.

Потом нам пришлось объяснять маме, почему мы так странно себя ведем.

- Лиз? - позвал брат, когда мы остались одни.

- Да? - отозвалась я.

- Как отличить собаку от волка? Ведь должен быть способ сделать это наверняка.

- Ты думаешь, что Райли... - догадалась я.

- Я почти уверен. Так как?

- Понятия не имею, - сказала я, - но буду думать.

- Спасибо, - улыбнулся брат.

Через два дня я повторила его вопрос учительнице биологии.

- Смотря в какой ситуации, - сказала та. - В зоопарке – по табличке, на охоте – по следам. Обычно волки больше. У них вытянутая морда. - Она помолчала, обдумывая вопрос. - Они, как и собаки, бывают очень

разные. Например, китайского красного легко спутать с лисой. А еще к семейству волков относят шакалов. Тебе какой волк нужен?

- Крупный зверь, - описала я, - взрослому человеку почти по пояс. Спина серая, на животе и лапах шерсть светлеет.

- Похож на серого волка.

- Как в сказке? - спросила я.

- Каннис лупус, - по латыни возразила учительница, - это название вида животных. Ты такого где-то видела?

- У соседа, - призналась я.

Учительница рассмеялась.

- Раз у соседа, то вряд ли это волк. - Ее лицо посерьезнело. - А если все-таки волк, значит, сосед играет с огнем.

Я не стала говорить ей, что Райли гуляет без поводка.

- Вы сказали, что можно отличить по следам, - напомнила я.

- Посмотри в библиотеке, - предложила учительница, - но не среди книжек по биологии, а в разделе «краеведение». Еще пятьдесят лет назад они сюда заглядывали, и их отстреливали.

Мне стало как-то не по себе, когда я представила Райли, изрешеченную пулями.

- Спасибо, - поблагодарила я.

- Не за что, - отозвалась биологичка, - обращай еще.

Библиотека в Фальте была древнее школы. Она занимала треть желтого, покосившегося от времени муниципального здания. Книгу я нашла, но взять ее не получилось. Мне сказали, что издания до 1970-го года доступны только в читальном зале.

Вечером я пересказала брату все, что узнала. Он кивнул и впал в глубокую задумчивость. А на следующий день за обедом произошло кое-что необычное.

- Саня, - сказал отец, - ты пригласил на день рождения того человека...

- Да, - подтвердил брат.

- Почему?

Саня пожал плечами.

- Это мой день рождения. Приглашаю, кого хочу, - ответил он.

Папа вздохнул.

- Ты мог бы позвать других детей. Бывших одноклассников, друзей из Москвы...

- Мне приятно знать, - Саня на секунду замолчал, - приятно знать... что, не считая вас, все люди, которые ко мне хорошо относились, дума-

ют, что я просто уехал. А если они окажутся здесь, то узнают – или почувствуют – что все не так.

Над столом повисла тишина.

- Да и не так много их было, - добавил Саня.

Он посмотрел в окно. По небу плыли облака, сосны покачивали вершинами, по снегу у забора шла взъерошенная ворона. «А для брата окно – это светлый квадрат, - подумала я, - как жаль, что он не видит серую птицу».

- Но кое-что я действительно хочу, - сказал Саня. - Я знаю, что у нас не так много денег, но я хочу одну вещь на день рождения.

Желания тех, кто близок к смерти, последние желания, обладают какой-то особенной силой, каким-то особенным правом. Все это чувствуют. Даже убийцы встают на колени перед своими жертвами, чтобы услышать, что те шепчут, умирая. Мы сидели и смотрели на Саню. В тишине, повисшей над столом, раздался голос папы.

- Мы постараемся это купить, - обещал он.

- Хочу хороший цифровой фотоаппарат, - попросил брат.

...Саня, брат, ведь ты почти слепой...

- Конечно, - сказала мама. - На это нам хватит денег.

Я почувствовала, как они с отцом чуть успокоились. А если бы Саня тогда попросил океаническую яхту? Иногда мне кажется, что мы бы купили ее, продав для этого все, что у нас осталось после краха папиной фирмы.

Вечером, когда мы остались одни, я спросила брата, зачем ему фотоаппарат. Саня улыбнулся.

- Ты сравнишь фотографии следов с их рисунками в книге из библиотеки, - объяснил он, - а учительница посмотрит на фотографию самой Райли и наверняка скажет, волк это или не волк.

- А-а... - удивленно протянула я.

- Да, - кивнул Саня. - Конечно, голова у меня не блеск, но я еще не совсем тупой.

Шестнадцатого декабря наступил последний Санин день рождения. Самый ужасный, самый грустный день рождения, который я видела в своей жизни. Сидеть вместе с родителями было холодно и бесприютно. Их печальные улыбки сводили с ума.

Саня сдержанно порадовался фотоаппарату. Мы сделали несколько семейных фотографий, на которых старались поддерживать бодрый вид,

потом вышли во двор, слепили снеговика и сфотографировали все, что было вокруг. Снимал не только брат. Мне кажется, ему нравилось думать, что эта игрушка еще послужит мне, когда он уже умрет. В два мы вернулись в дом, согрелись, наблюдая за тем, как по экрану телевизора проносятся любимые папой гоночные машины.

Саня пребывал в задумчивости. Он ждал. В четыре пришло время обеда. Мама зажгла свечи на торте и в этот момент в дверь позвонили. Все вздрогнули.

- Это он, - испуганно и обрадованно сказал брат, поднимаясь из-за стола. - Он принес подарок.

- Подожди, - осадил его папа. - Давай я открою, а там посмотрим.

Я тоже встала. Мы пошли к двери втроем. Мама смотрела нам вслед, и у нее было такое выражение лица, как будто она сейчас расплачется.

В прихожей царили прохладные пыльные сумерки. Отец открыл дверь. В дом ворвались белый свет и холодный зимний воздух. На крыльчике стоял незнакомый человек. Не Валттери Лайне.

- Я звонил несколько дней назад, - сообщил он. - Вы сказали, что к Вам можно подъехать в середине дня в любой выходной.

- А, - вспомнил папа, - вы тот врач? Здравствуйте, проходите.

- Добрый день, - ответил мужчина. - Я скорее биолог, но можно сказать, что врач.

Он неуверенно переступил порог. Его взгляд на секунду остановился на Сане, потом уперся в пол. Папа обернулся к нам.

- Это... это будет скучно и не слишком долго, - сказал он. - Возвращайтесь за стол.

Мы с Саней обошли поворот коридорчика, ведущий в гостиную, а потом брат дернул меня за руку и прижал к стене.

- Я, видимо, не вовремя, - приглушенно сказал медик, - потому что это долгий разговор.

- Вы по телефону говорили о возможности какого-то договора. Я, честно говоря, мало что понял.

- Я приехал, чтобы сообщить диагноз. И поговорить о некоторых возможностях.

- Моему сыну нужно лечение, а не... - вздохнул папа.

- Лечение пока нет. Но я хотя бы могу предсказать, как и сколько он проживет.

...Как и когда он умрет...

Саня сжал мою руку.

- Пойдемте на кухню, - предложил папа. - Это не стоит слышать моей семье.

Двое мужчин слепо прошли мимо нас. Их тени уже лежали на пороге кухни. И вдруг...

- Я хочу знать, - громко и отчетливо сказал Саня им в спину. - Я имею право знать, от чего я умру.

Папа и длинный человек с усиками обернулись и испуганно уставились на него.

- Саня, - тихо позвала я, выходя из укрытия, - не надо...

Брат никак не отреагировал.

- Я мог подслушать, - продолжал он, - но я хочу, чтобы мне это сказали в лицо.

- Полагаю, это решать Вам, - неуверенно сказал папе человек с усиками, - но мое мнение на стороне мальчика. Медицинская этика...

Я вдруг поняла, что мне нравится этот тихий доктор. Он говорил будто с акцентом, его припорошенное пальто казалось слишком холодным, а взгляд почти не встречался с глазами собеседника. Он отличался от большинства врачей тем, что все еще боялся сделать людям больно. Оттого он стал идеальным вестником смерти.

- Я согласен, - оборвал его отец. Он стоял бледный, с подернутыми пеленой глазами. - Снимите пальто и давайте поговорим в комнате. Мы угостим Вас чаем и тортом.

Когда мы вернулись в гостиную, двенадцать свечей все еще горели. Мама вскинула на незнакомца несчастное лицо.

- Это доктор, - сказал папа. - Он приехал, чтобы сообщить диагноз.

- Здравствуйте, - приветствовала его мама.

- Добрый день, - отозвался мужчина с усиками. Он скользнул по ней взглядом и уставился на торт, потом повернулся к Сане. - Простите, Александр, Вы именинник?

- Да.

- Господи. - Врач стукнул себя по лбу. - Я изучал Ваши документы от начала и до конца и не посмотрел на дату рождения, только на год. Извините меня, мне так неловко, что в такой день...

Он замолчал. Повисла тишина. Я подумала, что гость сейчас снова начнет извиняться, но Саня не оставил ему такой возможности. Брат наклонился и одним махом задул все свечи. Над столом поплыл сизый дымок.

- Можно резать, - сказала мама.

- Давайте рассядемся, - предложил папа.

Я вызвалась принести доктору стул. Торт был вкусный, но ели его молча. Запах свечей продолжал витать над столом.

- Мне, право, неловко, - повторил доктор. Он посмотрел на родителей, но их лица были невыносимы, и его взгляд остановился на Сане. Не на глазах, в глаза этот человек не смотрел, а где-то на плече.

- Все нормально, - устало сказал брат.

- Меня зовут Валерий, - представился медик. - Я не Ваш врач, я аспирант Института биохимии имени Баха, при Русской Академии Наук. Но так получилось, что сейчас в Москве я, наверное, один из трех людей, которые могут поставить Вам диагноз.

Он говори с Саней. Как будто нас всех вокруг не было. И это было правильно.

- Очень приятно, - сказал брат, протягивая руку через стол.

Доктор дернулся, потом нервно пожал ее.

- У Вас губчатая энцефалопатия, - продолжал он. - Ее еще называют прионной болезнью. Вы уже знаете что-то о строении биологической клетки?

- Что-то знаю, - подтвердил Саня.

- Вирусы заражают клетку, прокалывая ее оболочку, и вводят внутрь фрагмент чужеродного ДНК-кода.

- Мы проходили это в школе, - кивнул брат.

- Прионы – это заразные белковые частицы. Они, как и вирусы, разрушают информационную структуру клетки, но в отличие от вирусов они такие маленькие, что ни организм человека, ни современная медицина не имеют средств их остановить. Прионам даже не надо проникать внутрь клетки, им достаточно осесть на ее оболочке.

Валерий крутил в пальцах чашку.

- Вот... я попытался очень просто все это объяснить, - подытожил он. - Прионные инфекции крайне редки. Чтобы заразиться ими, зачастую надо съесть мозг больного человека или животного, а это происходит нечасто. Однако иногда прионы передаются по наследству или спонтанно возникают в организме человека из-за мутации или действия аутоиммунного заболевания.

- Я не ел ничей мозг, - сказал Саня.

Все рассмеялись.

- Прионные болезни бывают разные. Самая распространенная из них – это болезнь Крейтцельда-Якоба. Она случается у одного человека на миллион.

- Немного, - констатировал папа.

- Но у Вас не болезнь Крейтцельда-Якоба, - продолжал Валерий, - и ни одна другая из уже описанных форм губчатой энцефалопатии. Из известных науке случаев, Вы второй такой больной на Земле.

- Вроде как отличился, - пробормотал Саня. - А кто был до меня?

- Девочка из Великобритании, - сообщил медик. - Райли Стентон.

Мы с Саней переглянулись. Беззвучно щелкнул какой-то замочек. Цепь случайностей замкнулась и превратилась в судьбу. Выпал весь снег. Закончилось то, что началось прошлой зимой, когда у брата впервые задрожали руки.

- Ее случай описывали в лаборатории малоизученных болезней при университете Лейчестера. Вы с ней точно не родственники, но у Вас почти одинаковые двадцатые хромосомы. И симптомы были похожие. Относительно течения Крейтцельда-Якоба деменция казалась сильно отложенной. Но наблюдались эпилепсия и ухудшение зрения, - закончил доктор.

Нет. Мы не знали точно. Еще не знали. Но совпавшие имена девочки и собаки вдруг изменили облик событий всех последних дней. Думаю, что с этого момента жизнь моего брата неминуемо устремилась к той странной развязке, которая произошла два дня назад, после того, как я увидела свет между мужчиной и мальчиком, лежащими на снегу.

- Райли, - повторил Саня. - Вы можете рассказать о ней больше? Как она умерла?

Валерий неожиданно улыбнулся.

- В этом и загвоздка, - сказал он. - Никто не знает, как она умерла. Она исчезла, сбежала из больницы после судорожного припадка, хотя все думали, что она уже никогда не встанет. Она и ее родители подписали договор, что ее тело после смерти станет достоянием ученых. Но ее так и не нашли, ни живую, ни мертвую. Поэтому до сих пор нет полного описания болезни.

- Вы приехали не лечить его, - истерическим, обвиняющим тоном заявила мама, - а наложить лапу.

Ученый втянул голову в плечи.

- Быть может, лет через двадцать это исследование спасет кому-то жизнь, - очень тихо сказал он. - Мы попытаемся лечить вашего сына, если вы на это согласитесь, но я не думаю, что мы его вылечим. Все известные на сегодня прионные болезни смертельны. Они приводят к деменции и параличу. Потом происходит разрушение дыхательного центра, и наступает смерть.

Над столом повисла мертвая тишина. Было слышно, как Саня сглотнул.

- И сколько у меня времени? - спросил он.

- Судя по тому, что я видел на Вашем последнем МРТ, - Валерий ненадолго примолк, - Ваш мозг становится похож на соты. Я думаю, Вам и так уже сказали, что осталось недолго. Я скажу еще точнее. Через два месяца Вы не сможете связно мыслить. Смерть наступит не так быстро. Через год или два.

- И она будет выглядеть ужасно, - сказал Саня.

Он был бледен, но казался спокойным.

- Если это утешит, - возразил доктор, - то для Вас ее не будет. Личность умрет намного раньше.

Было тихо. За окнами начал гаснуть мягкий свет короткого декабряского дня. Мама не плакала. Не знаю почему. В ней, как и во всех нас, что-то сломалось. Что-то слишком большее и твердое, чтобы превратиться в прозрачные капли слез. Врач достал пару визиток и положил их на стол.

- Я, пожалуй, пойду, - сказал он. - Вы всегда можете позвонить, если захотите. Мы специально для вас можем синтезировать в лаборатории препарат Бреведин А. Он разрушит аппарат Гольджи в нейронах Александра и отсрочит слабоумие на несколько недель. Это яд, но другого лекарства пока нет.

- Да, конечно, - глухо согласился папа. - Я Вам позвоню

- Торт очень вкусный, спасибо Вам за чай, и мне жаль, что я пришел сегодня, искренне жаль.

Доктор осторожно встал из-за стола. Саня тоже встал.

- Я провожу Вас, - сказал он. - Лиз, хочешь со мной?

- Да, - ответила я.

Мы вернулись в прихожую. Врач снял с крючка свое холодное пальто.

- А что еще известно про Райли? - спросил у него брат.

- Как Вы понимаете, я совсем мало интересовался ее биографией, намного больше ее ДНК. Но, кажется, у нее есть англоязычный фансайт. Она училась на отделении искусств в университетском колледже королевы Маргарет и пела в группе. Ее недуг и исчезновение вызвали вал соборезнований.

- У нас нет интернета, - сказала я.

Мужчина развел руками.

- Ты можешь попросить пять минут в классе информатики, - предложил мне Саня. - Скажи, что...

...Это нужно твоему умирающему брату. Скажи им это, и они не смогут отказать, ведь это волшебные слова...

- А как найти этот сайт? - спросила я.
- Просто спросите Гугл, - улыбнулся Валерий. - Хотите, я напишу ее имя по-английски, чтобы Вам было проще?
- Да, пожалуйста, - попросил брат.
Врач закончил застегивать пальто, вытащил из дипломата письменные принадлежности.
- Темно здесь, - пожаловался он, потом приложил листок к стене и, мучительно напрягая глаза, вывел на нем:

Riley Stanton

Я догадалась, что ему нужна помощь, и зажгла свет.
- Благодарю, но поздно, - сказал медик. - Вот, - добавил он, протягивая Сане обрывок тетрадного листка. - Вы легко ее отыщете. Там попадутся ее блог, фансайт и пара научных статей о вариациях болезни Крейтцельда-Якоба.
- Спасибо, - сказал брат.
- Ладно, - доктор бросил ручку обратно в дипломат. - Мне, наверное, пора.
- Можно я Вас сфотографирую? - вдруг спросил Саня.
- А... - мужчина неловко улыбнулся. - Почему бы и нет.
Саня вернулся в комнату. Мы с доктором остались вдвоем. Я подумала, что должна что-то сделать, задать какой-то последний вопрос.
- А когда с ней все это случилось?
- Три года назад, - ответил Валерий. - Заболела в шестнадцать. В семнадцать исчезла. Жалко. Видимо, была одаренной натурой.
- Да, - вздохнула я.
Брат вернулся и сделал фотографию доктора.
- Я все же пойду, - сказал тот.
- До свидания, - попрощался Саня.
Медик ушел. Брат в руке, свободной от фотоаппарата, все еще сжимал бумажку с именем больной девочки. Теперь он протянул ее мне.
- Найди ее, - попросил он. - Ты должна найти ее.
Мы заперли дверь и вернулись в комнату, к запаху свечей, вкусному торту и окаменевшим лицам наших бедных родителей.

- Сутки еще не кончились, - сказал Саня в одиннадцать. - Может, он еще придет.

Мы вдвоем сидели за компьютером. Брат, щурясь, перелистывал фотографии, отснятые за день.

- У него может быть тысяча причин, чтобы не сделать этого, - возразила я. - Ты всего лишь соседский мальчик.

...мы оба знаем, что это не так...

- А у него как раз умерла тетушка в Австралии, - пошутил Саня, - так что он сел на самолет и улетел в далекую страну.

Стекло нашего окна зазвенело. Мы вздрогнули и обернулись. На улице была кромешная тьма. В комнате горел ночник и еще мерцал экран компьютера, и все же я увидела, что к стеклу прилип...

- Что там? - спросил брат.

- Снежок, - ответила я. - Кто-то бросил нам в окно снежок.

Саня посмотрел на меня и улыбнулся. Странной, одновременно грустной и веселой, и немного безумной была эта улыбка.

...Он пришел...

...И ты чувствуешь его, как тогда ночью, да, брат?..

- Пойдем, - сказал Саня. - Только тихо.

Он отключил фотоаппарат от компьютера и повесил его на шею.

- А если этот человек что-нибудь сделает с нами? - спросила я.

- Я все равно пойду, - сказал Саня. - Что мне терять?

От его интонации у меня по коже расползлись мурашки. Я больше не спорила. Мы бесшумно спустились вниз.

Родители смотрели телевизор и пили пиво. Я всего пару раз видела отца пьяным. Но тем вечером он, скорее всего, хотел напиться. И мама ему не мешала. На столике у дивана стояло семь пустых бутылок.

- Они хорошо будут спать, - шепотом сказал Саня.

- Плохо, - ответила я. - Им придется бегать в туалет.

Мы беззвучно рассмеялись, надели ботинки, но шнурки не завязывали. Брат снова взял фонарь, и мы вышли в ночь. С улицы было видно, как по потолку гостиной бегут зеленовато-белые всполохи от экрана телевизора. Саня не включал фонарь, пока мы не свернули за угол – боялся, что родители нас увидят.

Окно нашей комнаты выходит в сторону, противоположную от дома Валттери Лайне. Оно смотрит на дерево с баскетбольным стулом, на место, где отец паркует машину и на нашу улицу.

- Вы здесь? - негромко крикнул Саня.

Тишина. Мне опять стало страшно. Отчего-то мне всегда было страшно, когда я чувствовала, что рядом этот человек.

- Кто бросил нам в окно снежок? - спросил брат.

Его слова улетели в ночь. Он включил фонарик. Белый луч запрыгал под деревьями, коснулся темной стены забора, побежал дальше.

- Ни черта не вижу, - пожаловался Саня.

- Подожди, - сказала я, схватила его за руку и снова направила круг света на забор.

- Что там? - спросил брат.

...желтые глаза...

На секунду я замерла. Страх смешался с непониманием, а потом мне, наконец, стало ясно, на что я смотрю.

- Он не заходил к нам на участок, - сказала я, и, загребая ногами снег, пошла к забору. На нем, каким-то чудом удерживая равновесие, стояла крупная черная статуэтка. Она была высотой с локоть, черная, со сверкающими глазами.

- Волк! - воскликнул Саня, обгоняя меня.

Он протянул ладони, и роскошная фигурка сидящего волка свалилась ему в руки. Почти прыгнула. Брат охнул.

- Тяжелая? - спросила я.

- Тяжелая и теплая, - ответил Саня. - Кажется, она из дерева.

Он прижал волка к груди и несколько секунд стоял так, почти не шевелясь. Потом протянул его мне.

- Отнеси его домой, - сказал он, - к нам в комнату. Я не хочу, чтобы родители его видели.

- А ты? - опешила я.

- А у меня дело, - ответил Саня.

Он повернулся и через глубокий снег тяжело пошел к калитке. Свет фонаря мелькал по стволам деревьев. Я стояла и смотрела ему в след.

...Надо идти за ним...

...Он сам сказал идти домой...

Я струсила и пошла домой. Не хотела выходить за калитку. Не хотела встретить там того человека и его зверя. Днем они были даже милы, но сейчас, в оранжевой мгле уличных фонарей, протянувшихся вдоль соснового леса, мне не хотелось их видеть, совсем не хотелось.

Из окна комнаты я увидела, как лучик фонаря скачет по дорожке перед домом, возвращается назад. Мне стало спокойно. Брат пришел через пять минут. Он молча воткнул фотик обратно в компьютер, выбрал что-то. Зажужжал принтер.

- Все нормально? - спросила я, подходя.

- Да, - подтвердил Саня, потом вскинул на меня ошалелые глаза. -

Где волк?

- Я положила его тебе под подушку, - ответила я.

Брат улыбнулся.

- Это хорошо.

- Встретил его? - поинтересовалась я.

- Нет. - Саня тряхнул головой. - Но нашел то, что искал.

Из принтера выползала страница. Четкие серые следы в натуральную величину.

- У дороги неглубокий снег. Я снимал со вспышкой. Кажется, получилось идеально.

Я подняла бумагу и поднесла ее к лампе.

- Завтра пойду в библиотеку, - обещала я.

- И в класс информатики, - добавил Саня.

- Деловой, - устало улыбнулась я.

Он рассмеялся.

В ту ночь он первый раз спал со статуэткой волка.

Англоязычный интернет дался мне с трудом. Спасибо учителю информатики. Он был очень мил. Мне даже не пришлось говорить ему о том, что человек, которого я ищу, умирал от той же болезни, что и мой брат.

Помню, как впервые, еще на экране компьютера, увидела фотографию Райли Стентон. Девушка стояла на берегу моря. За ее спиной была страшная черная скала, которая надрезала пасмурный песчаный пляж и корявой вершиной устремлялась к небу. Райли была в пушистом клетчатом свитере, в ее глазах светились синие огоньки, а коротко стриженные светло-русые волосы не доставали до плеч. На руках у девушки сидел огромный белый кот. Вместе они выглядели такими домашними, такими чужими на фоне этого сурового побережья.

Помню, что мне пришла в голову странная мысль: «Мы могли бы дружить с ней». Хотя, судя по словам Валерия, дружить с ней могли очень многие. А потом у меня снова появилось чувство дежавю. Я смотрела на Райли и понимала, что в ней, и во всем, что происходит вокруг, есть что-то, что я не могу охватить одним взглядом. Сходились какие-то ничтожные вероятности. Мир ткался, как огромный узорчатый ковер. И

где-то – возможно, в руках мужчины из дома с аистами – был узелок, вокруг которого собиралось все.

Из класса информатики я унесла двадцать страниц англоязычных распечаток, в которых ничего не понимала. Потом пошла в библиотеку.

Следы были волчьи. Я определила это не сразу. Ключом оказалась рекомендация про спичку. «Средние пальцы волка значительно выдвинуты вперед. Между средними и боковыми пальцами можно положить поперек отпечатка воображаемую спичку, - утверждал источник. - Пальцы собаки, напротив, стоят близко друг к другу, когти боковых пальцев начинаются на том же уровне, где находится серединка подушечки средних пальцев».

След Райли был вытянутым, волчьим, на удивление легким и стройным, даже грациознее, чем следы тех волков, которые приводились на иллюстрациях охотничьего справочника. Быть может, дело было в ее поле и возрасте.

По дороге домой я поняла, что близок новый год. В окнах магазинчиков, сгрудившихся вдоль станционной платформы, мигали огоньки. В перелеске, где мы впервые встретились с Валттери Лайне, кто-то украсил одну из елок копейными пластиковыми шарами. Они мерцали золотом среди запорошенных ветвей. Вышло действительно красиво.

- Видно, я не зря учил английский, - сказал Саня, когда я передала ему стопку страниц, посвященных истории английской девочки.

- Ты будишь их разбирать? - ужаснулась я.

- Понемногу. Делать мне все равно больше нечего. Что со следами?

Я рассказала про фокус со спичкой.

- У него вместо собаки волк, - подытожил Саня. - У него на доме живут черные аисты. Он проникает в сны. Он подарил мне странную вещь. Кто он такой, Лиз?

- Финский бизнесмен, - вспомнила я.

- Может быть. Может быть, он владеет сетью бензоколонок или закуской в Хельсинках. Но только это ничего не объясняет. Что он такое?

- Друг Зверей и Птиц, - ответила я.

Не помню, как это получилось. Слова сложились сами собой и сразу превратились в формулу.

- Друг Зверей и Птиц, - повторил Саня.

С тех пор мы всегда называли Валттери Лайне именно так.

Занятия в школе кончились двадцать шестого. В один из последних дней декабря я проснулась от ощущения присутствия.

...Он как тепло...

...Он как холод...

...Он как воздух...

Мне вспомнились слова Сани: «Ты знаешь, что в комнате тепло, даже если не знаешь, где обогреватель». Я поняла, о чем говорил брат. Рядом. Я лежала с открытыми глазами. Сумерки. И очень тихо. В какой-то момент мне стало казаться, что я слышу, как кружится пыль, как снег ложится на подоконник.

...Брат? Ты дышишь?..

...Может, я одна во всем доме? Во всем мире?..

Я скинула одеяло и спустила ноги с кровати. Мои движения тоже были бесшумны. Мне пришла мысль, что, возможно, я оглохла. Я посмотрела в окно и поняла, что уже не ночь. Было около девяти утра. Начинался рассвет. Самый тихий рассвет во всем мире.

- Саня?

Брат не отозвался. Я встала и увидела его. Второй ярус кровати находится на уровне моего подбородка. Саня лежал на спине. Я видела его лицо в профиль. Оно казалось точеным, спокойным, почти мертвым. На его груди, сверкая желтыми глазами, сидел волк. Нет, не просто сидел. Он двигался.

...статуэтки не двигаются...

Волк был вырезан из черного дерева. Оно было тяжелое и плотное, как металл. Волнистая резьба имитировала шерсть. Зверь чуть приоткрыл пасть. Было видно клыки.

...он живой...

Мне казалось, что волк поворачивает ко мне голову. Поворачивает ее все время. Он двигался не так, как живые, и все же был живым. Не было мгновения, когда он начал двигаться, и мгновения, когда закончил. Он просто двигался. Он был в моменте движения. Наверное. Такое бывает только со статуями. Он все время поворачивал голову. Он все время уже-не-смотрел на Саню, но еще-не-смотрел на меня. Мне казалось, что я вижу волны, бегущие по его шерсти, неуловимое смещение его глаз. Похожее чувство бывает, когда наблюдаешь за движением теней. Но там другое. Они действительно перемещаются, только очень медленно. Волк двигался, хотя ничего в нем не перемещалось.

Я вспомнила спокойный взгляд Друга Зверей и Птиц и, наконец, поняла, почему мне было от него не по себе. У Валттери Лайне тоже было это свойство. Он двигался, не перемещаясь. Я протянула руку и в ужасе ее отдернула. Волк был теплый, даже горячий, как глубокая, жесткая шерсть на спине Райли.

Саня глубоко вздохнул и открыл глаза. Уже когда это случилось, я поняла, что до этого брат, скорее всего, не дышал. Он удивленно уставился на волка, приподнялся, увидел меня. Статуэтка потеряла равновесие и упала на кровать рядом с ним.

- Ты его так поставила? - спросил Саня.

- Нет, - ответила я. - Я проснулась от того, что чувствовала, что...

Слова закончились. Брат сел. Его глаза казались затуманенными. Он осторожно поднял волка, переставил себе на колени.

- Я досмотрел сон, - сообщил он.

- Про Египет? - спросила я.

- Да.

- Он дошел до тебя?

- Да.

- Чем все закончилось? - мне было совершенно не по себе. Быть может, я уже знала.

- Мы превратились в аистов, - ответил Саня. - И я, и он. Вместе.

Глава 4, короткая и последняя

ЖИЗНЬ

Вот и сирены. Я думаю, что, несмотря на холод, мои следы отыщет первый же наряд с собакой... если только псы не испугаются запаха волка.

Рука уже не болит. Спина онемела. Наверное, еще ни разу за свою жизнь я не уставала так сильно. Но я заканчиваю.

Мне жаль, мне правда жаль, что из-за меня папа и мама провели в страхе лишние два часа. Но скоро я к ним вернусь. Как только расскажу конец этой истории.

Поздним вечером, за три дня до нового года, Саня отложил последний лист английского текста, закрыл словарь и откинулся на спинку кресла.

- Я разобрал все, что мне было интересно, - сообщил он.

Я оторвалась от компьютерной игры, сняла наушники и посмотрела на него. Он изменился. Глаза запали. На лбу играла голубая венка. Мой брат готовился стать призраком.

- Устал? - спросила я.

- Просто я заканчиваюсь, - ответил Саня. - Надо доделать еще одну вещь.

- Какую?

- Ты знаешь. Сфотографировать Друга Зверей и Птиц вместе с его волком.

- Я просто думала, что следов достаточно, - объяснила я. - Ты все-таки хочешь, чтобы учительница биологии посмотрела на Райли? Сейчас каникулы, я ее увижу только через две недели.

- Дело уже не в ней. - Саня странно улыбнулся. - Я знаю, что Райли – волк. Просто у меня такое чувство, что это надо сделать.

- В кино у оборотней на фотографиях размытые лица, - вспомнила я. - Думаешь, он...

- Он не оборотень, - оборвал меня Саня. - Он волшебник, ангел, эльф или бог.

- Ты так об этом говоришь...

Брат мотнул головой.

- Мы летали в последнем сне, - сказал он, - и там все было другим.

- Расскажи, - попросила я.

- Рыба сладкая. - Саня неожиданно рассмеялся. - Воздух плотный и упругий. Мир как будто хрупкий, расчерченный линиями и гранями. Все светится. А он светится сильнее всего. Я люблю его.

...Это ведь просто сон...

...Это не просто сон...

Я молчала, вспоминая, как двигался и не двигался волк.

- Ты, наверное, думаешь, что я схожу с ума?

- Нет, вовсе нет, - ответила я.

- Сходишь со мной?

- Куда? - удивилась я.

- К нему домой, - ответил брат. - Я поблагодарю за волка, и мы пригласим его вместе отметить Новый год.

- Саня...

- А что? На день рождения он почти пришел. Может, на этот раз удастся под елкой напоить его чаем?

Глаза брата были полны решимости.

- Завтра, - согласилась я.

Мы вышли за два часа до обеда. Было пасмурно, ветер гнал по небу темные тучи, наполненные снегом. У брата на шее висел фотоаппарат, а под ремнем фотоаппарата парил брелок-ворон.

- Ты ни разу не спросила о том, что я переводил, - заметил Саня, когда мы поворачивали на улицу Валттери Лайне.

- Меня пугает все, что ты делаешь в последние две недели, - призналась я. - Меня пугает Друг Зверей и Птиц. Меня пугает статуэтка волка. Меня напугала фотография Райли. Весь мир стал двигаться, когда я смотрела на нее.

- Мир всегда движется. Просто мы не всегда видим. - Саня взял меня за руку. - Знаешь, в последних записях своего блога Райли сказала одну очень красивую вещь. Я ее тоже чувствую.

Я чуть сжала его пальцы. Он продолжал.

- Она написала, что некоторые люди умирают просто потому, что им не хватает сил стать кем-то еще. Превратиться в то, чем они должны быть. - Брат ненадолго замолчал, потом заговорил снова. - Я ничем не болен. Я просто меняюсь.

- Саня, это так не выглядит, - вздохнула я.

- Тело Райли не нашли. А многим другим людям вообще не поставили нужный диагноз. Если бы не чистая случайность, результаты моей биопсии никогда бы не попали в лабораторию имени Баха.

- И что? - спросила я.

- Представь, - ответил Саня, - сколько таких, как я, имели диагноз «эпилепсия», или «рассеянный склероз», или любой другой неверный диагноз.

- Я не знаю.

- А потом они просто исчезали. И это могли объяснять тысячью причин. Тем, что у них съехала крыша, или тем, что они решили ускорить свою смерть, не пожелав мучиться и беспокоить друзей и родных.

- Ты клонишь к тому, что в жизни все может быть, как в твоём сне?
- спросила я. - К тому, что ты превратишься в черного аиста?

- Ты не веришь, - констатировал Саня.

- Я не знаю, - повторила я.

- Ладно.

Мы замолчали. Между деревьями уже мелькал дом Валттери Лайне. Узкие окна кабинета, как глаза, следили за улицей. Аистовое гнездо, заваленное снегом, стало напоминать бесформенную надстройку.

- И дом его меня пугает, - добавила я.

Брат сжал мою руку.

- Если вдруг что – беги. Но я думаю, все будет хорошо.

Будто в ответ на его слова, из гаража напротив дома Валттери Лайне вышел уже знакомый нам парень. В руках у него была фанерная лопата. Он счистил дорожку снега у самых ворот, потом глянул на нас. Видимо, не узнал, начал чистить вторую дорожку.

Мы подходили все ближе. Я вспомнила, как задала врачу Валерию вопрос про Райли. «Три года назад», - сказал он. Такой простой способ все проверить.

- Значит, ты думаешь, что Райли – не только волк, но еще и та самая девочка из Англии? - спросила я.

- Ты тоже об этом думаешь, раз спрашиваешь.

Мы поравнялись с парнем. Он отбил снег с лопаты, снов взглянул на нас.

- Извините, - обратилась я к нему.

- Да? - отозвался он. - Я видел вас где-то, причем тоже вдвоем. Мы с Тамарой ходим парой...

- Летом, - подсказал Саня. - На этом самом месте мы смотрели, как улетаёт последний из аистов.

- Ха, точно, - парень хлопнул себя по лбу. - Ну, теперь-то они в Африке. Раньше, чем через три месяца, не вернуться.

- А Вы не знаете, как давно у Вашего соседа живет эта большая серая собака? - спросила я.

- Которая на волка смахивает?

Саня странно усмехнулся.

- Да, немного.

- Точно не помню, но кажется, года три, - сказал парень. - Да. Точно три. Его тогда долго здесь не видели. Вернулся с ней, сказал, что привез из Англии.

Сходилось.

- Спасибо, - поблагодарила я.
 - А зачем вам? - поинтересовался парень.
 - Хотим знать, не планирует ли он щенков, - соврал Саня.
 - Ну, это не ко мне, - отозвался парень, - это его надо спрашивать.
- Брат посмотрел на меня.
- Спросим? - предложил он.
- Внутри у меня все сжалось.
- Давай, - сказала я.

Мы подошли к калитке Валттери Лайне. Его тропинка была тщательно вычищена. На заборе рядом с калиткой электрический звонок. Саня нажал его, и я почувствовала, как потею под курткой. Это было похоже на те минуты, когда брат падал в припадке.

Страх.

Мы ждали его долго. Саня успел позвонить второй раз. Потом за забором захрустел снег, щелкнула щеколда, и мы увидели Валттери Лайне. Он вышел к нам в шапке и сером вязаном свитере.

- Приветствую, - сказал он. Его глаза ярко и холодно посмотрели на меня и как-то иначе – на брата.

- Здравствуйте, - поздоровался Саня.

Я кивнула.

- Спасибо за волка, - поблагодарил брат. - Он приносит чудесные сны.

- Его зовут Алекси, - ответил мужчина. - Это твой волк. В каком-то смысле это ты сам.

- Кто Вы? - спросил Саня.

Валттери Лайне посмотрел на меня.

- Друг Зверей и Птиц, - сказал он. - Ты же знаешь, что твоя сестра угадала прекрасные слова.

...Он знает все...

...Он знает, как я его боюсь...

За спиной мужчины слышались скрип снега и дыхание. В проем калитки рядом с ним протиснулась Райли, вспрыгнула и поставила Сани лапы на плечи.

- Нет, Райли, - засмеялся брат, сталкивая волка обратно на землю.

- Ты пришел только сказать спасибо? - поинтересовался Валттери Лайне.

- Не только. - В этот момент я увидела, что Саня весь дрожит от внутреннего напряжения. - У меня снова есть два вопроса.

- Я слушаю.

- Не могли бы Вы прийти к нам на Новый год? - спросил брат.

- Мог бы, но это не нужно, а вся остальная твоя семья этого не хочет. - Что-то было в его тоне, от чего я чуть отпрянула.

Саня лихорадочно облизнул губы.

- Ладно, - решил он. - Наверное, это действительно так. Второй вопрос: можно мне сфотографировать Вас с Райли?

- Да, - кивнул Валттери Лайне и пошел вглубь участка, потом снова повернулся к нам.

- Райли, к ноге, - приказал он. - Можешь снимать.

Брат расчехлил аппарат и сделал снимок. Руки у него слегка дрожали.

- Теперь я попрошу вас уйти, - сказал Валттери Лайне.

- Да, конечно, - ответил брат. - До свидания.

- До свиданья, - повторила я.

- До свидания, - откликнулся владелец дома с аистами.

И я вдруг почувствовала, что эти слова имеют буквальное значение. Мы еще увидимся. Еще один раз. Последний.

Так и вышло.

Мы вернулись домой и пообедали. Мама думала, что мы просто гуляли. Я соврала, что аппарат завис от мороза и обошлось без фотографий.

- В шашки? - предложил Саня после еды.

- Давай, - согласилась я.

Мы вышли из-за стола.

- А посмотреть, как получилось, не хочешь? - спросила я у брата, когда мама осталась вне досягаемости.

Саня странно на меня посмотрел.

- Вечером, - сказал он. - У меня такое чувство, что этот снимок – последняя вещь. Он закроет все вопросы. Я хочу еще несколько часов неизвестности.

Мы открыли фотоснимок в семь часов вечера. Саня развернул изображение на весь экран компьютера. Получилось красиво. За спиной Валттери Лайне возвышался большой мрачный дом. Небо клубилось тучами. Сосны устремлялись вверх.

У ног мужчины сидел волк. Желтые глаза. Было видно даже облачко пара, вырывающееся изо рта зверя. А рядом с животным, опустившись на одно колено, стояла Райли, девушка в белом пушистом свитере. Ее пальцы запутались в гриве волка.

Несколько минут мы с Саней молча смотрели на фотографию. Потом он нарушил тишину.

- Она там, - сказал он. - Помнишь, как он сказал? «Этот волк – это ты». Она осталась жить в своем волке.

- Брат, - я обняла его и заплакала. Вцепилась в него. Как будто он мог вот-вот исчезнуть. И разве он не мог? Ведь мог. И теперь исчез. Он исчезал с тех пор, как у него в первый раз задрожали руки.

Саня обнял меня в ответ и тоже заплакал – наверное, в первый раз с той отвратительной сцены на кухне, когда он навсегда отказался ходить в школу.

После того, как мы увидели девушку на фотографии, для нас наступили странные дни. Брат больше не вел себя как одержимый, у него не было никаких идей, и он ничего не пытался доказать. Мы делали все то же, что и в свободное время прежних дней: играли в настольные игры, фотографировали.

Новый год был похож на день рождения. Саня больше не мог смотреть телевизор. Папа нашелся, подарил ему наушники и mp3плеер с встроенным радиоприемником. Брат искренне радовался. И первого января все на какое-то время повеселели.

Второго января родители уехали. Они собирались отдохнуть вместе с маминной сестрой из Саратова. Четырех человек там сесть было негде. Я подозреваю, что все это устроил отец. Мама второй месяц была на антидепрессантах. Еще два месяца ей предстояло наблюдать, как ее сын деградирует и сходит с ума, а потом полтора или два года ждать его смерти.

Нам оставили список телефонов: лечащий врач, больница Майского, аспирант Валерий. Кроме того, предполагалось, что «ОЗ» и мобильные телефоны родителей я знаю наизусть. В известном случае я должна была звонить в скорую, затем в порядке списка, и, наконец, маме. Родители обещали вернуться пятого января.

Приступ произошел третьего.

Он был не таким, как предыдущие. Саня не почувствовал ауры. Он просто упал, упал со стула, когда мы ужинали. Судорог не было. Брат выронил вилку.

- Саня? - спросила я, поняла, что теряю его взгляд и бросилась вокруг стола.

Ноги брата выпрямились, как тогда, в школьной столовой, и он упал мне на руки. Он снова был тяжелый и напряженный, я не могла его удержать и положила на пол. Потом бросилась за мобильником. Уже возвращаясь, набрала «03».

Я наклонилась над Саней, и тут он схватил меня за руку. Мне страшно представить, чего ему стоило это движение, и я не понимаю, как он его сделал, потому что в тот момент он был слеп, совершенно слеп.

Брат оторвал мою руку от уха. От неожиданности я уронила телефон, услышала в трубке далекое бормотание диктора.

- Не звони им, - прошептал Саня.

Его дыхание сбилось, перешло в тихий всхлип.

- Я разрушаюсь. Веди меня к нему.

Я заплакала.

- Ты не ходишь, Саня.

- Тогда мы поползем.

Я нажала на кнопку сброса вызова, пнула телефон. Он проехался по полу и исчез под плитой. Я подхватила Саню за плечи и потащила. На себя и вверх. У нас воощеный дощатый пол. Брат отлично скользил. Так мы добрались до прихожей.

- Ты не дойдешь, - задыхаясь, повторила я.

- Принеси моего волка, - попросил брат.

Я сходила наверх, нашла статуэтку. Днем Саня прятал ее в пыльном пространстве за монитором компьютера. Наверху, стоя посреди комнаты с волком в руках, я вдруг поняла, что снова тихо. Тихо, как во время последнего Саниного сна.

Бесконечная тишина.

Я отыскала рюкзак, бросила волка в него, сбежала вниз. Саня сидел там, где я его оставила, и ощупывал свои ноги.

- Я не чувствую равновесия, - с одышкой сказал он, - и не чувствую ног. Как Райли после последнего приступа.

- Руки чувствуешь? - спросила я.

- Да.

- Тогда подними их вверх.

Он поднял. Я помогла ему одеть куртку. Возилась, как с маленьким, потом вытащила его на крыльцо. Было все так же тихо.

- Не туда, - еле слышно потребовал брат. - Прямо через участки. Как ходил он сам. Расстояние ничтожно. Нам надо перелезть всего три забора. Ты меня подсадишь.

- Нас кто-нибудь увидит, - сказала я.

- Там пустые дачи, - ответил Саня. - А вот на улице нас точно увидят.

Мне показалось, что я слышу в его задыхающемся шепоте досаду на мою тупость. На моих руках, дрожащий и слепой, висел мой брат, все еще мой брат, смелый и остроумный мальчик, который когда-то дразнил меня «Лиза-девочка».

Мы как-то добрались до забора. Вслед за нами, мимо сосен, на которых Саня собирался строить домик, протянулся смешной рыхлый след. Две самые глубокие борозды – от ног брата.

- И как тебя поднимать? - спросила я.

Вопрос был риторический, но Саня ответил.

- Спиной к забору, - сказал он. - Я попытаюсь упираться ногами.

У него получилось. Мы встали.

- Теперь переверни меня лицом, - приказал Саня.

Его ноги не ходили, перекручиваясь в дурацкую букву Х вместо того, чтобы переступать, как у нормального человека. И все же я его развернула. Пинками переставляла каждую его ногу. Один раз мы чуть не упали.

- И что теперь? - поинтересовалась я.

- Теперь я сам, - ответил брат.

И он это сделал. Выжал себя на руках, как когда-то это делал четырнадцатилетний здоровяк Дима. На пике подъема Саня наклонился вперед. Его безвольные ноги чуть было не ударили меня по лицу, потом нелепо взлетели вверх, и он исчез с той стороны. Я услышала глухой звук падения.

- Ты жив? - крикнула я.

Полезла за ним.

- Да, - слабо ответил брат. - Не наступи на меня.

Мне удалось выполнить его просьбу, хотя вокруг было темно.

Когда я дотащила брата до середины Диминого участка, пошел снег. Он начал падать тихими хлопьями, закружился в воздухе. Брат лежал. А я сидела в его изголовье на коленях и приходила в себя.

- А хорошо сейчас, - негромко сказал он. - Ведь правда хорошо. Хороший вечер.

- Давай дальше, - предложила я.
 - Давай, - согласился Саня. - Время выходит.
- И я потащила его дальше.

Мне казалось, что мы добирались до участка Валттери Лайне целую вечность. Но теперь я думаю, что это длилось всего пятнадцать или двадцать минут.

Снег, как будто специально, начал прятать наш след еще прежде, чем мы закончили его прокладывать. Я видела, как снежинки ложатся в нелепую кривую борозду, и тащила брата, пока не почувствовала, что мои пятки уперлись в крыльцо дома с аистами.

Помню, что просто плюхнулась на ступеньки и просидела так с полминуты. Дерево было мокрым и холодным.

- Мы пришли? - спросил Саня.
- Мы у крыльца его дома, - ответила я.
- Ты молодец. - Возможно, брат улыбнулся в темноте.

Мне было плохо. Начала болеть спина. Я понимала, где я и что я делаю, но тогда – наверное, впервые за эти полгода – мне совсем не было страшно.

У меня за спиной скрипнула дверь. Я оглянулась и увидела его. Он казался выше, чем был обычно. Черный силуэт, окруженный лучащимся светом и волнующимся теплым воздухом.

- Зачем вы здесь? - спросил Валттери Лайне.
- Преврати меня, - попросил Саня с земли.
- Ты устала, - сказал Валттери Лайне. Я не ожидала, что он обратится ко мне, поэтому ничего не ответила.
- Здравствуйте, - сказал брат.
- Привет, - ответил мужчина. Спустился, расстегнул на Сане куртку. Брат помог ему, сел, высвободил свои руки из рукавов.
- Холодно? - спросил у него мужчина.
- Нет, - сказал Саня.

- Тебе больше никогда не будет холодно, - обещал Валттери Лайне. Он тоже начал раздеваться – стянул через голову свитер – потом помог Сане снять рубашку. Я сидела и смотрела, как они снимают одежду. В этом было что-то завораживающее. На крыльцо высунула морду Райли, но он одним взглядом заставил ее вернуться в дом.

- Вам нужен Волк? - спросила я в какой-то момент.

- Поставь его на крыльцо, - попросил Валттери Лайне. Он поднял Саню на руки и перенес его в центр участка, туда, где был нетронутый снег. Они обнаженными легли в белое покрывало. Мужчина и мальчик. В оранжевом свете фонаря было видно, что от их тел поднимался пар. Их светлые волосы и их белая кожа в искорках льда. Саня больше не дрожал. Валттери Лайне обнял его, приподнялся на локте и посмотрел на меня.

- Ты сойдешь с ума, если увидишь то, что случится дальше, - предупредил он. - Тебе лучше уйти.

Я поняла, что парализованная сижу на крыльце. Встала, оставив Волка стоять на ступенях.

- Я еще увижу его? - спросила я.

- Если он захочет прийти попрощаться, - ответил Валттери.

- Я захочу, - тихо сказал Саня.

Он повернул голову в мою сторону. Я знала, что он не видит меня, ориентируется только на голос.

- Лиза, пожалуйста, иди домой, - попросил он. - Через двадцать лет ты за нас двоих построишь на дереве домик для своих детей.

Я заплакала и пошла в сторону забора. На ощупь нашла калитку. У нее была обыкновенная щеколда, но меня не слушались руки, и из-за этого я долго с ней возилась. Когда я обернулась, они все еще лежали в снегу. Что-то светилось между ними, белым и голубым. Этот свет я запомню навсегда.

...Мне приснился сон?..

Я открыла глаза и увидела свет. Было утро следующего дня. Четвертое января.

- Саня?

Я выбралась из кровати. Заглянула на верхний ярус. Там было не расстелено. Я прошла через комнату, отодвинула монитор и глянула за него. Статуэтки волка тоже нет.

...Саня...

Вчерашний день был. И случилось все то, что случилось.

Я бродила по дому, как в те дни, когда уже оставалась одна, когда папа с мамой носились по Москве, а брат первый раз лежал в больнице.

...Саня...

Я нашла мобильник под плитой на кухне. На улице продолжалась метель. Она заметала наши следы, укладывая поверх них новые и новые слои снега.

...брат...

Я глядела в окно и видела сплошной снежный буран. Позвонила мама. Я сказала, что все отлично, что мы вчера вечером засиделись, и Саня еще спит.

- Вот как? - удивилась она. Видимо, она не поверила. Но моя ложь выглядела такой реальной в сравнении с правдой.

Прошел день. Начался другой. Мне попался на глаза Санин брелок с вороном. И я, почти не думая, что делаю, повесила его на сыромятный шнурок от старого бабушкиного крестика. Шнурок пришлось сильно расставить. Шея волка толще, чем человеческая.

...Саня, ты придешь попроситься?..

...Ты обещал...

Он пришел.

Это произошло ночью с четвертого на пятое января, когда я бессонно кружила по дому. Я услышала звонок и пошла открывать. Думала, что увижу мужчину из дома с аистами, но увидела только двух волков.

Они стояли в полутьме. Пар их дыхания смешивался со снежным вихрем. Они были так похожи. Мгновение мне казалось, что надо мной зло шутят.

...узнай своего брата, девочка...

...если не узнаешь, то он снова станет человеком, чтобы, пуская слюни, умереть в постели у тебя над головой...

- Саня?

Он бросился ко мне. Его мощные лапы легли мне на плечи. Я упала в снег.

- Саня, брат.

Тихо рыча, волк лизал меня в лицо. Мы обнялись в снегу. В ту минуту я тоже не чувствовала холода. Я натянула сыромятный шнурок ему на шее. Он не возражал. Маленький ворон теперь парил прямо у него на груди.

- Саня?

- Райли, Алекси! - донесся повелительный голос. Мне показалось, что участка больше нет. Мы были в бескрайнем поле, в беспредельной снежной мгле, где ветер может говорить.

- Райли, Алекси!

Райли протяжным воем ответила на призыв. И волк, которого я обвиняла, тоже завыл, завыл, запрокидывая голову высоко вверх, ловя пастью снежинки.

- Райли, Алекси! - снова позвал голос из-за снежной мглы.

Волк еще раз лизнул меня, потом прыгнул в снег и длинными высокими прыжками помчался на голос. На полпути он остановился и посмотрел на меня. Посмотрел сквозь меня. Станный, устремленный в никуда взгляд. Как у брата во время его приступов. Желтые глаза.

...Алекси, Саня, теперь тебя зовут Алекси...

Белый пар вырывался изо рта волка. Он вильнул хвостом – в последний раз для меня – и скрылся за стеной метущегося снега.

И тогда, лежа в снегу и пытаясь прийти в себя после последней встречи с братом, я поняла, что у меня осталось еще одно дело. Последнее дело, как сказал бы Саня.

Я вернулась домой, поставила будильник и два часа спала. Потом встала, оделась, вышла на улицу. Холодно и странно бродить по Фальте зимней ночью.

Я шла к дому Валттери Лайне с иррациональной уверенностью, что дверь будет открыта. Но что рационального во всей этой истории? Я пришла, и дверь была открыта.

Я нашла паспорт на имя человека, который, скорее всего, никогда не существовал. Его зовут Валттери Лайне. Судя по устройству его дома, он кормит своего волка сырым мясом, а сам не ест ничего.

Но он любит книги и фильмы. У него их очень много. У него прекрасный кабинет, и серебряная ручка, похожая на папину. Она тоже напоминает мне пулю для оружия из далекого будущего.

Я думаю, Алекси будет хорошо с ним.

Я слышу шаги и голоса. Скорее всего, меня нашли. Эта история закончена. Я ставлю последнюю точку.

БОЕВОЙ ОПЫТ

Привет, меня зовут Антон. Сейчас мне шестнадцать, но на моей левой руке до сих пор видно шрамы от гвоздей, пунктиром проходящие через ладонь и подушечки пальцев. Ранки, оставленные стальными шипами, теперь стали совсем маленькими и напоминают следы от снятого пирсинга. А мой средний палец до сих пор не вырос. Он остался таким, каким был семь лет назад. И он не гнется.

Я могу чувствовать странные вещи. Когда я касаюсь руки своего лучшего друга, то иногда вижу, как он вчера ругался с мамой. Но только раз в жизни мои видения были по-настоящему сильными. Это случилось семь лет назад, во время летних каникул, когда я жил на даче с бабушкой.

Осенью того года я пошел в третий класс. После первого урока словесности нам дали домашнее задание: написать маленький рассказ о том, как мы провели лето. Я вернулся из школы домой, пообедал, сел за стол, открыл тетрадь... и понял, что за все лето произошло только одно по-настоящему важное для меня событие.

Я описал его. И хотя все действие моей истории укладывалось в несколько дней, ее текст оказался в десять раз больше, чем тот, который требовала учительница. Тогда, в девять лет, мне казалось, что я написал настоящий большой рассказ, вроде тех которые печатают в книгах. Конечно, это было не так.

Неделю назад, перебирая хлам в ящиках своего стола, я снова увидел эту исписанную почти до конца зеленую школьную тетрадку на двенадцать листов. Я перечитал свой опус, нашел в конце оценку «удовлетворительно» и сделанную красной ручкой приписку учительницы: «Бурная фантазия, но: 1) работа не соответствует теме; 2) правила грамматики и чистописания за лето были забыты». Надо отметить, что наша учительница была той еще стервой.

- Чистописание, ха, - сказал я. - У меня было вдохновение!

Я долго не знал, куда положить старую тетрадь. Пару дней она просто валялась у меня на столе. Затем я поймал себя на том, что хочу снова и снова перечитывать свой глупый детский лепет. Наконец, я решился и сел за компьютер, чтобы сделать из этой истории «настоящий большой рассказ, вроде тех, что печатают в книгах».

Насколько хорошо у меня получилось, будет судить читатель.

Это лето начиналось как самое обычное лето. Мама и папа составили план и, как всегда, не спросили, чего хочу я. Они решили, что будут брать отпуска с конца июля на начало августа, и тогда мы всей семьей поедem на Кипр.

Еще они посчитали, что в первые полтора месяца каникул мне, в отличие от них, совершенно нечего делать в большом душном городе, и поэтому меня следует вместе с бабушкой сослать на дачу. Так они и сделали. Бабушка был рад, я – не очень. Но это никого не волновало.

Наша дача – это старый трехкомнатный домик на заросших репьем шести сотках. Она стоит посреди бескрайнего поселка, застроенного такими же дачами. Поблизости нет ничего: ни озера, ни реки. Здесь негде гулять и не на что смотреть. Вокруг только десять километров разноцветных заборов. Единственной местной достопримечательностью является лес, но чтобы дойти до него, приходится потратить час. Через лес проходит дорога, она же является главной улицей поселка. В одном месте она превращается в небольшую площадь. Там находится магазинчик и стихийный развал, на котором заготавливаются дачники. Раньше я любил покупать там самодельные леденцы, которыми торговала какая-то бабушка, но со временем она исчезла. И сопровождать бабушку в магазин я больше не хотел, зато теперь он сам меня брал, чтобы я помогал ему тащить сумки.

Соседи у нас тоже были скучные: пара участков в начале лета пустовала, один снимала замкнутая семейная пара с совсем маленьким ребенком, другой, обнесенный высоким кирпичным забором, принадлежал новому русскому.

Через забор от нас жила пара старух. У них была не дача, а зимний дом. Они никуда из него не выезжали, получали копеечную немоковскую пенсию, вели хозяйство по старинке: рубили дрова, поддерживали огород, даже держали кур. Современную технику они не признавали и траву перед своим забором косили большой крестьянской косой. Их звали Тамара и Даздраперма. Сейчас я предполагаю, что они были двадцать пятого и двадцать шестого годов рождения. Но это только догадка. В детстве я ничего не знал об истории СССР, да и не интересовался этим.

Наша семья со старухами как бы дружила. Зимой мы платили им небольшое жалование за то, чтобы они присматривали за нашим домиком, летом они были единственными соседями, к которым мы обращались по бытовым вопросам. Особенно хорошо к старухам относился де-

душка. Он, кажется, любил что-то пофантазировать на их счет. Когда он сталкивался с ними на улице, его беззубый рот растягивался в самой что ни на есть галантной улыбке. В их присутствии у него менялась походка. Преодолевая боль в пояснице, он распрямлялся, расправлял плечи и на пять минут становился почти таким же статным мужчиной, как и сорок лет назад.

Он любил называть старух дамами. «Ах, эти прекрасные да-амы, которые живут у нас по соседству», - растягивая «а», говорил он папе, - «они не то, что мы. Всегда держат свое хозяйство в порядке. Ты только посмотри на их забор! Вот если бы была жива бабушка...» И дальше в том же духе.

С Тamarой дедушка любил поделиться кулинарными рецептами. А с Даздрапермой он говорил о том, как ходил на рыбацком баркасе помощником капитана, и как они помогли поймать браконьеров в шестьдесят пятом. С Тamarой старик позволял себе скабрёзные шутки. А про Даздраперму он однажды с придыханием сказал: «недоступная женщина».

Когда мы с дедом второй или третий раз за это лето отправились в магазин, нам «повезло» встретить Тамару. Она ходила быстрее дедушки и нагнала нас, когда мы уже прошли две трети забора военной части.

- О, Тamarочка, - просиял дедушка. - Как я рад Вас видеть! Как Ваши дела?

- Здрасьте, Мишечка, - отозвалась Тамара. - Дела неплохо.

Скоро они заговорили о том, как хорошо замачивать лук в масле, а я тащился позади и пинал придорожные камни.

Новомодные веяния дошли до сельского Подмосковья, и еще в прошлом году местный магазинчик перешел на систему самообслуживания. На кассе дедушка велел мне пройти вперед и помочь «почтенной да-аме» перегрузить продукты в сумку. Я без энтузиазма исполнил поручение.

Когда старуха расплатилась, я протянул ей тяжелую сумку. Она попыталась взять ее у меня из рук. Ее пальцы коснулись моих, и сумка полетела на пол. Внутри побились яйца и лопнул пакет с молоком. Начался скандал. Дедушка кричал на меня, Тамара, зло комментируя случившееся, разбирала свои мокрые вещи. А я молча смотрел на нее и слушал оскорбления.

Дело в том, что часто, когда я трогаю другого человека, я начинаю видеть вещи, связанные с ним. Иногда это похоже на воспоминания, иногда – на галлюцинации.

Когда мне было шесть лет, я полюбил строить карточные замки. Мой лучший шедевр имел четыре яруса в высоту. Я возводил его весь вечер и был очень горд достигнутым результатом. На ночь я оставил конструкцию на полу у моей кровати. У меня был план продолжить строительство на следующий день. Я верил, что построю шесть или семь этажей, и что здание не обвалится.

Утром я обнаружил, что моего замка нет. В ответ на мои вопросы мама, не задумываясь, сказала, что строение упало само, что ночью его, наверное, разрушил сквозняк. Я ей поверил, а полчаса спустя, когда мы завтракали, она случайно коснулась моей руки, и я увидел, как она ночью зашла в мою комнату и наступила на шедевр.

Это было первое видение, которое я запомнил. Не знаю, быть может, они случались и раньше, но до этого я просто не понимал, что со мной происходит и в чем смысл этих событий.

Потом это стало происходить чаще. Я видел одно или два видения в день. Я ненавидел свою способность, потому что она заставляла меня глупо вздрагивать, когда мамыны подруги гладили меня по голове. И еще потому, что я не видел ничего хорошего. К семи годам я стал хранителем грязных секретов и мелких пакостей.

Я видел и прошлое, и будущее. Обычно мой взгляд не простирался дальше, чем на три дня назад и на три часа вперед.

В самые плохие моменты я пробовал объяснить другим людям, что со мной происходит, но никто мне не верил. В лучшем случае меня называли фантазером. Но намного чаще на меня обрушивались несправедливые обвинения в том, что я подглядываю, подслушиваю, притворяюсь спящим, роюсь в чужих вещах и совершаю другие мелкие преступления.

Мать дала мне кличку «шпион». А когда мне было восемь, отец отвесил мне подзатыльник и заорал, что я специально ссорю его с мамой. С этого времени я окончательно замолчал. Почти год я никому не рассказывал о своих видениях.

Но потом я увидел такое, что мне пришлось снова заговорить.

После того, как старуха случайно коснулась моей руки, я увидел двух маленьких девочек. Обе на вид были лет пяти-шести, но одна каза-

лась немного старше другой. Они сидели на корточках посреди какого-то раскопа или карьера. На них были простые белые платица с подолами, испачканными в грязи. Их ноги были босыми, руки – совсем тонкими, лица – обескровленными и истощенными. Глаза казались неестественно большими.

Старшая девочка учила младшую странной игре.

- Вода – это молоко, - объясняла она. - Песок – это мука. Глина – это творог.

Все субстанции были отделены друг от друга. Комок глины и кучка песка лежали на берегу большой лужи.

- А земля? - спросила вторая девочка. Она вытянула руки. В ее ладошках оказалась полужидкая темно-коричневая масса. В карьере было много глины песка и камней, но земля здесь была в дефиците. Девочка явно принесла ее издалека.

- А земля – это яичный желток, - ответила старшая. - Теперь мы роем ямку.

Она ловко впиалась пальчиками в грязь у своих ног и стала раскапывать ее.

- Ямка – это миска.

- Ямка – это миска, - как заклинание, повторила младшая.

- Мы разбиваем в миску яйцо, - старшая потянула младшую за руки, и та пролила в ямку всю темную жижу.

- Ой, - сказал она. - Тамара, ты же все испортила.

- Нет, все правильно, - ободрила старшая девочка. - А в яйцо мы сыпем муку.

Она стала перекладывать песок в земляную жижу. Младшая девочка смотрела, потом принялась помогать. В несколько движений они уничтожили кучку песка.

- И размешиваем, - продолжала Тамара.

Она стала возить руками в ямке. Желтый песок потонул в черной грязи.

- Теперь мы кладем творог. - Тамара добавила в ямку глины. - И если нужно, добавляем молока.

- Добавляем молока, - эхом откликнулась младшая.

Они размочили ком глины, ладошками проливая на него воду из лужи, а потом перемешали глину с песком и землей.

- И как дальше? - спросила младшая.

- Теперь мы лепим лепешки, - ответила Тамара. Она пальцем нарисовала квадрат рядом с кругом ямки-миски, сорвала ноготь о камень и начала сосать свой перепачканный палец во рту.

- Это противень. На него мы будем класть лепешки.

- Давай, - согласилась младшая.

Уже тогда, в первые несколько секунд видения, мне пришло в голову, что я вижу старух такими, какими они были много лет назад.

Тамара взяла комок смеси, слепила маленький круглый куличик и положила его на противень.

- Первая лепешка, - сказала она. - Помогай.

Несколько минут девочки молча трудились над тщательно взбитым куском грязи, пока он не превратился в три ряда аккуратных маленьких блинчиков. У Тамары они вышли более четкими, чем у ее младшей сестры.

- Ну, вот и все, - сказала старшая девочка, когда смесь закончилась.

- А печь мы их будем? - спросила младшая.

- Да. Давай думать о том, как мы поставили их в печь.

- Мы поставили их в печь, - повторила сестричка.

Они долго сидели и смотрели на свои куличики. Потом младшая нарушила тишину.

- Они готовятся? - спросила она.

- Уже готовы, - ответила Тамара.

- Но их же нельзя есть. Это просто песок и глина.

- Даз, я не говорила, что их можно будет есть. Я говорила, что так легче терпеть голод.

По лицу младшей девочки скатилась слезинка.

- Мне не легче, - пожаловалась она. - Мне точно так же.

- Тогда представь, что мы их едим, - предложила Тамара.

Губки Даз задрожали. Она не плакала – скорее, боролась с какой-то нервной судорогой. Всклипывая, она начала рушить куличики, слеплять их обратно в грязевой ком. Старшая ей не мешала, просто смотрела.

Даз сделала ком, потом раскатала его в колбасу. Смесь хорошо лепилась. Девочка разделила один конец колбасы на расходящуюся рога-тину кривых ног и поставила фигуру в центр ямки. Когда она сделала руки и начала выдавливать над ними очертания головы, ее лицо снова стало спокойным, только глаза горели ненавистью.

- Кто это? - спросила Тамара.

- Это Вумква, - ответила Даз.

- Как собака Умка?

- Нет. Вумква это просто Вумква. Он богатырь. Он убьет жадных комиссаров и остановит голод.

Она сделала голему лицо. Страшное лицо.

- Вумква богатый? - спросила Тамара.

- Да, как бояре раньше. У него свои амбары и мельница, и он только скачет на лошади с шашкой от одного к другому, и смотрит, как всего много, и убивает врагов.

На этом видение оборвалось. Это был единственный случай в моей жизни, когда я увидел вещи, происходившие более семидесяти лет назад. Сила, с которой видение вторглось в мое сознание, напугала меня. Некоторое время я мучился воспоминаниями о том моменте, но не знал, что мне делать с увиденным, и постепенно перестал думать о голодных девочках.

После памятного похода в магазин наступили дождливые дни. В плохую погоду жизнь на даче невыносима. Ливень стучит по крыше. Двор превращается в грязь. В доме сыро и холодно, из него никуда нельзя уйти, а в нем нечем заняться.

Я забрался на чердак и среди пыльных коробок нашел кусок книжки. Именно кусок, потому что от нее были оторваны и начало и конец. На оставшихся страницах (с 93 по 207) речь шла о Луи Гормане, детективе из далекого города Ванкувера.

В его мире были высокие, подсвеченные солнцем небоскребы, залил с голубыми водами, холодные северные горы, вершины которых тонут в низких грозовых облаках, и трущобы, где прячется Ллойд Мэсси.

В девять лет я читал достаточно медленно. Когда закончились дожди, я успел дойти до сто шестьдесят девятой страницы и уже понял, что в утраченном начале книги Ллойд ограбил банк, в котором работала Линда, невеста Луи. Разумеется, Ллойд взял девушку в заложницы, и разумеется, это была большая ошибка.

Первые страницы обрывка начинались со сцены погони на катерах. Отважный Луи преследовал бандитов, несмотря на то, что у него не было с собой оружия, а мотор его катера был прострелен пулей из пистолета Ллойда. Я представлял, как из-под носа гоночной моторки вылетают водяные брызги, как ледяной ветер северного океана треплет ворот черной полицейской куртки Луи, и с каким мрачным отчаянием он смотрит вслед своей утраченной возлюбленной.

Дождливые дни доканали дедушку. Он простудился и часами сидел в кресле в самой душной комнате, курил, кашлял, ругался, жаловался на радикулит и простатит, утверждал, что не может встать, и рассказывал, каким он раньше был крепким человеком.

В первый солнечный день старик выполз на крыльцо, постоял, качнулся, чуть не упал и был вынужден вернуться обратно в дом. Вскоре ему на мобильный позвонил папа, и они долго ругались. Наконец, дед принял решение, что «все выдержит» и «будет лечиться сам», а если что – ему помогут «наши прекрасные дамы».

Перед обедом дед осмотрел продовольственные запасы и отправил меня к старухам за чесноком. Чеснок в его понимании был панацеей если не от всех, то от многих болезней. Идти я не хотел, но выбора у меня не было.

Калитка оказалась заперта. Звонка у Тамары и Даздрапермы не было, сторожевую собаку они не держали. Мне пришлось долго торчать у их калитки и кричать: «Дедушка Миша заболел, это его внук Антон, пустите меня, пожалуйста».

Наконец, к калитке подошла Тамара.

- Заболел? - спросила она.

- Да, - подтвердил я, - и очень просил три головки чеснока.

- А... - поняла Тамара. - Пойди, спроси у Даз.

Она махнула рукой на дом. Я разминулся с ней на узкой садовой дорожке, причем сумел избежать телесного контакта – у меня не было ни малейшего желания видеть продолжение истории голодных девочек – и пошел к дому.

- Она на кухне. Это направо, - подсказала Тамара.

- Хорошо, - смиренно ответил я.

На их участке почему-то очень сильно пахло сырой землей. И в доме тоже. Когда я зашел на маленькую кухню, оказалось, что Даздраперма – сутулая узкоплечая старушенция в синем фартуке – моет только что выкопанную на огороде морковку. Ее руки были перепачканы в земле. Я невольно вспомнил, как она держала в своих детских ладошках кучу грязи, чтобы слепить из нее куличики. Меня передернуло, и я, сбиваясь, начал заново повторять просьбу деда.

- Ладно, - ответила старуха. Ее глаза измерили меня с ног до головы. Взгляд Даздрапермы был цепким и неприятным. Ни слова не говоря, она отмыла руки от чернозема, вытерла их тряпкой, снова посмотрела на меня и приказала:

- Отойди.

Я удивился, но послушно сделал шаг в сторону. Оказалось, что я стою на крышке вделанного в пол люка. Старая карга с удивительной легкостью подцепила эту тяжелую дубовую крышку, подняла ее и по удобной кирпичной лесенке спустилась вниз. Исчезла в темноте.

Всматриваясь в темноту, я понял, что под домом находится не погребок, а настоящий подвал. Там было несколько темных комнат с кирпичными стенами, а между ними хорошие деревянные двери с коваными засовами.

Скоро Даздраперма вернулась. Когда я брал три головки чеснока из ее рук, ее мизинец нечаянно коснулся моей ладони. Я вскрикнул и отшатнулся.

- Чего ты орешь? - спросила Даздраперма.

- Ничего, - выдавил я.

- Ну, раз ничего, тогда иди и неси чеснок своему дедушке, - направила меня старуха.

Два раза просить было ненужно. Я не попрощался, не сказал спасибо, и бегом бросился с их участка. Я невежливо хлопнул калиткой. Только на улице мне стало немного лучше.

Прикоснувшись к старухе, я перенесся в узкое длинное помещение со стенами, сложенными из вертикально поставленных бревен, и земляным полом. Единственный вход уходил вверх. Для удобства в землю были вбиты разнокалиберные деревянные ступени. Вход ничем не закрывался, и в него заносило хлещущие потоки дождя. Под порогом собиралась лужа. В свои девять лет я подумал, что вижу жуткий подвал, вроде того, где Даздраперма только что взяла чеснок, только намного хуже. Теперь я понимаю, что это была обычная партизанская землянка.

В помещении горела одна-единственная коптящая лучина. Она стояла на грязном полу и выхватывала из полумрака жалкий кружок света. Я увидел лицо молодого мужчины. У него были глаза затравленного зверя. Он казался больным, полусумасшедшим. Его лоб был сильно разбит, светлые волосы промокли от крови. Его серая гимнастерка с красивыми черно-золотыми погонами третьего рейха стала грязной и жалкой. Его руки и ноги были неестественно вывернуты и проволокой прикручены к кольям, вбитым глубоко в земляной пол.

- Атпузтидте мэня, - на плохом русском языке попросил немец.

Видимо, он просил не в первый раз. Из темноты ему ответил короткий девичий смешок.

- Отпуздить? - передразнил женский голос.

- Васт вазнаградяйт, - он невольно делал звуки русской речи более жесткими и отчетливыми, чем они должны быть.

- Вумква говорит, что ты лжешь, - сказала из темноты девушка.

Огонек лучины затрепетал, и стало совсем темно. Девушка подошла к коптилке и поправила фитиль. Она носила мужскую одежду: грубо ушитые серые брюки, снятые с немца, и зеленую гимнастерку, снятую с красноармейца. Ей еще не исполнилось семнадцати лет. Ее лицо было худым и болезненным, но она не выглядела слабой. Казалось, воздух землянки вокруг нее сгущается и дрожит. Она была темным пятном в темноте. Дым коптилки кружился у нее над головой. Под низким бревенчатым потолком ткалось и таяло страшное лицо. Ткалось и таяло снова.

- Кто тдакой Вумкгва? - спросил немец.

Девушка-подросток схватила его за подбородок и заставила смотреть себе в глаза. В ее маленькой белокожей руке была неестественная сила. Лицо немецкого офицера перекосилось гримасой ужаса.

- Тот, кто съест твои кишки, - ответила она.

- Он тгой камандер? - переспросил немец.

Девушка усмехнулась. Его слова неожиданно ей понравились.

- Да, - сказала она. - Он мой командир. Он знает все и всегда подсказывает, что делать. Он всегда побеждает.

На улице раздался какой-то шорох, и девушка, вскинув голову, уставилась на вход в землянку.

- Тамара? - окликнула она.

- Даз! - прорвался из-за шума дождя другой женский голос. - Это я, не подстрели меня!

Из дождливого мрака ночи появилась фигура в плащ-палатке. На второй плащ-палатке она волочила связанные в кишку мешки с какими-то вещами.

- Все принесла? - спросила Даз.

- Винтовки бросила, - буднично ответила Тамара. - Но есть автоматы, курица и канистра бензина.

Она с грохотом спустила по лестнице свой груз, зашла внутрь и скинула треугольный капюшон плаща. Она почти не отличалась от своей сестры. Худая, бледная, с большими глазами и маленьким тонким ртом. Ее волосы были сплетены в косу, на мокром лице виднелись следы грязи.

- Хорошо ты его связала, - похвалила Тамара.

- Вумква мне помогал, - ответила Даз.

- Он здесь? - спросила Тамара.

- Да. Неужели ты его не чувствуешь?

- Вумква, - громко позвала Тамара.

Казалось, что-то происходит с дымом и темнотой. Сгустились запахи дождя, земли, крови и пота трех людей.

- Вумква, - повторила Тамара. Она уже не звала – скорее, испуганно узнавала давно знакомую тварь.

Старшая девушка посмотрела на младшую.

- Я хочу кое-что сделать, если ты и он не против, - сказала она.

- Что? - спросила Даздраперма.

- Переименовать его, - ответила Тамара.

Даз серьезно задумалась.

- А какое ты предлагаешь имя? - после паузы поинтересовалась она.

- Свэф, - ответила Тамара. - Смерть Всем Фашистам. Говорящее имя, как твое.

- Я не люблю свое дурацкое имя, - возразила Даз.

- Но это не значит, что ему не понравится новое имя, - заметила Тамара.

- Вумква – это хорошо, - сказала младшая. - Я не хочу убирать имя Вумква.

Девушки сели на свою общую лежанку, устроенную в углу тесного помещения. Тамара глубоко задумалась. Немец внезапно нарушил тишину.

- Русише хексе, русише хексе, - в ужасе забормотал он.

- Ты понимаешь, что он лопочет? - спросила Тамара.

- Вумква говорит, что он называет нас ведьмами, - перевела Даз.

Старшая девушка подошла к немцу и села рядом с ним на корточки. Он замолчал. Его лицо в свете лучины казалось желтым. По коже текли крупные капли холодного пота.

- Давай сделаем вот что, - предложила Тамара. - Вумква – это имя, которое придумала ты.

- Я не придумала, - не согласилась Даз. - Я узнала.

- Как скажешь, - тут же отступила Тамара. - Дело не в этом. Пусть Вумква будет его именем, а Свэф – фамилией. Свэф придумала я. Мне кажется, я стану ближе к нему, если тоже буду называть его по-своему.

- Вумква Свэф, - соединила Даз.

Долго они молчали. В тишине стало ясно, что вопрос решен. Пленный снова заговорил по-немецки. Кажется, он молился.

- Что мы будем с ним делать? - спросила Даздраперма.

- А, с этим, - ответила Тамара. - Я придумала новую игру.

Она погладила немца по животу, потом начала расстегивать пояс его брюк. Выражение ее лица стало странным.

- Что ты делаешь? - засмеялась Даз. - У него там то же самое, что у быков, козлов и кобелей.

- Тебе понравится новая игра, - заверила Тамара. - А потом мы его убьем. Как обычно.

Я расстраивался, когда трогал отца за руку и видел, как он, вжав голову в плечи, стоит в кабинете своего начальника, а тот орет на него, называя сукой и козлом. Я обижался, когда после прикосновения матери узнавал, что, когда я вечером вернусь из школы, она будет репрессировать меня за плохие оценки, которых я еще не получил. Я переживал, когда задевал плечо одноклассницы и видел, как бабушка порола ее прыгалками по ногам.

Но все это было ничто по сравнению с шоком от последнего видения. Тамара и Даздраперма могли мучить и убивать людей. Они могли делать это улыбаясь. И у них был Вумква Свэф.

После эпизода с чесноком я всем сердцем хотел держаться от старух подальше.

Но мои планы неожиданно разрушил их кот Тихон и его смерть.

В последние месяцы своей жизни Тихон был слеп на один глаз. Его шерсть облезала большими серыми клочьями, а на холке вырос уродливый розовый мешок раковой опухоли. Но до последнего дня котяра оставался хищником и самцом.

Он был ненормальный кот. Из той редкой породы котов, которые откровенно не любят или даже ненавидят людей. С ним невозможно было договориться. Он не пил молоко, а мясо хватал и, как военный трофей, утаскивал с собой. Когда кто-нибудь звал его по имени, он оборачивался и несколько долгих секунд смотрел на человека своими жуткими глазами: одним – обычным кошачьим, зеленым, и другим – белым, мертвым, округлившимся.

Он ходил везде, но безусловным центром его владений оставался участок Тамары и Даздрапермы. Его можно было увидеть спящим у них на подоконнике. Я никогда не замечал, чтобы старухи ласкали Тихона, но они оставляли ему еду.

Наш участок и нашего милого толстого кастрата Барсика Тихон воспринимал как личное оскорбление. Сначала он путал кастрата с кошкой и увивался за ним. Но Барсик ему не дал, и, разобравшись в ошибочке, Тихон стал тиранить нашего кота и требовать себе права на всю его территорию. Я, разумеется, занял в этой войне сторону Барсика.

Тем летом у меня была любимая игрушка – синий пластиковый арбалет с тетивой из белой синтетической нити. К оружию прилагались три красных пластиковых стрелы с большими резиновыми наконечниками-присосками. На даче было абсолютно нечего делать, и арбалет стал моим главным развлечением. Его стрелы летели достаточно сильно, но присоски имели привычку ни к чему не прилипать. Единственная поверхность, на которой они держались – стекла окон – уже на второй вечер пребывания на даче стала для меня запретной. Дедушка якобы нашел на стекле кухни какую-то трещину и обвинил в этом меня. Кстати, как раз в окно кухни я не стрелял.

С этого момента моей излюбленной мишенью стал Тихон.

Нет, не подумайте плохого, я вовсе не из тех злых мальчишек, которые мучают животных. Я знал, что стрелы с липучками не причиняют старому котяре ровно никакого вреда. И стрелял я по Тихону исключительно в рамках поддержки Барсика.

Однако Тихон моего оружия боялся. После того, как красная стрела падала в траву в полуметре от него, он опрометью бросался обратно на участок Тамары и Даздрапермы. Если же мне удавалось попасть в его кошачью задницу, то его скорость мигом возрастала в два раза.

Стрельба по Тихону закончилась тем, чем и должна была закончиться. А именно, тем, что мои стрелы – сначала одна, потом вторая и, наконец, последняя – улетели на участок старух.

Про то, как улетела последняя стрела, следует рассказать отдельно. Это произошло вечером, уже в сумерках, в тот момент, когда Тихон, по всей видимости, доживал свои последние часы.

Я заметил котяру на крыше уличного туалета, пристроенного к забору Тамары и Даздрапермы. Он стоял там совершенно неподвижно, со слегка изогнутой спиной. Шерсть у него на загривке поднялась дыбом, а с опухолью было что-то не так. Она лопнула, и из нее выливались отвратительные сгустки какой-то массы. Тихон шипел. Я подумал, что он видит галлюцинацию, потом что вся его ярость была направлена на пустое пространство огородов, расположенных вдоль забора рядом с сортиром.

Я долго не мог решить, стрелять мне или не стрелять. Все-таки кот был не на нашей территории, хотя и у самого нашего забора. Наконец, я не выдержал. Соблазнился тем, какую хорошую он собой представляет мишень.

Стрела шлепнула его липучкой в бок и отлетела на участок старух. А сам кот свалился с крыши сортира и куда-то убежал. Больше я его живым не видел.

Честное слово, я не понимал, что он умирает. Иначе бы я не стал в него стрелять. Собственно, мне даже казалось, что он выиграл этот раунд. Я думал о том, что остался без стрел. Ведь я понятия не имел о том, как вернуть их в свое распоряжение.

Утром следующего дня я попытался зарядить в арбалет палочку и в результате получил крошкой коры в глаз. Проморгавшись, я понял, что с экспериментами следует завязывать. Руки всегда были моим слабым местом. Мне не хватало ловкости, чтобы аккуратно склеивать аппликации на уроках труда. О самодельных стрелах я даже не думал.

Оставался единственный вариант: перелезть на территорию соседского участка и попытаться найти хотя бы одну стрелу. Но я боялся старух и понимал, что они пожалуются деду, если увидят, как я ищу что-то у них на огороде.

Поэтому я не решился на прямое вторжение и начал искать изъяны в заборе, около которых можно было бы устроить засаду. Мне хотелось, чтобы обе старухи пошли в магазин или вообще куда-нибудь уехали.

Скоро я нашел слабую доску, сдвинул ее в сторону и получил обзор примерно четверти их участка. Я принес из дома пластиковый стул, пригнулся на солнышке, открыл историю детектива Луи Гормана на сто шестьдесят девятой странице и продолжил чтение. Одним словом, я приготовился к долгому ожиданию в засаде.

Особенно мне нравилось, что на сто семидесятих страницах Луи тоже был вынужден томиться и ждать. Он сидел в номере на третьем этаже гостиницы Ви-Си-Си Кларк и в бинокль смотрел на дом черного бухгалтера Дональди, где с минуты на минуту мог появиться Ллойд Мэсси.

Луи все время порывался пойти и «разговорить» некоего плохиша Джонстона, о котором я ничего не знал из-за отсутствия первых страниц книги. Но верный напарник Марк все время останавливал Луи, убеждая того, что это лишь приведет к гибели Линды.

Когда я дочитал до сто семьдесят седьмой страницы, на огород пришла Тамара и принялась полоть сорняки. Она действовала методично, почти не разгибала спину, покряхтывала и оставляла за собой след из убитых растений.

Скоро я стал терять к этому зрелищу интерес. Я уже был готов вернуться к книге, когда к Тамаре подошла Даздраперма.

- Где Тихон? - спросила она.
- Ходит где-нибудь, - отозвалась Тамара.
- Я не видела его со вчерашнего дня.

- Я не знаю, - сказала Тамара. - Если тебе это так важно, то спроси у него.

- И спрошу.

Даздраперма ушла, а я вдруг понял, что «он» – это Вумква Свэф.

Я сидел у забора. На меня светило солнце. Дожди кончились. Чирикали птицы, благоухали цветы. Был чудный летний день. А мне почему-то стало так страшно, как не бывает страшно в самую жуткую грозовую ночь. Мне казалось, что сейчас что-то произойдет, что раздастся громовой голос глиняного великана. Но этого не случилось. Просто через пятнадцать минут Даздраперма вернулась с мертвым Тихоном на руках.

- Ушел умирать, - объявила она. - Как все коты.

Тихон выглядел странно и страшно. Его глаза были открыты. Он растопырил окоченевшие лапы, болячка на шее почернела, а серая шерсть все еще стояла дыбом.

- Даз, где он был? - спросила Тамара.

- Забился под поленницу. Еле достала.

- Что мы будем с ним делать? - поинтересовалась Тамара. Она спросила это почти тем же самым тоном, которым шестьдесят лет назад ее сестра спрашивала о судьбе связанного немецкого офицера. Мне хотелось убежать, но я не мог. Меня сковал паралич. Мои пальцы побелели на забытой книге, которую я все еще держал в руках. А мои глаза смотрели в щель.

- Надо похоронить, - буднично ответила Даздраперма. - Лопату принеси.

Тамара ушла и вернулась с лопатой.

- Где будем копать? - спросила она.

- Между грядками, где же еще?

- Пойдет на удобрение, - согласилась Тамара. В них не было ни капли сожаления. Я представил, как было бы плохо и больно мне, если бы умер Барсик. А эти старые стервы держали своего мертвого кота какдохлую крысу. Они не знали ни брезгливости, ни сострадания.

Тамара начала копать. Она умела это делать. С первого удара ее лопата вошла глубоко в землю. Помню этот звук. Звук слегка вибрирующего металла и слабое податливое чавканье почвы. Старуха отбросила первый ком глины, потом второй.

- Поглубже, - попросила Даздраперма.

- Зачем? - удивилась Тамара.

- Проще ямку углубить, чем лапы ему разгибать. - Старая карга усмехнулась. - Ты же не хочешь, чтобы они торчали.

Тамара пожала плечами и снова всадила лопату в землю. Раздался глухой лязг.

- Там что-то есть. Камень, наверное. - Она поковыряла лопатой в земле, выкинула наружу пласт почвы.

- Нет, не камень, - убежденно возразила Даздраперма. - Звук железный. Возьми кота.

Они поменялись ролями. Теперь Тамара держала мертвого Тихона, а Даздраперма копала.

- Круглое, - через некоторое время сообщила она.

- Давай рыть в другом месте, - предложила Тамара.

- Нет, надо здесь, - не согласилась Даздраперма. - Вумква так говорит.

Ей пришлось поднять доски, которыми были обложены края грядок. Яма, выкопанная Тамарой, была длинной. Даздраперма раскопала ее в ширину, присела на корточки и двумя руками очистила то, что было на дне.

Я видел, как Тамара отшатнулась и выронила кота. Тот упал мертвой мордочкой в цветную капусту.

- Не трогай! - вскрикнула Тамара. - Сейчас грохнет!

Даздраперма посмотрела на нее снизу вверх.

- Да? - с издевкой спросила она. - А, по-моему, как мы их тогда выкапывали и перекладывали, так можно и сейчас.

Она ухватила руками за какой-то предмет на дне ямки и рванула его вверх. Я видел, как вздулись жилы на ее дряблой старушечьей шее, но она справилась и вытянула. Когда она, задыхаясь, распрямилась в полный рост, у нее в руках был здоровый, сантиметров сорок диаметром, металлический диск. Сверху из него торчали какие-то перепачканные в земле штыри.

- Ты спятила, сестра, - сказала Тамара.

- Вовсе я не спятила, - ответила Даздраперма. - Закопай кота и приходи в дом. Я пока помою мину.

Я слышал каждое слово их разговора. Я не все понимал, но слово «мина» в сочетании с испугом Тамары вдруг объяснили мне, что это за ржавый диск. В моей голове пронеслись образы из документального телефильма про саперов: танк с крутящимся тралом едет через поле, а перед ним одна за другой взрываются мины. Земля, камни и осколки металла грохочущими столбами пыли взмываются к небу.

- Зачем ее мыть? - спросила Тамара.

- Если уж она лежит здесь с сорок второго года, - объяснила Даздраперма, - значит, ждет именно нас. И Вумква Свэф тоже так считает.

Я видел, как Тамара ушла, как Даздраперма зарыла Тихона в ямку и вернула прежние очертания грядкам. В какой-то момент я просто перестал думать о том, что вижу. Впечатления для моего девятилетнего ума были слишком сильными, и мне оставалось только смотреть.

Старухи ушли, а я остался. Медленно, как в дурном сне, я отложил книгу, встал и отошел от забора. Внезапно до меня дошло, что сейчас именно тот момент, которого я ждал. Мне было точно известно, что они обе находятся в своем доме, причем в кухне, окна которой выходили на другую сторону участка. И они обе были очень заняты. Заняты этой опасной штукой, Вумквой Свэфом, своим спором.

В моей душе началась трудная внутренняя борьба.

- Ты не полезешь туда, - говорил один мой голос.

- Но там мои стрелы, - отвечал другой.

- Они больше тебе не нужны, - говорил первый голос, - потому что Тихон умер.

- Ну и что? - говорил другой голос. - Через пару дней я точно дочитаю книжку, и что тогда? Что я буду делать?

- Придумаешь новую игру, - уверял первый голос.

- Мне только в этом году подарили арбалет! - возмутился второй голос. - А без стрел его все равно что нет!

И я полез через забор.

Я забрался на стул, достал до верха забора, подтянулся. Какое-то время мои ноги скользили по доскам, но потом я нашел опору и смог взобраться наверх. Я оказался на крыше сортира, на том самом месте, где днем раньше стоял котяра Тихон. Ветхая крыша туалета начала опасно пружинить под моим весом, и мне пришлось спрыгнуть вниз, на грядки цветной капусты. Я чувствовал под своими ногами свежевскопанную землю, слышал, как бьется мое сердце. Оно едва не выпрыгивало из груди.

- Ой, зря ты это делаешь! - закричал на меня голос моего разума.

- А вон одна из стрел, - возразил ему другой голос.

Я увидел что-то красное, запутавшееся в ветвях дерева, растущего у стены дома.

- Подожди, подожди, - потребовал голос разума. - Хотя бы найди путь отступления.

Я послушался и внимательно осмотрел забор. В пяти метрах от места, где я остановился, его чинили. Там на вертикальные доски самого забора было набито две толстых дополнительных перекладины. Я решил, что перелезу по ним, как по ступенькам.

Голос разума больше ничего мне не говорил. И я пошел к дому старух. Я все время оглядывался и прислушивался, но все было спокойно, только куры квохтали и возились под навесом у торцевой стены.

Дерево, в кроне которого застряла моя стрела, было старой, разросшейся яблоней. Ее ствол распадался на множество ответвлений, и мне показалось, что на него легко залезть, но когда я преодолел двойную высоту своего роста, оказалось, что добраться до стрелы будет не так просто: она находилась в самой вершине кроны, на уровне тонких ветвей.

Я подобрался к ней еще на полметра ближе и в этот момент услышал голоса старух. Они доносились из комнаты первого этажа, над окном которой я сейчас висел. Я замер и не мог пошевелиться, потому что, когда я двигался, яблоня вздрагивала и качалась, задевая ветвями стекло окна.

- Я собираюсь до-о-олго жить, сестра! - возбужденно говорила Даздраперма. - До ста лет, или дольше. И я не собираюсь все это время горбатить спину на огороде, как делаю это сейчас.

- Мы живем лучше, чем когда-либо, - возразила ей Тамара.

Даздраперма нехорошо засмеялась.

- Да, - подтвердила она. - Но ты не заметила одну вещь. Мы, как и прежде, живем хуже всех. Посмотри в окно!

Я вжался в ствол яблони. Я видел бледные лица старух за стеклом в метре от моего лица, но пока они меня не замечали.

- Видишь черепичную крышу? - продолжала Даздраперма. - Там, за соседним участком, живет новый русский. Это тот же кулак. Вся моя жизнь – это позор нищеты. Мать назвала меня «Да здравствует первое мая», чтобы подластиться к управлению колхоза, но мы все равно жрали отруби с древесной корой!

Тамара не отвечала. Я видел ее угрюмый взгляд, направленный мимо меня.

- А теперь мы держим кур, когда все их покупают, - почти в исступлении продолжала младшая. - Мы копаем землю, чтобы поесть вкус-

ненького, когда ему курьер на заказ привозит готовые пироги! Кто мы, Тамара? Чего мы добились? И что мы можем потерять?

- Ничего, - глухо ответила старшая сестра.

На полминуты наступило молчание.

- Нам платят пенсию, как последним вшивым шмадовкам, - продолжала Даздраперма, - хотя мы немцев убили больше, чем любой гребаный солдат. Где наши ордена? А? Где честь? Я видела семидесятилетнюю еврейскую с-с-сучку в орденах. Она что, воевала? А мы? Она вот ветеранка, хотя в войну под стол ходила, а мы?

- А нам сказали – вы никто, - согласилась Тамара.

Я понял, что у меня затекает нога. Это было плохо. Очень, очень плохо.

- Да! - воскликнула Даздраперма. - Но у нас есть боевой опыт. Так давай покажем им всем. Куркулям, продавцам родины, жирным гадам, которые морили нас голодом всю нашу жизнь. Давай покажем им наш боевой опыт!

Она закончила почти тихо. Теперь сестры смотрели друг на друга, точнее, сверлили и ели друг друга глазами.

- Да, - подтвердила Тамара. Казалось, что-то перетекает к ней от Даздрапермы. Их обоих захватывала и обнимала какая-то темная тень.

- В фургоне хватит денег на каменный дом, - убежденно сказала Даздраперма. - Мне так говорит Вумква Свэф.

Тамара втянула носом воздух.

- На дороге слишком много машин. Это не те старые дороги.

- Завтра там будет пусто. Так говорит Вумква Свэф. Завтра там будет только броневики.

- А взрыв не испортит деньги?

- Ты же знаешь наш метод, - сказала Даздраперма. - Он разнесет кабину, а деньги лежат в кузове.

В этот момент ветка подо мной резко переломилась, и я рухнул на клумбу под окном. Старухи уставились на меня. Я вскочил и попытался бежать, вот только нога не слушалась.

- За ним, - рявкнула Даздраперма.

Началась погоня. Им пришлось бежать назад, к выходу на крыльцо, а уже потом гнаться за мной. Я бы легко мог убежать, если бы не моя нога. Ниже колена я ничего не чувствовал, а в бедре бегали болезненные колющие ежики – следствие медленно проходящего онемения. Я еле ковылял, два раза падал и, в итоге, достиг забора лишь чуть раньше старых стерв. Я начал карабкаться на него, но в этот момент преследовательницы схватили меня за ноги. Руки Тамары и Даздрапермы одновре-

менно сомкнулись на моих лодыжках. Одна держала за правую, другая – за левую. Их хватка была нечеловечески сильной, а пальцы – жесткими и холодными.

В тот день я был в голубых детских шортиках. Мои ноги оставались голыми по колено. Я чувствовал, как вечно перепачканные в земле ногти Даздрапермы впиваются в мою незащищенную кожу. Из последних сил я попытался перевалиться через забор. Но шансов вырваться у меня не было. Старухи потащили меня назад. И тут я увидел, как на крылечко нашего дома, потягиваясь, выходит дед. Я совершил последний отчаянный рывок, набрал в рот воздух и завопил:

- Помогите!!!

А потом на меня обрушилось видение, точнее, сразу два видения. Они пришли вместе, слились, как две наложенные друг на друга кино- пленки.

Я увидел дорогу. Она была старой, проселочной, с глинистыми колеями и разбитой серединой, на которой остались следы множества лошадиных копыт. И одновременно это была асфальтированная дорога, которую я очень хорошо знал. По этой дороге папа отвозил нас с бабушкой на дачу; она проходила через весь поселок, дальше шла лесом, ныряла в тоннель под железной дорогой и выходила к большому шоссе. Эта дорога играла в поселке роль центральной улицы. Именно на нее выходил своим фасадом маленький продуктовый магазин.

Сгущались сумерки. Собственно, стало уже почти темно.

Тамара и Даздраперма стояли у обочины. Они не имели возраста. Их лица были старыми и одновременно молодыми. Я видел, как в оставшемся времени бледная кожа девушек растягивается и превращается в дряблую кожу старух. Я видел, как углубляются незаметные морщинки на лбу и вокруг глаз, как разрастаются маленькие бородавки, как расширяются рты и обвисают губы, как бледнеют и выцветают глаза. Я видел черные и седые волосы. И все это было сразу, в один-единственный, замерший момент.

Я видел, как по дороге едет подвода. Над правым ее бортом, освещающая дорогу, горел масляный фонарь. Черная приземистая лошадка, худая, но еще сильная, месила копытами грязь. Резиновые, видимо, снятые с какой-то машины колеса подводы легко перескакивали извивы и выбоины. На облучке трялся парень в легкой белой рубашке. Около Тамары и Даздрапермы он притормозил.

- Эй, девчата! - окликнул он. - Подвезти вас?
- Нет, - сказала Тамара.
- Да ладно, - улыбнулся парень, - я же ничего такого...
- Лошадь твоя? - спросил Даздраперма.
- А чья же? - удивился парень.
- Не конфисковали? - уточнила Даздраперма.
- Даз, - попыталась остановить ее Тамара.

Я увидел, как подводу нагоняет темно-синий семейный фольксваген. При виде двух пожилых женщин водитель сбавил скорость, но все равно было ясно, что сейчас машина столкнется с телегой. Этого не произошло. Они существовали в разном времени. Я смотрел, как бампер машины медленно проходит сквозь задние колеса повозки, пока, наконец, они полностью не наложились друг на друга.

- И при немцах жить можно, - невозмутимо заметил парень.
- Вас до станции подбросить? - спросил уже седой мужчина, который, однако, был на тридцать лет моложе старух.
- Продался немцам, сволочь! - закричала Даздраперма. - А ну, проваливай отсюда! Пошел!

В ее руке неожиданно появился пистолет. Мужчина выжидательно смотрел на старушек.

- Нет, милоч, не нужно, - ответила Тамара.
- Партизанки, - охнул парень и что есть мочи стегнул лошадь.
- Вы, наверное, боитесь, что я грабитель какой? - спросил мужчина.
- Давай, давай! - закричала Даздраперма вслед уносящейся подводе. - Хлещи свою падаль, чтоб скорей издохла!
- Тише, Даз, - остановила ее Тамара.
- Не боимся мы ничего, - ответила Даздраперма мужчине. - Просто мы здесь ждем не вас.

- А, ну дело ваше, - согласился он и тронул машину.
- Я слышу мотор, - сказала Тамара.
- Вумква говорит, сейчас! - скомандовала Даздраперма.

Тамара наклонилась, и я увидел, что в темной канаве у обочины дороги спрятана мина. Злодейки и не пытались закопать ее – они просто наклонили снаряд так, чтобы его ударная волна сбоку врезалась в проезжающий по дороге транспорт.

Тамара схватила конец проволоки, другой конец которой был укреплен на рожках мины, и бросилась через дорогу. За ней тянулась смертельно опасная серебристая нить. Даздраперма села на корточки рядом с миной и придерживала рожки рукой, чтобы снаряд не сдетонировал от случайного рывка.

Тамара достигла другой стороны дороги и надела проволочную петлю на заранее вбитый в землю колышек.

- Есть! - выкрикнула она.

Даздраперма что-то сделала с миной – возможно, сняла ее с предохранителя – и обе девушки-старухи бросились в кусты, растущие по разным сторонам дороги.

Я увидел огни фар. Они приближались с противоположных сторон. Их было восемь. Две машины ехали в прошлом и две – в будущем.

Бежевый инкассаторский броневик с узнаваемой зеленой полосой на борту ехал из нашего поселка в Москву, увозя с собой недельную выручку из местного магазина. Сквозь него проступала черная гражданская машина, в которой по плохой русской дороге пробирался офицер СС.

Ему навстречу торопился грузовик с загулявшими итальянскими солдатами. Они были пьяны, радовались ночному ветру, пели и смеялись. Кто-то обнимал девушку, кто-то свешивался за борт и забавы ради ловил рукой пролетающие мимо листья деревьев.

Мне бросился в глаза смуглокожий молодой человек. Он стоял у самой кабины грузовика. Его блокнот лежал на крыше кабины и, несмотря на тряску, он пытался что-то писать. Его губы шевелились, как будто он подбирал стихотворную рифму.

Сквозь грузовик проступал наш сельский автобус. Я знал его, потому что когда папа был занят, мы с дедушкой пользовались этим маршрутом, чтобы доехать в Москву. В окне старенького автобуса я увидел лицо сероглазого мальчика. Он был чуть старше меня. Он слушал плеер, и его губы шевелились, как будто он подпевал. Или тоже подбирал рифму. Я вдруг понял, что так оно и есть. Все сходилось.

Свет фар прорезал темноту, и проволока засверкала стальным блеском.

В своих видениях я не мог кричать. Но я хотел, чтобы те, кто сидит за рулем, увидели, как блестит в темноте их смерть.

Они не видели.

Грузовик и автобус ехали быстрее, чем машина СС и инкассаторский броневик. Прогремел взрыв. Свет фар померк. В темноте взметнулся столб огня. Он опал, и осталась только туча пыли. Я увидел, как дым и взвешенные в воздухе частички глины складываются в лицо. В улыбающееся лицо Вумквы Свэфа, который наконец получил достаточно еды.

Когда видение закончилось, я обнаружил себя лежащим на спине. Мой истошный крик о помощи оборвался, и наступила тишина. Я встретился взглядом с немигающими глазами Даздрапермы. Было слышно, как дедушка, побряхтывая, подбежал к забору.

- Что здесь происходит? - осведомился он.

Я лежал и в ужасе смотрел на двух склонившихся надо мной старух. В ту минуту мне казалось, что они убьют меня. Прямо здесь. Прямо сейчас. Я видел на их лицах темную тень. Видел в их глазах смертоносный блеск.

- Что происходит? - снова спросил дедушка.

Даздраперма засопела и выпрямилась. Тамара посмотрела на нее. Я обессилено откинулся на землю. Я понял, что спасен. Прямо сейчас со мной ничего не сделают.

- Ваш внучек лазил к нам на огород! - объявила Даздраперма. - Истоптал нашу цветную капусту!

Дедушка прошел вдоль забора, пыхтя, взобрался на принесенный мной стул и теперь смотрел на нас сверху вниз.

- Ах ты, мозгляк, - выругался он. - Зачем?

Я не ответил. Мне было не до того. В тот момент мое сознание просто стало отключаться. Помню только одну деталь.

- Я пойду, зайду к вам через калитку, - вдоволь поругав меня, решил старик.

И тут я в первый раз отреагировал на его слова.

- Не уходи! - завопил я. - Они убьют меня!

- С ума сошел, - рявкнул на меня дед. И ушел. На протяжении почти целой минуты я думал, что старухи меня прикончат, но они этого не сделали. Только Тамара наклонилась ко мне, до дикой боли сжала рукой мой пах и прошипела:

- Ни слова про то, что ты видел и слышал.

Даздраперма открыла дедушке калитку, и он увел меня к нам на участок – точнее, утащил за выкрученное ухо. Но после действий Тамары у меня так болели яички, что на помятое ухо я просто не обратил внимания.

Старик вдоволь поругался, а потом запер меня в моей комнате. Я снял с себя испачканную одежду, забился под одеяло и долго, пока не прошла боль, лежал не шевелясь.

Некоторое время я просто переживал ужас. Передо мной стояло лицо мальчика с серыми глазами. Я представлял, что он разорван на куски. Я понимал, что там будет еще девятнадцать других людей, но их я вообще не знал, и их смерть казалась от этого немного более далекой.

Я ужасно боялся старух, но, в конце концов, решил, что попытаюсь им помешать, несмотря на то, что они, наверное, убьют меня за это. Я знал место, где произойдет взрыв. Знал, как и почему он произойдет. Мне не хватало только одной детали: времени. И я приказал себе думать. Думать, как думал детектив Луи Горман.

Магазинчик нашего поселка работает по собственному графику. Вторник у него выходной. Раз или два дедушка впопыхах вспоминал, что завтра магазин не будет работать, хватал меня и поздно, уже в сумерках, шел за продуктами.

Я вспомнил, как несколько лет назад, еще совсем маленьким ребенком, в первый раз увидел инкассаторскую машину. Дедушка тогда почти опоздал. Охранник магазина не хотел его впускать.

- Мы закрываемся, - говорил он.

- Да молоко только купить, - стал умялять дедушка. - Видишь, я пенсионер, с ребенком. Ну забыл я, что вы завтра не работаете.

Охранник сжалился. Дед потащил меня по узким рядам продуктового зала. И в этот момент в магазин вошли два человека. Оба были в черном. Один нес мешки, другой, вооруженный автоматом, сопровождал его. Я спросил, кто эти люди. Дед ответил, что они перевозят деньги. Когда мы выходили из магазинчика, их машина еще стояла у входа. Необычный фургон с зелеными стеклами.

- Бронированный автомобиль, - сказал дедушка. - А это, - он показал на круглые, закрывающиеся изнутри лючки в дверях кабины, - бойницы для стрельбы.

Во многих мальчишках есть врожденное уважение к суровым вооруженным людям на боевых машинах. Я не исключение. Инкассаторы остались у меня в памяти на много лет. И позже я всегда обращал на них внимание.

Складывая свои воспоминания, я пришел к выводу, что они приезжают в магазинчик вечером каждого понедельника. Таким образом, я знал, когда Тамара и Даздраперма могут выйти на дело.

Я немного успокоился и стал ждать, когда ситуация изменится.

Два часа спустя дед открыл двери моей комнаты и сухо позвал ужинать. Несмотря на его тон, я чувствовал, что весь его гнев уже испарился. Да и был ли у него повод злиться на меня? Я ведь давал ему лишний случай пообщаться с милыми дамами.

Я помыл руки и зашел на кухню. Там на стене висел бережно поддерживаемый дедом отрывной календарь. И, к моему ужасу, под текущим числом было написано: «воскресенье».

До трагедии осталось двадцать семь часов.

Конечно, старухи могли бы использовать мину и не в этот день, а через неделю или через две, или даже через год. Но я знал, что все произойдет завтра. Почему? Потому что еще никогда я не видел будущее дальше, чем на несколько часов. Я не верил, что мог заглянуть на неделю вперед. Это противоречило всему моему опыту.

- Ну, чего стоишь? - спросил дед. - Садись за стол.

- Да, - ответил я, но остался стоять и смотреть на календарь.

- За стол! - строго повторил старик. - Будешь плохо себя вести – запру без ужина.

Угроза подействовала. Я сел за стол и начал уплетать курицу с картошкой. Кстати, мой дедушка действительно вкусно готовил. Иногда он даже использовал рецепты Тамары, и выходило недурно. Я ел и лихорадочно пытался придумать, как же мне сказать деду то, что вертелось у меня на языке.

- Эм, дамы, - начал я, - Тамара и Даздраперма...

- Очень на тебя сердятся, - буркнул дед.

- Они хоронили кота сегодня утром, - продолжал я.

- Да, Тихона. Тамара сказала.

- И я... - тут до меня дошло, что не стоит говорить о том, что я подглядывал, - и они... случайно...

- Что? - дед, наконец, посмотрел на меня.

- Нашли мину, - ответил я.

- Какую еще мину?

- Военную. Такими танки взрывают.

Дедушка хмыкнул.

- Да ты что? - спросил он. - И как же она выглядела?

- Большая, круглая, - показал я, - с рожками сверху.

- Мина с рожками? - переспросил дед.

- Да. - Я чувствовал, что тону. - Их нельзя трогать, иначе она взорвется.

- Как в кино, - кивнул старик.

Мы замолчали. Я – от отчаяния. Он – потому, что снова меня не замечал.

- Ты больше к ним не полезешь, - сказал старик через пять минут, - иначе я пожалуюсь твоему отцу.

Его угроза меня не напугала.

- И твоей маме, - со значением добавил дед.

- Мина была настоящая, - ответил я ему, - хотя в кино такие тоже бывают.

- И что? - спросил старик.

- А то, что я знаю, что они хотят взорвать ей инкассаторскую машину, но подорвется автобус с людьми! - выпалил я.

Дедушка уставился на меня.

- Глупо, молодой человек. Очень глупо наговаривать гадости на двух приличных пожилых женщин, да еще такие... нереальные гадости!

Я заплакал. Думаю, это было лучшее, что я мог сделать. Если бы мой дед хоть на йоту лучше разбирался в людях вообще и в детях в частности, он поверил бы мне. Но он не поверил. А когда я, размазывая по лицу слезы, начал умолять его позвонить в милицию, он снова рассердился.

Я был вынужден сдаться и признать, что старик мне не поможет. Я был один против Вумквы Свэфа и двух его ведьм.

Той ночью я не мог уснуть. В половине двенадцатого я тихонько вышел из своей комнаты. Дед сидел на веранде, курил, отгоняя комаров струйкой дыма, и раскладывал пасьянс. Мне удалось бесшумно прокрасться за спинкой его кресла и выбраться в сад.

Светила луна. Все казалось странным и необычным, опасным. Я пришел к тому месту, где перелезал забор, нашел в темноте стул. Обрывок книжки про Луи Гормана все еще лежал на том месте, где я его оставил. Я взял книжку и вернулся в дом. Когда я снова крался мимо деда, мне посчастливилось заметить, что на столе, рядом с настольной лампой, колодой карт и чашкой чая, лежит его мобильный телефон.

У меня тут же созрел новый план. Я могу позвонить в милицию сам! И уж они-то мне поверят! В прошлом году какой-то хулиган в восемь утра позвонил в милицию и сказал, что в нашей школе заложена бомба. Когда я пришел к школе, толпа детей стояла у входа во двор, но дальше их не пускали. С тех пор я знал, что милиционеры обязаны про-

верить все сообщения о бомбах. Даже если те поступают от детей и даже если звонивший не объяснил, откуда он взял информацию о взрыве.

Несколько часов я лежал в постели и дочитывал обрывок книги. Луи и Марк увидели, как Ллойд Мэсси входит в дом черного бухгалтера Дональди. Они бросились туда, чтобы схватить его, но когда они вышибли двери дома Дональди, выяснилось, что там не настоящий Ллойд, а лишь его двойник. Сам же Ллойд в этот момент готовил засаду для копов. Стоило разочарованным напарникам оказаться внутри дома, как тот тут же был окружен людьми Ллойда. Началась настоящая мясорубка.

Как ни странно, книга позволила мне отвлечься. Я почти забыл о событиях прошедшего дня. Моя душа была в Ванкувере. Я чувствовал запах пороха, слышал, как Мэсси своим гнусавым голосом кричит: «Окружайте их!», видел перекошенное от ужаса лицо Дональди, который стоял перед зеркалом в своей разгромленной ванной и смотрел, как кровь вытекает из его простреленной груди.

Где-то в третьем часу ночи я прикрыл усталые глаза и осознал, что меня окружает абсолютная тишина. Я встал, на цыпочках подошел к своей двери и выглянул из комнаты. Дедушка по-прежнему сидел на веранде, только он уже не курил. Его голова откинулась на мягкую спинку кресла, глаза были закрыты. Он спал.

Я подкрался к нему, взял телефон и вернулся в свою комнату. Мне вспомнилось, как на следующий день после того случая с телефонным террористом учительница наставляла нас: «Никогда! Не звоните в милицию просто так! Иначе ваши родители! Отправятся в тюрьму!» Но ведь у меня был самый настоящий повод, так?

Я набрал «02». В трубке раздались гудки. Я, затаив дыхание, ждал. Наконец, щелкнуло.

- Слушаю, - спросил сонный мужской голос.

- Здравствуйте, - сказал я. - Завтра вечером на дороге в поселок Пальский будет заложена мина.

В трубке была тишина. Человек тяжело дышал.

- Мне сказать что-то еще? - нервно спросил я.

- Антон, это ты? - поинтересовался мужчина.

Я с безмерным удивлением узнал голос своего отца.

- Да, я, - подтвердил я.

- Антон, - сказал отец, - зачем ты звонишь мне в три часа ночи?

Я ничего не знал про функцию быстрого вызова. Дело в том, что папин номер был записан в телефон дедушки вторым. Поэтому не обязательно было заново набирать его или искать в списке контактов. Дедуш-

ка просто нажимал цифру два + вызов – и звонил своему сыну. Чтобы дозвонится в милицию, на этом мобильном следовало набирать «102» или горячую линию службы спасения «911». Но этого я тогда не знал.

- Пап, я не тебе звонил, - испуганно ответил я, - я звонил в милицию.

- Что случилось? - медленно просыпаясь, спросил отец.

- Завтра случится ужасная вещь, - объяснил я. - Наши соседки взорвут автобус.

- Антон, мне завтра на работу, - ледяным голосом сказал отец. - Ты понимаешь, что я больше не усну, что я буду еле живой, что ты испортил мне весь день?

- Папа, извини, - попросил я, - но, пожалуйста, позвони в милицию, это очень важно, погибнет много людей.

- Антон, это идиотская шутка, и завтра ты будешь наказан, - отец бросил трубку.

Я держал телефон в трясущихся руках. Я подумал, что, наверное, что-то сделал не так. Проверая и продумывая нажатие каждой кнопки, я снова набрал «02». Цифры «02» светились на экране. Ошибки быть не могло. Я нажал вызов.

Отец сразу снял трубку.

- Антон, - сказал он.

- Папа, - опешил я, - но я набираю «02».

- Ты не улучшаешь своего положения, - рассвирепел отец. - Ты уже разбудил маму.

Он снова бросил трубку. Я сидел на кровати, совершенно ошеломленный. Мое разочарование было тяжелым, как бетонная плита. Я ощутил полную беспомощность. Я знал, что завтра случится преступление, и не мог позвонить в милицию. Каждый следующий шаг обещал мне еще большие репрессии со стороны взрослых. Я даже начал сомневаться в своей правоте. Вдруг это правы они все, дед и отец, которые мне не верят, вдруг ничего этого нет, вдруг я просто сумасшедший. И одновременно я со злорадством подумал, что завтра вечером они узнают, что это они виноваты в гибели двадцати человек. Потому что они ничего не сделали.

Я уснул в слезах и даже не позаботился о том, чтобы вернуть мобильник на стол деду.

Мне приснился мертвый мир. Там было небо цвета жженого сахара, а под ним, по потрескавшейся серой земле, неся всадник. Он был как земля, с такой же неживой, сухой, рубчатой кожей. Его лицо выглядело твердым, как камень, а в глубоко продавленных глазах притаилась тьма.

Его конь был как облако серой пыли. Он втягивал в себя весь мелкий прах этой мертвой земли. Он скакал и рос. Он состоял из песчинок, из золы, из струпьев, опавших с больной кожи, из растертых в руке осенних листьев, из железных стружек и из самого твердого и холодного снега, какой бывает лютой зимой. Только его глаза и ноздри горели огнем, будто вопреки той тьме, в которой тонули глаза его всадника и господина. Я слышал топот копыт, дыхание ветра и дикий крик. Если каменная пустыня может кричать, то она кричит так.

*В моих глазницах два угля
В моем сердце лишь земля
В моих жилах черный прах
В моей тени дремлет страх*

*Я держу в руке свой меч
Он срубает главы с плеч
Я трублю в свой длинный рог
Когда дев везу в чертог*

*Подо мной мой черный конь
Грива – дым; нутро – огонь
Он быстрее, чем твой крик
Всегда скачет напрямик*

*Впереди него лишь псы
Свиты из гнилой лозы
Они чувствуют время бед
Людской ужас – их обед*

Рядом неслись две огромных собаки. Они бежали быстрее лошади, а их морды, покрытые жуткой кожей, показались мне смутно знакомыми. У них не было шерсти, их огромные тела были странного белого или

даже розоватого цвета. Их слюна оставляла на серой почве дорожки омерзительной влаги.

*Я пришел по просьбе злой
Мне ты душу приоткрой
Я люблю ее сырой
Я войду в нее с войной*

*Станем мы с тобой дружить
Вместе резать, вместе жить
Мясом будешь мне стелить
Песней на ночь веселить*

*Песню я люблю одну
Про себя и пустоту
Песня – правда, а не блеф
Мое имя Вумква Свэф*

Я увидел, что чудовищный наездник приближается ко мне. Он поднял свою шашку, и та сверкнула кремниевым блеском. Ее огромное лезвие было корявым, как край самого грубого каменного ножа. Я стоял посреди поля, и мне некуда было деться. Я был один на прицеле его страшного удара.

Но прежде чем он рубанул меня, я услышал его мысли. Глиняный богатырь думал о том, что он хочет есть, и что Тамара и Даздраперма могут ему. Он странно о них думал. В последний момент, перед самым его ударом, я осознал, что для него это имена двух его собак.

Мой слух заполнился свистом шашки. Я проснулся и обнаружил, что сжимаю в руках обрывок книжки про Луи Гормана. И в глазах у меня по-прежнему стояли слезы.

Я поспал всего несколько часов. Было раннее утро, теплые оранжево-золотые лучи солнца проникали в комнату, в саду щебетали птицы, а мои загорелые ноги красиво выглядывали из-под белого одеяла.

Я встал, оделся, взял телефон, чтобы вернуть его дедушке, и пошел к двери комнаты, но не дошел до нее, остановился посередине помещения. Я не мог оторвать взгляда от светлых полос солнечного света, от окна, от белой кровати и от зеленых кустов на улице.

Меня захватило ощущение жизни. Мир сиял красотой. А с другой стороны был Вумква Свэф. Он мчался сюда по слизистому следу своих псов.

- На что я рассчитывал? - спросил я себя.

Обычно в жизни все происходило именно так, как я видел это в своих видениях. Мама могла достать мой дневник на пять минут раньше или на пять минут позже, но плохие оценки всегда вызывали у нее одну и ту же реакцию. Если я видел, как подерутся мои одноклассники, то они дрались, если я узнавал, что через час нас с папой остановит и оштрафует гаишник, то так и происходило. А если я пытался предупредить, то папа сначала не верил, а потом обвинял меня в том, что я причина беды и все так вышло не само по себе, а из-за плохого наговора. Вот и сейчас никто из моих родных не верил мне и не собирался мне помогать.

На мой подоконник сел воробушек и посмотрел на меня. Вдоль забора, не обращая никакого внимания на птичку, прошествовал Барсик.

Неужели двадцать человек были приговорены к смерти еще вчера, еще в тот момент, когда две старухи схватили меня за ноги? Неужели еще неделю, месяц, год назад мир был устроен так, что я должен был оказаться в этой комнате в эту минуту и, сжимая кулаки, смотреть на всю окружающую меня красоту? А если да, то зачем? Чтобы мучиться, зная, что Вумква Свэф сожрет кишки мальчика-поэта с серыми глазами?

Я вспомнил, как отдавал Тамаре пакет и как уронил его, когда меня ударило видением. Я вспомнил, как брал у Даздрапермы чеснок и как вздрогнул, когда узнал о пленном немце и о втором имени Вумквы. А потом я полез за стрелами и попался старухам – видимо, лишь затем, чтобы теперь мучиться своим последним двойным видением.

- Почему я вообще нахожусь здесь и сейчас? - спросил я. - Почему папа и мама не поехали на Кипр в начале лета? Почему им обязательно было нужно засовывать меня сюда именно в этот момент?

Воробушек сорвался с подоконника и улетел. Я стоял совершенно неподвижно и даже начал замечать, как двигаются лучи солнца по деревянному полу. Где-то далеко хлопнула дверь – значит, встал дед.

- И наконец, почему я впервые в жизни начал видеть вещи, которые были так давно? - спросил я себя.

Последняя мысль поразила меня особенно. Сотни раз я видел чужие мелкие ссоры, разборки, пакости и неприятности. Только сейчас мои видения как будто обрели смысл. Они сложились в единую цепочку. Они все касались Вумквы Свэфа, ключевых точек его истории. Я узнал про него почти все.

- Как все это может быть случайностью? - спросил я. - И зачем было все это, если его нельзя остановить?

Утреннюю тишину разорвал запоздалый крик петуха. Будто подчиняясь ему, дедушка распахнул дверь моей комнаты.

- Встал? - спросил он. - Не видел мой...

Я понял, что дед смотрит на мобильник, и попытался спрятать его за спину.

- ...телефон, - закончил старик. - Ты кому-то звонил?

Я не угадал правильный ответ. Поэтому все утро того дня мне пришлось пробыть взаперти у себя в комнате, без завтрака и с пылающе-красными ушами. Дежурный звонок отца только добавил остроты.

Дед не додумался отнять у меня книжку, и я, наконец, дочитал ее до конца, до оборванной двести седьмой страницы.

Перестрелка в доме Дональди закончилась трагически. Бандиты ворвались в комнату, где Луи и Марк держали оборону. Луи получил пулю и вывалился на улицу через разбитое окно, а Марк остался в доме, один против пятерых выживших в перестрелке людей Ллойда.

Сцена заканчивалась тем, что детектив Горман лежит на траве и видит приближающиеся мигалки полицейских машин. Начинается холодный дождь. Капли падают на лицо Луи, и кажется, что все потеряно. Он один, у него больше нет ни друга, ни девушки. Луи теряет сознание и снова приходит в себя в больнице. И тогда он снова начинает думать. Он вспоминает, что среди бандитов Ллойда был один рыжий ирландец. В Ванкувере мало ирландцев, и Луи приходит к выводу, что тот парень наверняка является братом плохиша Джонстона.

- Я никогда не сдаюсь, - говорит себе детектив Горман. Он вытаскивает из себя трубки и иглы, встает на ноги и бежит из больницы. Он понимает, что ему больше не нужны ни плохиш Джонстон, ни черный бухгалтер Дональди. Теперь у него есть реальная зацепка. Он узнает, где дом брата плохиша, приходит туда и успевает забраться в открытый кузов джипа, когда шестерка-гангстер и один из его товарищей садятся в машину. Машина приезжает в грузовой порт.

Я читал описание порта, и перед моим разыгравшимся воображением вставали огромные многоногие краны, штабеля контейнеров и полупустые склады с ржавыми кран-балками. Именно на такой склад и приезжает джип бандитов.

Луй приподнимает брезент и видит, что находится прямо посреди банды Ллойда Мэсси. Она почти в полном сборе, а в центре склада, под единственной слепящей лампой, на коленях стоит Марк.

- Что ты сделаешь с этим копом, Ллойд? - спрашивает рыжий.

- О, - отвечает Ллойд Мэсси. - Я хочу привязать его к двум автомобилям и разорвать пополам. Для этого специально ждал, когда приедешь ты.

Они смеются. Ирландец обходит машину, чтобы взять из кузова трос, и в этот момент Луи начинает стрелять. Ему удается сразу убить четверых.

- Он один! - в ярости кричит Ллойд. - Завалите его!

Но бандиты пугаются и отступают. Луи выбирается из джипа и подходит к напарнику. Марк как бы засыпает у него на руках. Но в последний момент успевает пробормотать, что видел Линду.

На этой сцене книжка оборвалась. Я плакал и был в ярости от того, что не могу узнать конец. Я даже не знал, погиб Марк или нет. Мне очень хотелось, чтобы все было хорошо, но я понимал, как мало у них шансов победить в этой игре.

Днем старик меня выпустил и накормил обедом. Пока мы ели, он то и дело поднимал на меня строгий взгляд.

- И что с тобой в последние дни случилось? - удручался он. - Ведешь себя как бесенок.

Я помалкивал. Что я мог ему сказать, когда уже прекрасно понимал, что скоро в его глазах совершу следующее преступление. Чем оно закончится, я не знал. Но я твердо решил, что не буду сдаваться, как не сдавался Луи Горман.

У меня возник простой план. Я хотел снова забраться на участок старух, только на этот раз не ради стрел, а ради спасения многих жизней. Я предполагал, что найду мину и либо перепрячу ее, либо унесу, либо, если не смогу поднять, то взорву. Я видел, как это делали Тамара и Даздраперма, и для своей цели специально позаимствовал из-за дома бельевую веревку.

К середине дня я чувствовал себя чрезвычайно странно. Мое состояние можно описать как коктейль из страха, гордости и решимости. Собиражался я плохо. Другого выхода кроме повторной атаки на участок старух у меня, на мой взгляд, не оставалось.

С замирающим сердцем я вернулся на свой наблюдательный пункт. Вербка висела у меня через плечо, как у скалолаза прошлого века. Я посмотрел в щель в заборе и не увидел ни Тамары, ни Даздрапермы. Тогда я поднялся на стул, подтянулся и, в точности повторяя свои вчерашние действия, перебрался сначала на крышу уличного туалета, а

потом на территорию самого участка. Мне пришла в голову привлекательная мысль, что, возможно, обе старухи наслаждаются послеобеденным сном. От деда я знал, что у них есть такая привычка. Но они почивали не каждый день, а только тогда, когда к обеду переделывали всю необходимую на участке работу. Поэтому стопроцентной уверенности у меня не было.

Я шел медленно и опасливо. Добрался до крыльца, взошел по ступенькам, перевел дух, открыл дверь дома – и замер. Передо мной стояла Даздраперма.

- Вумква говорил, что ты придешь, - сообщила она. Ее глаза блестели безумием.

Я отступил на нижнюю ступеньку лестницы. Мгновение мы смотрели друг на друга, а потом я бросился бежать.

Как и в прошлый раз, я бежал к перелазу через забор, к удобным планкам, по которым мог бы вернуться на свой участок. На этот раз мои ноги были в полном порядке, и бежал я очень быстро. Но я не учел того, что Вумква Свэф предугадает мой маневр. Перед самым забором я оглянулся. Даздраперма не бежала, а спокойно шла за мной. На ее иссушенном лице играла нехорошая улыбка.

- Давай, - сказала она. - Чего же ты ждешь?

Я, не глядя, схватился за перекладину и вскрикнул от боли. Когда я посмотрел на свою левую руку, то увидел, что она вся в крови. Планка по-прежнему была на своем месте, но старухи истыкали дерево гвоздями с откусанными шляпками. Они потрудились на славу, и теперь на перекладинах негде было поставить даже маленькую, цепкую детскую руку. Эту ловушку делали специально для меня. Я схватился за планку сильно. Частокост острого гвоздя проткнул мою кожу до костей, перепонки кожи между пальцами были разорваны.

Боль, должно быть, была невыносимая, но я ее тогда не почувствовал. Я отчетливо понимал, что сейчас меня убьют. И ноги сами понесли меня к калитке участка. Я хотел выскочить на улицу. Там могли быть какие-нибудь люди. Но даже если их там не будет, я не сомневался, что в беге на большую дистанцию старухи меня не победят.

Я бежал самозабвенно, не слышал, как мои ноги ступают по земле, почти не дышал. Но до калитки я не добежал. У калитки стояла Тамара. Я сначала не видел ее за кустами, но стоило мне выскочить на садовую дорожку, как она оказалась прямо передо мной. Она улыбалась почти так же, как ее сестра и, если я правильно помню, манила меня своим корявым пальцем.

В моей душе заметался ужас. Я повернул обратно. Мне очень хотелось хоть в каком-нибудь месте подбежать к забору их участка. У меня был бы шанс его перелезть, если бы я на двадцать метров оторвался от обеих старух, но Даздраперма блокировала мне путь. И я побежал прямо по садовой дорожке в их дом.

У меня было две мысли. Одна – героическая. Я хотел найти мину и подорваться вместе с ней, спасти людей и, возможно, уложить вместе с собой старух. Другая мысль состояла в том, что можно проскочить через дом, вылезти в окно и получить ту минуту у забора, в которой я нуждался, чтобы спастись.

Я вбежал в дом, пролетел, распахивая двери, через две комнаты, нигде не увидел мины и остановился перед окном с другой стороны дома.

Я был в спальне «почтенных пожилых дам». Это была странная полутемная комната с единственной огромной кроватью. Все вещи здесь распространяли тонкий, едва уловимый запах земли. Дедушка, наверное, умер бы от восторга, окажись он на моем месте. Но я умирал от страха. У себя за спиной я слышал топот преследовательниц.

На подоконнике я, к своему удивлению, увидел две мои красные стрелы. Они, как трофей, стояли в стеклянной банке вроде тех, в которых маринуют огурцы. Думать мне было некогда. Я выхватил стрелы из банки, а банку швырнул в окно.

Плохая попытка. Стекло, конечно, разбилась, но дырка была слишком маленькой, чтобы мне удалось через нее выпрыгнуть. Мне не хватило сил, чтобы швырнуть в окно стул, и не хватило решимости, чтобы разбежаться и выбить стекло собственным телом. Я просто метнулся в соседнюю комнату.

Началась адская карусель. Я бегал по кругу, из комнаты в комнату, а старухи бежали за мной. Мне удалось вернуться к входной двери, но оказалось, что Тамара предусмотрительно заперла ее. Я метнулся на кухню и понял, что попал в тупик.

Тут я вспомнил про люк в подвал. Я обгонял старух метров на десять. Мне хватило времени, чтобы распластаться на полу, приподнять тяжелую крышку люка и закатиться под нее. Я провалился в темноту и упал вниз с каменной лестницы.

Пол был земляной. Мне тут же стало холодно. В одной руке я по-прежнему держал пару стрел, другая дико болела и вся была мокрой от крови. Я слышал, как у меня над головой старухи вбежали в кухню.

- Где он, Даз? - спросил Тамара.

- Подожди, - ответила Даздраперма.

У меня возникла безумная надежда, что они меня не найдут, что они забудут про свой подвал, не спустятся вниз. А даже если спустятся, то не найдут в нем меня. Я вскочил и осмотрелся.

Подвал делился на коридор и две выходящие в него комнаты. Стены были из голого кирпича, в некоторых местах старухи пристроили к ним стеллажи, на которых хранили всякие скляночки с соленьями, консервы, мешки семян и все остальное, что обязательно бывает в хозяйстве заядлого огородника.

Я бросился сначала в одну комнату, потом в другую, надеясь увидеть другой выход, но единственный лучик света проникал в подвал через щель в кухонном люке.

Вторая комната, в которую я вбежал, оказалась довольно странной. Она являла собой пустой кирпичный короб с земляным полом, только в стену напротив двери было вделано прочное металлическое кольцо.

- Вумква говорит, что он внизу, - нарушила тишину Даздраперма.

Я понял, что мне конец, но не сдался. С решимостью отчаяния я стал выстраивать оборону. Я отшвырнул бесполезные стрелы, стянул с себя бельевую веревку и принялся лихорадочно связывать ручку двери с вделанным в стену кольцом.

Старухи мгновенно отреагировали на шум. Они рванули вниз и начали ломиться в дверь. Я ответил на их атаку новыми витками веревки. Я пачкал все кровью и стонал от боли, когда больными руками тянул за веревку, но не останавливался, пока в коридоре не наступила тишина.

- Не нужно ломать, - услышал я голос Даздрапермы. - Мышонок сам залез в мышеловку. Посторожи.

Я слышал, как она ушла. Помню, что опустился на холодный пол и слушал, как стучит сердце. Я был жив.

- Ты кому-нибудь рассказал про наш план? - спросила Тамара.

Я не ответил.

- Притаился, мышонок, - рассмеялась старуха.

Я смотрел на дверь. Мне пришло в голову, что надо ей ответить. Если мне удастся убедить ее, что я не один, что меня будут искать, она не станет убивать меня. Ведь пока Тамара и Даздраперма еще ничего не

сделали. Им достаточно избавиться от мины и отпустить меня, и все снова пойдет своим чередом.

Я хотел сказать, что рассказал про все дедушке, но испугался, что тогда старухи могут убить и его.

Снова слышались шаги Даздрапермы.

- Мышонок, - снова позвала Тамара, - ты в мышеловке.

- Я все рассказал отцу, по телефону, - ответил я.

- А ведь мы предупреждали, что не стоит тебе этого делать, - заметила Тамара.

- Это неважно, - сказала Даздраперма. Я услышал, как с другой стороны в замочную скважину вошел ключ. Замок повернулся и щелкнул. Мое сердце екнуло. Они сделали то же самое, что и я. Они заперли дверь.

Признаться, я вообще не имею понятия о том, откуда в этом подвале взялись замки. Вполне возможно, что в комнате, где я тогда оказался, уже держали и мучили кого-то. Быть может, это несчастное создание, человека или животное, приковывали к вделанному в стену стальному обручу. Мне легко представить, как Даздраперма год за годом спускалась сюда с Тамарой и год за годом говорила ей: «Я придумала новую игру».

- Это ты хорошо придумала, сестра, - похвалила Тамара.

- Что мы теперь будем с ним делать? - спросила Даздраперма.

На моем лице выступил холодный пот. Я как будто был на месте пленного немецкого солдата. Я прекрасно понимал, что, в сущности, моя судьба для них решена, они лишь обсуждают один нюанс: как именно меня убить.

- Есть идея, - сказала Тамара.

- Какая? - заинтересовалась Даздраперма.

- Пойдем, покажу, - ответила Тамара. - Немцы любили так делать.

Они ушли. Я остался сидеть в темноте. В коридоре подвала было чуточку светлее, чем в комнате. Я смотрел на крошечный светлячок замочной скважины. Часто в своей жизни я чувствовал себя одиноко, но никогда до того я не чувствовал себя в последнем одиночестве. Ко мне приближалась сама смерть. Вумква Свэф был рядом. Я чувствовал, как его лицо сгущается в темноте под потолком.

Я приказал себе думать, думать, как думал вчера, думать, как детектив, как сильный. И тогда сквозь панику ко мне вдруг прорвалась одна мысль. Я еще кое-что могу. Я могу обратить старух, или хотя бы одну из них, на свою сторону. Я расскажу ей, что узнал из своего сна. Объясню ей, что она в этой игре пешка.

Я выбрал Тамару. Я не думал, что она лучше Даздрапермы. Но не она говорила с Вумквой Свэфом. Не ее дедушка называл «недоступной женщиной». Я поверил, что Тамару будет легче уговорить.

Заговорить с ней мне помогли обстоятельства.

Примерно через час люк на кухне снова открыли, и я услышал голоса старух. Они тащили что-то тяжелое.

- Подавай, - говорила Тамара.
- Спускай, - отвечала Даздраперма.
- Подавай, - снова требовала Тамара.
- Спускай, - вторила ей сестра.

После каждой команды я слышал негромкий железный лязг. Какая-то громоздкая вещь, ступенька за ступенькой, спускалась вниз по лестнице. Я приник к замочной скважине и сначала увидел спину Тамары. Потом разглядел, что она контролирует перед двуручной садовой тачки, и, наконец, понял, что в этой тачке лежит огромный синий газовый баллон. Старухи были сильными, но баллон оказался тяжелым даже для них.

- Готово, - сказала Тамара. - Он внизу.

Даздраперма крикнула и разогнула спину.

- Ну что, сестра? - спросила она. - Справишься одна? Мне уже мignon пора заниматься.

- Теперь справлюсь, - заверила Тамара. - Да и не развернемся мы здесь вдвоем с этой тачкой. Тут одни руки нужны.

Даздраперма ушла, а Тамара небольшими рывками стала пододвигать тачку к моей двери. Она заговорила первая.

- Ну что, мышонок, ты здесь?

- Да, - ответил я, лихорадочно пытаюсь сообразить, зачем им баллон. Сначала мне пришло в голову, что они будут использовать эту штуку, чтобы протаранить мою дверь, но тут же, из объяснений самой Тамары, понял, что их план лучше.

- Хочешь нюхнуть газку, а, мышонок? Он отлично пахнет.

У нас дома была газовая плита, а за дачным домиком стояли точно такие же баллоны. Однажды мама забыла выключить газ на плите, и папа устроил ей скандал. Он кричал, что утром мы могли не проснуться. Я знал, что в таких баллонах находится горючий газ, что он взрывоопасен и ядовит. Отвечать на издевательский вопрос старухи я не стал.

- Вумква плохой, - сказал я.

- О да, очень плохой, - согласилась пожилая женщина.

Она дотащила тачку до моей двери и поставила ее так, что голова баллона оказалась у самой замочной скважины.

- Он плохой для всех, - продолжал я. - Для вас тоже. Он не помогает вам.

Тамара не ответила, только бросила один короткий странный взгляд на темную дырочку, из которой я, загнанный мышонок, смотрел на нее.

- Тамара, - обратился я, - Вумква вас обманывает. Вы не взорвете инкассаторскую машину. Вы взорвете автобус.

Старая ведьма усмехнулась и повернула вентиль. Сильный поток газа ударил прямо в замочную скважину.

- Все будет как раньше! - закричал я. - Как тогда, когда вы взорвали грузовик с солдатами вместо черной машины!

Старуха замерла. Мои слова, наконец, проняли ее.

- Что ты знаешь про Вумкву? - спросила она.

- Он очень голодный, - ответил я. - Он просто хочет, чтобы пролилось больше крови.

- И все? - Тамара наклонилась к замочной скважине. Ее иссохшие губы теперь почти касались медного носика газового баллона. Она прикрутила клапан, и в подвале снова наступила тишина.

- Я знаю, что его еще зовут Свэф, - выдохнул я. - Я знаю, что твоя сестра слепила его из игрушечного печенья. Знаю, что вы ночью в землянке замучили немецкого солдата.

Некоторое время Тамара молчала.

- Откуда? - наконец спросила она.

- Я вижу прошлое и будущее, когда трогаю людей, - объяснил я. Меня вдруг охватило странное чувство. Я был уверен, что эта злая, уродливая, страшная, ненавистная мне женщина понимает меня. Быть может, она была первой, кто мне поверил.

- Кто тебе подсказывает? - поинтересовалась она. - У тебя есть твой Вумква Свэф? А, мышонок? Есть?

Я ответил не сразу. Я сидел на земляном полу, слушал, как ведьма дышит за дверью, и вспоминал утренний солнечный свет, траву, воробья, яркие цвета живого мира. Я вспомнил, как рассуждал, когда решился прийти сюда.

- Есть, - сказал я.

- Кто? - спросила она.

Я не знал, есть ли у этого всего имя, может ли оно вообще быть, но неожиданно сам, как будто со стороны, услышал свой голос.

- Луи Горман.

Старуха долго молчала.

- Тогда позови его, - наконец, предложила она. - Позови, как Даз зовет нашего Вумкву.

Я лихорадочно облизнул губы.

- Луи Горман, - прошептал я. Я представил, как он плечом высаживает калитку и входит на участок Тамары и Даздрапермы. Стояло теплое лето, и теперь он носил простую клетчатую рубашку и синие джинсы. Вот он встретил Даздраперму, выхватил оружие и застрелил ее, вот он поднимается по ступенькам крыльца, входит на кухню, видит распахнутый люк и берет на прицел вторую злую старуху.

Прошло несколько минут. Я обливался холодным потом, а Тамара дышала в замочную скважину.

- Нет, - наконец, сказала она. - Ты врешь. Я верю, что ты видишь всякие вещи, когда касаешься людей, но это все, что у тебя есть. И это не поможет тебе.

Заскрипел крантик клапана. Я услышал, как медленно нарастает шипение газа. Меня охватило отчаяние.

- Тамара, - взмолился я, - не делайте этого, он играет с вами, он не на вашей стороне!

В ответ мне из коридора раздался смех. Не смех Тамары. Я понял, что за дверью стоит Вумква Свэф. Запах земли стал таким сильным, что перебивал запах газа. Потом я услышал, как он уходит. Тяжелые шаги глиняного богатыря прогрохотали по ступеням. Хлопнула крышка подвала.

Я остался один.

Я сидел на холодном земляном полу и чувствовал, что убит. Луи Горман не пришел ко мне. Свет не помог мне, не ворвался в мою темную камеру, не разметал ее двери и стены, не выключил газ.

Я заревел в голос. Я был один. Я не мог изменить будущее. Я мог только стать его частью, еще одним существом, уничтоженным на пути зла.

- Луи Горман! - закричал я. - Марк умер, умер, умер у тебя на руках! И Линду ты не спас! Ее убили. Ты остался один! Вот! Понял! Ты никому не помог и ничего не сделал!

От моих слов мне стало только хуже. Ведь на самом деле я не хотел этого всего говорить или думать. Мне просто было очень больно.

- Ты врешь, - сказал я себе сквозь слезы. - Он сделал все, что мог. Сделал все, что мог.

- Где ты, тот, кто выбирает, какие именно видения мне видеть? - спросил я.

Тишину нарушало только мерное шипение газа. Я представил моего героя с телом друга на руках и с кровоточащей раной в плече, сидящего посреди пустого склада, на полу которого лежат четверо убитых им гангстеров. Я представил, что он просто ляжет там, рядом со своим другом, и умрет. Отдаст Линду Ллойду. Отдаст Ллойду весь мир. Не будет обращать внимание на то, что вся его жизнь почему-то была так устроена, что он встречал Ллойда снова и снова. Как будто мир хотел, чтобы они боролись.

Мне пришло в голову, что тот, кто привел меня сюда, совсем не такой, как Вумква Свэф. Вумква сделал Тамару и Даздраперму своими рабами. Я не был рабом. А тот, кто показал мне мои видения, почему-то не мог или не хотел врываться в этот мир и разносить дом старух на атомы. Он действовал по-другому.

Я сидел под дверью, шмыгал носом и думал.

Много раз я видел будущее. И ни разу мне не удавалось его изменить. Может, потому, что я видел всякую ерунду. Ерунду, которая должна случиться просто потому, что она ерунда. Мамы обязательно заглядывают в дневники, а мальчишки обязательно дерутся.

Но сейчас все по-другому. Потому что речь о двадцати жизнях. У Луи Гормана все еще есть возможность остановить Ллойда. И я здесь потому, что у меня есть Возможность.

- Возможность, - повторил я.

И начал действовать.

Я размотал веревку и попытался открыть дверь. Я налегал на нее всем телом, бил по ней ногами и плечом, прыгал на нее. Ничего не получилось. Я был слишком маленьким и легким.

Скоро мне стало казаться, что звук шипения баллона становится мелодичным. Он растекался по темному помещению, превращался в странный мерный звон. У меня начала кружиться голова. Светлая точка замочной скважины уплывала из поля моего зрения, и мне было все труднее возвращать ее обратно. В висках ныло.

Я догадался, что отравлен. Мое время, минута за минутой, утекало. Когда старухи сделают свое черное дело и придут назад, я уже буду

мертв. И тогда Вумква Свэф сожрет мои кишки. А то, что останется, Даздраперма закопает под своими грядками, рядом с котом Тихоном. Я стану удобрением.

Я не мог выбить дверь, но внезапно меня осенило, что я могу остановить поступающий в комнату поток газа. Замочная скважина была крупной, старой. Я заткнул ее указательным пальцем и обессилено опустился на пол под дверь. Шипение стало тише. Я чувствовал, как идущая под напором струйка газа холодит мой палец. «Думай», - в очередной раз, приказал я себе.

То, что нельзя сломать, иногда можно открыть. Внимательно, сантиметр за сантиметром я стал ощупывать дверь. До сих пор помню ее поверхность. Она поросла плесенью и грибком. Моя рука скользила по этой липкой, слегка влажной древесине. Я нашел две мощные дверные петли, понял, что они мне ничем не помогут, и стал ощупывать пространство вокруг замка.

Оказалось, что косяк двери сделан с погрешностями. Лунка, куда входит язык замка, была слишком большой, а над ней прикрутили металлическую пластину, винты в которой держались не слишком хорошо.

- Спасибо, - сказал я, и потом добавил, - Луи Горман.

Ощупывая винты, я вспомнил про стрелы и нашарил их в темноте. У одной из них наконечник-липучка неплотно сидел на древке. Мне удалось содрать его. Теперь стрела превратилась в упругий пластиковый прутик с концом, как у отвертки.

Я кое-как стал выкручивать винт. Мне все время казалось, что сейчас стрела сломается, но этого не происходило, а стальной стержень винта миллиметр за миллиметром выходил из плохой древесины косяка.

Я крутил, и мне становилось все хуже. Конечно, я заблокировал прямой доступ газа, но он все равно попадал в комнату, где я находился. Меня начало тошнить, голова раскалывалась от боли, руки не слушались.

В какой-то момент я догадался заменить свой палец на липучку от стрелы и вдавил эту резиновую штуку в замочную скважину. Когда я освободил обе руки, дело пошло быстрее. Я выкрутил один из винтов, закричал от радости, взялся за второй – и тут же сломал свою «отвертку». Шляпка второго винта оказалась другой формы, и острые кромки на ней попросту срезали пластик отвертки.

Но я хотел жить. Я должен был жить, чтобы смогли жить другие. Срывая ногти с пальцев, я вцепился в металлическую накладку. Теперь она держалась только на одном винте. Рывками мне удалось повернуть ее на девяносто градусов.

После этого дверь открылась.

Я взял оставшуюся стрелу и вскарабкался вверх по лестнице. Вумква Свэф так верил в свою силу, что даже не потрудился закрыть выход из подвала. Я откинул незапертую тяжелую крышку, выбрался на пол кухни, вдохнул свежий воздух и упал. Меня вырвало.

Дальше я, по всей видимости, выполз на крыльцо. Я не помню, как сделал это, помню только, как выглядело склонившееся к закату солнце. Оно показалось мне нереальным, красным и ярким, как капля вулканической лавы. И бесконечно красивым. Мне показалось красивым небо. Я упивался дуновением ветра, зеленью листвы, жужжанием насекомых. Я увидел, что на нашем заборе сидит Барсик – он быстро осознал исчезновение Тихона и больше не боялся ходить в эту сторону – и я улыбнулся ему.

Когда я окончательно пришел в себя, вокруг наступили светлые летние сумерки. Был вечер понедельника. Оставался час до взрыва.

Я выглядел страшно. Из-за действия газа мое лицо пошло красными пятнами. Майка была испачкана рвотой, шорты извалялись в земле. Мои руки были изрезаны и окровавлены, ладони засажены занозами, а ногти сломаны. Все ссадины и ранки слились в одну сплошную коричневую корку. Именно тогда я впервые обнаружил, что средний палец на левой руке больше не гнется, но тогда это не произвело на меня ровно никакого впечатления.

Целенаправленно и устало – наверное, именно так ходят зомби – я вышел на улицу. Там я никого не встретил. Думаю, мне очень повезло, потому что, увидев меня в таком состоянии, добропорядочные соседи могли помешать моим дальнейшим планам.

Помню, входя на наш участок, я подумал, что, наконец, добился своего: в правой руке я сжимал красную стрелу. Так что я снова был вооружен. Я зашел в дом, взял арбалет и карманный фонарик, попил воды, чтобы отбить вкус рвоты, а потом быстро, как только мог, пошел к дороге.

Позже выяснилось, что я не встретил дедушку потому, что он в тот момент уже искал меня. Первым делом он спросил Тамару и Даздраперму, но те, разумеется, ответили, что не видели меня с тех пор, как я вчера перелез их забор. Дед решил, что я совсем спятил, пошел искать меня вдоль всей нашей улицы, не нашел и двинулся опрашивать людей на соседних улицах. Когда я брал свой арбалет, дед уже вызвал

милицию и на встречу с ними возвращался к дому. Но так случилось, что и милиция, и дед выбрали не те улицы, по которым двигался я. Луи Горман хранил меня. В сгущающихся сумерках прохожие перестали замечать, какой я странный. Сорок минут спустя я все еще шел и даже почти не сбавил скорость, только слегка задыхался от усталости.

В тот момент я думал о том, чем могла бы закончиться эта книга. Я вспомнил, что вокруг Ванкувера горы, и стал представлять себе безумные вещи. Я решил, что там должен быть вулкан, а в его кратере пещера, куда Ллойд Мэсси уносит награбленные деньги. Я думал о том, что Линда наверняка лежит полуобнаженная на раскаленных камнях и что она прикована к кольцу, вделанному в стену.

Из-за испарений вулканической лавы в пещерах был взрывоопасный газ. Поэтому Луи Горману пришлось оставить свой пистолет дома. Вместо огнестрельного оружия он вооружился арбалетом. Я представлял, как в финале Ллойд, пронзенный красной, но настоящей и очень опасной стрелой, упадет прямо в kloчочущее жерло вулкана.

- Умри, Ллойд Мэсси, отправляйся прямо в ад, - напутствовал его детектив Горман, а затем бросился к своей возлюбленной.

Иногда сквозь эти фантазии прорывались плохие мысли. Я снова думал о том, что, скорее всего, ничего не смогу изменить. Мне начинало казаться, что я просто опоздаю. Я хотел бы бежать, но я не мог – слишком плохо себя чувствовал.

Я все еще шел, когда мне навстречу проехала инкассаторская машина. Она ехала в магазин. После этого я слегка сбавил темп, так как точно узнал, что у меня есть еще двадцать минут.

Вскоре после встречи с машиной я дошел почти до того места, где все должно было случиться. Поселок Пальский здесь заканчивался. За заборами окраинных участков начинался перелесок, через него дорога шла в темноте. Машины там замедляли движение и переключали фары на дальний свет.

Я увидел старух издалека. Их легко было не заметить, но я точно знал, где они будут стоять, и не спутал их силуэты с придорожными кустами. Прямая встреча с ними была бы излишней, и я свернул на последнюю из маленьких улочек, ответвляющихся от центральной.

Мне повезло наткнуться на пустующий участок. На краю Пальского такие есть. Это шестисоточные участки, владельцы которых так и не построили себе дома. На некоторых из них есть огороды, другие поросли репьем. Вся эта земля кому-то принадлежит, но у некоторых владельцев не хватает времени даже на то, чтобы поправить забор.

Я пролез через брешь в очень старом плетне, прошел по кочковатому пустырю заброшенного участка и остановился. Впереди, в пятнадцати метрах от меня, были Тамара и Даздраперма. Я услышал, как они разговаривают с кем-то еще.

- Бойтесь, что я грабитель? - громко, весело спросил мужской голос.

Тамара что-то ответила. Ее слов я расслышать не мог.

Меня всегда завораживал момент, когда будущее становится действительностью. Я как-то умудрился прижать к себе арбалет больной рукой и полез на плетень. Лазать на плетни намного легче, чем на заборы. Даже в таком состоянии я смог достичь его верха. Поднявшись над изгородью, я увидел, как от двух старух отъезжает синий фольксваген.

Я был в темноте, совсем близко от двух убийц. Я смотрел на них, а они меня не видели. Меня не видел даже Вумква Свэф, тень которого сгустила мрак рядом с ними.

Я зарядил стрелу в арбалет.

- Вумква говорит, сейчас! - скомандовала Даздраперма. Тамара наклонилась и подняла спрятанную в придорожной канаве серебристую ленту проволоки. Даздраперма опустилась на корточки, но еще не придерживала рожки мины рукой.

Я поднял арбалет и приложил к его ложу фонарь. Луи Горман делал точно так же, когда с пистолетом врвался в темное помещение.

- Умри, Вумква Свэф, - прошептал я. - Отправляйся прямо в ад.

Ярко-белый луч света упал на обочину дороги. Старухи одновременно обернулись. Я помню их лица. Они были скорее удивленными, чем злыми. Свет слепил их. Тамара прикрыла глаза рукой. Даздраперма невидящим взглядом пялилась на меня. Прямо у них под ногами я увидел блестящую нить растяжки.

Я медленно опускал линию прицела, пока она не совпала с серебристой струной. Я знал, что у меня нет второй попытки. Я выстрелил. Долю мгновения красная игрушечная стрела с широким носом-липучкой неслась в воздухе, а потом раздался оглушительный взрыв.

Меня сбросило с забора. Контуженный, я лежал на спине, на грядках заброшенного огорода. А вокруг меня, как в замедленной съемке, падали поднятые взрывом камни, куски асфальта и глины. Вумква Свэф был разорван на части.

Шок заставляет людей не чувствовать боли. Оглушенный, совершенно ничего не соображающий, я вышел с заброшенного участка и вдоль по дороге пошел к тому месту, где прогремел взрыв. Он разрушил асфальтовое покрытие. Часть дороги превратилась в странную косую воронку. С одной стороны от нее стояла инкассаторская машина, с другой – автобус. Пассажиры, все одинаково перепуганные, толпой стояли у своего транспортного средства и смотрели на то, что осталось от Даздрапермы.

Только один из них заметил меня. Это был мальчик с серыми глазами. Помню, что встретил его взгляд и безумно улыбнулся, а он показал на меня пальцем и крикнул:

- Вон пострадавший, помогите ему!

Он видел меня. Он прорвал круг моего одиночества. Не того одиночества, с которым я справился в подвале Тамары и Даздрапермы, а простого человеческого одиночества, на которое меня обрекли родители и другие не верившие мне люди.

Теперь он мой лучший друг, и когда я касаюсь его руки, то иногда вижу, как он ругался с мамой.

ПАРАДОКСАЛЬНАЯ РЕАКЦИЯ

Эта совершенно реальная история случилась где-то в конце нулевых, в одном из спальных районов Москвы. Имена людей и названия улиц изменены – разумеется, с целью сохранения полной конфиденциальности.

Дима Шмель разглядывал лицо Вархапука сквозь стекло граненого стакана и думал о медленном ритме жизни. В стакане был чай – прозрачный светло-коричневый мир. Лицо кореша раскололось на четыре неравные части.

- Жарко, - сказал Толян Вархапук.

Он потел. Его кожа лоснилась. Нос чернел точками угрей. Тусклым взглядом он смотрел, как колышутся буфера Валечки Моргалкиной, когда она перекладывает с подноса на прилавок слоеные пирожки.

- Лето, - напомнил Шмель, - июль.

Они сидели в чебуречной «У дома». Солнечные лучи с трудом пробивались сквозь немытые окна, после чего обессиленно падали на бетонный пол. На соседнем засаленном столике стояла опустошенная кем-то пивная кружка. Валечка Моргалкина не обращала никакого внимания на очередь из трех человек, и та постепенно мрачнела.

Медленный ритм жизни. Вархапук попытался убить муху. Не попал, только тяжелые наручные часы звякнули о поверхность стола. У Вархапука толстые руки с распухшими пальцами. Его брюшко выпирает из-под серой майки и упирается в край столешницы. На майке – серп и молот.

Дима Шмель сделал глоток чая. Чай был теплый и несладкий. Он пах хлоркой и вообще недалеко ушел от воды из-под крана, которой Валечка Моргалкина мыла посуду. Дима понял, что пришло время озвучить мысль.

- Медленный ритм жизни, - изрек он.

- Чего? - переспросил кореш.

Кликухи у него не было. Когда-то в школе его дразнили пуком, потом хапугой, но все это не прижилось, так как сочное «Вархапук» было куда более неблагозвучным, чем любые кликухи. Другое дело – Димина еврейская фамилия Шмель. Она легко превратилась в простое «Шмель».

- Это то, что с нами происходит, - терпеливо объяснил Дима.

Толян пожевал губами.

- С нами ничего не происходит.

- Я это и имел в виду, - сказал Шмель, чувствуя, как прогорклый вкус хлорированного чая липнет к его горлу.

- Загнул, - неодобрительно проворчал Вархапук.

- Сиськи, - сообщил Шмель.

- У Моргалкиной? - с удовольствием уточнил Вархапук.

- Ага, - подтвердил Дима. - Ты смотришь на них двадцать лет, и ничего не происходит.

Лицо Толяна приобрело обиженное выражение.

- Ну, когда-то... - начал он.

- Это и есть медленный ритм жизни, - утрюмо оборвал его Шмель.

- Это позиция, - вынужденно согласился Вархапук.

Когда-то они все были одноклассниками: Шмель, Толян, Славик Вархапук — двоюродный брат Толяна, Кирилл Корпатов, Валечка Моргалкина и Саша Трубецкая.

Дима вспомнил девяносто первый год. Школа. Выпускной. Теплоход. Пиво с шампанским. Облеванное платье Моргалкиной. Толян, тонущий в Москве-реке, и Славик, по-собачьи плывущий к нему со спасательным кругом.

Потом была армия, барак, соленые шутки, вода, замерзавшая прямо в клозетах, автоматы без патронов, грузовики со свеклой, голые тела в озере, анаша, проститутка на КПП, три проворовавшихся генерала, страх, обида за родину и, наконец, дембель.

А потом все пошло не так. Саша села на героин. Славику прострелили башку. Корпатов перестал дружить с остальными, приподнялся и теперь рассекает на «мерсе».

Шмель отхлебнул хлорированный чай.

- Остались мы трое, - резюмировал он свои мысли. - Я, ты и Моргалкина. У нас медленный ритм жизни.

- Да, - согласился Вархапук. - Только мы трое.

Очередь начала ворчать, и Валечка, наконец, обратила на нее внимание.

- Что вам? - надменно бросила она. Ее зычный голос отразился от бетонного свода помещения и зазвенел в мутных окнах. С подоконника поднялись две мухи.

- Вон ту, с сыром, - елебно попросил бледный длиннолицый мужчина. Над его верхней губой топорщились черные гитлеровские усики.

- Старый гомик, - вслух подумал Вархапук.

Дима Шмель выхаркал из глубины горла чайную слизь, сплюнул на пол и снова стал вспоминать. 1994 – хороший был год. Они почти приподнялись. Один киоск держали сами, а еще шесть контролировали. Дима ходил с пушкой и давил на торгашей, Толян ездил на «девятке» и возил ящики с пивом, а Моргалкина сидела за кассой и не давала Толяну.

В 1996-ом, уже не таком хорошем году, их мелкий бизнес поглотил Гаврила Махач. Его руки в перстнях и глаза цвета стали много лет снились Диме в кошмарах. Вархапук и Шмель стали частью его банды. Но с Гаврилой надо было ездить на стрелки. Однажды Толян зассал и не поехал. После этого их с Димой выгнали из банды, а киоски остались у людей Махача.

Потом были джинсы – Толян привозил их из Турции. Потом палатка с цветами. После нее – швейцарские ножи.

Дима плеснул остатками чая в муху. Насекомое задергалось в коричневой лужице.

- Что ты делаешь? - брезгливо спросил Вархапук.

- Так, - ответил Дима.

И вот теперь не было уже ни джинсов, ни букетиков, ни ножей. Только медленный ритм жизни, больной желудок, из-за которого нельзя выпить пивка, нестоячий член, пустая кобура от пистолета, долги за квартиру и разговоры в чебуречной «У дома».

Дима Шмель поставил пустой стакан на засаленную поверхность стола и посмотрел на Толяна Вархапука. Тот что-то ощутил в его взгляде и начал нервно стрелять глазами по сторонам.

- Как финансы? - спросил Дима.

- Ну... - ответил Толян.

Помолчали.

- Нужна бизнес-идея, - сказал Шмель.

- Это позиция, - согласился Вархапук.

Дима крутил в пальцах граненый стакан.

- Я слышал, что в Англии появилась фирма, которая продает лобковых вшей, - начал Толян.

Шмель уставился на него.

- Серьезно, - сказал Вархапук. - Если кто-то хочет отомстить любовнице, то покупает лобковых вшей и выпускает ей в постель или на сиденье машины, или там куда-нибудь еще, чтобы они на нее переползли.

- И много продали? - спросил Дима.

- Не знаю. - Толян пожал плечами. - Попробуем?

- Поштучно или на вес? - уточнил Дима.

- В баночках. Сколько-то. Не знаю, - сказал Толян.

- И где ты их возьмешь? - поинтересовался Дима.

- Да у любой шалавы, - не задумываясь, ответил Вархапук.

- Пинцетиком будешь собирать? - предположил Шмель.

- Ну... - вздохнул Толян.

Помолчали. Дима перестал крутить стакан и большим пальцем почесал нижнюю губу.

- Может, надавить на кого? - вслух подумал он.

- На кого? - эхом откликнулся Вархапук.

Дима охватил внутренним взором их микрорайон.

- Помнишь, у зоомагазина на углу какой-то ффраерок черепашек продает? - сказал он.

- Не, - покачал головой Толян, - у него крыша.

- А-а, - грустно ответил Дима.

- А если по квартирам? - предположил Вархапук.

- Простой план, - согласился Дима, - но посадят.

- Ну... - засомневался Толян.

Дима криво улыбнулся. Толян сдался.

В чебуречную зашел щуплый краснолицый старичок. Он принес с собой запах водочного перегара. Старичка слегка трясло с похмелья. Над его верхней губой подрагивали седые усы.

- Ребята, не поможете? - обратился он к Диме с Толяном.

- Исчезни, - посоветовал ему Толян.

- Ну, пару рубликов, - стал клянчить старик, - мне всего-то чуть-чуть не хватает, на чекушечку прозрачной.

- Отвали, пьянь! - рявкнул Толян.

Краснолицый старичок встопорщил усы и погрозил ему пальцем.

- Я не пьянь, - возмутился он, - я дипломированный врач, хирург. Я спасал человеческие жизни. А ты кто?

Толян привстал со стула.

- Свободный предприниматель, - ответил он. - Стрекочи отсюда, пока я у тебя последнее не отобрал.

- Потихе, мальчики, - покровительственно прикрикнула Моргалкина.

Дима устало вздохнул. Медленный ритм жизни.

- Поколение ничтожных людей, - отходя, сказал старичок.

- Че? - спросил его в спину Толян. - Ты кого ничтожным назвал?

- Потихе! - уже строго крикнула Валечка.

Вархапук засопел и сел обратно за столик. Старичок обратился к Моргалкиной.

- Хорошая женщина, а хорошая женщина, - начал он, - защищаете меня. Ну, может, Вы, пару рубликов?

- У меня здесь своих денег нету, а в кассе все посчитано, - соврала Валечка.

Алкоголик ссутулился. Его била легкая похмельная дрожь.

Двери чебуречной снова хлопнули. Зашла замотанная в грязные синие тряпки бабка-побирушка. Дима вспомнил, что видел ее в подземном переходе у автовокзала.

- Че за отребье сюда шляется? - негромко возмутился Вархапук.

- Можешь начинать собирать вшей, - язвительно предложил Дима. Толян насупился.

- Валя, милочка, - с порога начала бабка, - денежку разменяете?

- Двадцать за тысячку, - бойко ответила Моргалкина.

Бабка вытащила откуда-то из-под груди черный целлофановый мешок и валом высыпала из него мелочь на прилавок. Несколько монеток соскочили вниз и разбежались по полу.

- Я соберу, соберу, - шатко наклоняясь, засуетился старичок-алкоголик.

- Че ты с ней вообще разговариваешь, Моргалкина? - крикнул Толян.

- А ты заткни хлебальник, - отшила его Валечка.

Бабка даже не обернулась. Быстрыми пальцами она сортировала монетки на несколько разных кучек. Моргалкина сосчитала десятки, потом пятерки.

- Шестьсот двадцать пять, - подытожила она.

- Че она так грубо? - расстроился Толян.

- Это бабка из подземного перехода, - сообщил ему Дима. - Шестьсот – неплохая прибавка к пенсии, да?

Он даже облизнулся. Вархапук понимающе посмотрел на него.

Моргалкина сосчитала двушки.

- Восемьсот сорок два, - подвела она.

- Рубликами-то еще больше выйдет, - сказала бабка. - Рублей кидали много. Все рублевый народ пошел-то.

- А че, ей и доллары кидали? - тупо спросил Вархапук.

Он шурился. Зрение у него было не очень.

- Они монетки в один рубль считают, - объяснил Шмель.

- Вот, вот, - полез к женщинам старичок, - собрал то, что раскатилось.

- Себе оставь, - ответила Моргалкина.

- Ай да Валечка, - засмеялась бабка, - деньги-то еще мои.

- Мне только два, два рублика, - жалобно сказал алкоголик, - на чекушку не хватает.

- Бери, - сказала бабка.

- Спасибо, добрая женщина, - ответил старичок и, счастливый, вышел на улицу.

- Тысяча двести с копейками, - закончила Валя Моргалкина. Бабка забрала из кучи две металлических десятки.

- И тысячу сто пятьдесят с тебя, - сказала она.

Моргалкина достала ей бумажки из кассы. Они рассчитались. Побирушка ушла. Дима наблюдал, как тридцатисемилетняя крикливая торговка, бывшая когда-то его одноклассницей, перекладывает мелочь в отсеки кассового аппарата.

- Сегодня вторник, и середина месяца, - сказал он, - и середина дня. Странно.

- Это ж не зарплата, - возразил Толян. - Как набрала, так и пошла менять.

Дима взял свой стакан и пошел к Валечке.

- Еще бы кипятку, - попросил он, - и маленький с яблоками.

- Ты платить когда будешь? - спросила Моргалкина.

- Валь, - Дима подмигнул, - рано или поздно.

- Ага, - усмехнулась она. Но чаю все-таки налила.

- Слушай, Моргалкина, - конфиденциально наклонился к прилавку Дима, - а эта бабка, побирушка, она часто сюда ходит?

- А тебе что? - спросила Моргалкина.

- Ты с этого кое-что имеешь, - улыбнулся Дима. - Мелочь, а приятно, да?

- Тебе-то что? - ухмыльнулась в ответ Валечка.

- Просто интересно, - облизывая зубы, ответил Шмель.

- Два раза в день, - сказала Моргалкина, - перед обедом и перед закрытием. Но это не только ее деньги, их там несколько работает.

- А крыша у нее есть? - спросил Шмель.

- Даже не думай. Не твой масштаб.

- Спасибо за чай, - поблагодарил Дима.

Он вернулся за столик.

- Чего это вы так тихо? - ревниво вскинулся Толян.

- Узнал кое-чего, - объяснил Дима. - Походу, побирушек две или три, и делают они вместе два с половиной косаря в день.

Вархапук закашлялся.

- Ты меня простебать решил, - осипшим голосом сказал он.

- Не мой стиль, - решительно отрезал Дима.

- Ну ни фиги ж, - подивился Вархапук. - И никакого дерьма с куплей, перепродажей, перевозкой.

- Простая схема, - согласился Шмель, - и чистая прибыль.

- Это позиция, - кивнул Толян.

Еще долго они сидели в задумчивости.

Несколько дней спустя Дима Шмель зашел в гости к Вархапуку. Тот жил один на первом этаже старого блочного дома, в двухкомнатной квартире, оставшейся у него после смерти отца и брата.

Дима позвонил в обветшалую дверь.

- Иду, - глухо отозвался Вархапук. И тут же его собачка Польша залилась пронзительным визгливым лаем. Польша была маленьким белым пуделем. Толян как-то пытался подарить ее Моргалкиной, но та заявила, что ей не нужна собака, и пудель остался у Вархапука. Они привязались друг к другу.

В подъезде дома царил жухло-желтый полумрак. Обивка на двери Толяна, дешевый черный кож-зам, вся была изрезана и неловко заклеена прозрачным скотчем. Вархапук так и не рассказал, что случилось, но длинные ровные швы ассоциировались у Димы со швейцарскими ножами.

- Прекрати, Польша, прекрати! - закричал за дверью Толян. - Прекрати, отдай!

Лай усилился.

- Сучка маленькая, - обругал Вархапук собаку.

Дима поскреб пальцем полосу скотча. За прошедший год клейкая лента рассохлась и уже готова была отвалиться. Год со швейцарских ножей. Медленный ритм жизни. Визгливый лай пуделя. Запах мусоропровода и прокисших щей.

Шмель ударил в дверь кулаком.

- Эй, Толян, - позвал он, - ты там идешь?

- Да сейчас, - ответил Толян.

Лай смолк. Щелкнул замок. Дима слегка толкнул дверь, но Вархапук держал ее изнутри.

- Не заходи, - попросил он. - Подожди минуту, потом заходи и иди на кухню.

В его голосе слышалось, что он чувствует себя полным идиотом.

- Что там у тебя? - спросил Дима.

- Псина утащила туалетную бумагу, - объяснил Вархапук.

Дима гоготнул. Было слышно, как его кореш шлепает по полу босыми ногами. Шаги удалились. Скрипнула дверь сортира. Дима открыл дверь и зашел в квартиру. Польша приветствовала его новым взрывом лая.

Весь пол был забросан бежевыми лентами туалетной бумаги. Она была самой дешевой, рубчатой и жесткой, со следами древесных волокон. Пудель передними лапами прижимал к полу обслюнявленные остатки рулона.

- Привет, Польша, - со скабрёзной улыбочкой сказал Шмель. Он предусмотрительно прикрыл дверь, чтобы глупая собака не убежала на лестничную клетку.

- Хватит ржать! - зло закричал из сортира Вархапук.

Хотя Дима уже перестал смеяться, после этой просьбы он снова хохотнул.

- На хрена ты еепустил в сортир? - спросил он.

- Я думал, ей надо по маленькому, - ответил Толян, - а эта сука хватать рулон зубами и ну его.

Дима представил, как Вархапук с грязной задницей и без штанов гоняется по квартире за маленьким белым пуделем. «Это извращенно», - подумал он.

По пути на кухню Шмель заглянул в одну из двух комнат квартиры. Там было пустынно. Посреди помещения лежали забрызганные штукатуркой планки отбитого плинтуса. Рядом с ними стояло ведро, в котором намертво засох обойный клей. Обои были поклеены только на одной стене, но с угла уже отвалились. Вархапук хотел продать эту квартиру, а на вырученные деньги купить две однокомнатных. Поэтому он делал ремонт. Уже третий год. Не слишком успешно.

- Медленный ритм жизни, - вслух подумал Дима.

На кухне витал запах паприки. На обеденном столе стояла пластиковая мисочка «доширака».

- Души рака. Ша, дурак. Душ и рак, - перебрал Шмель ассоциации.

- Че ты там говоришь? - крикнул Толян из туалета.

- Так, ничего, - ответил Дима. - Ты еще долго?

- Нет, - отдуваясь, обещал Вархапук.

- Я тоже жрал эту дрянь, пока не заработал язву, - крикнул ему Шмель. - Вот ты с толчка и не слезаешь.

- Ага, - согласился Толян. - Сейчас выйду, доем.

Окна квартиры были забраны решетками. Их поставил еще отец Толяна, как только они сюда въехали. Рукастый был мужик, на заводе работал – не то, что его сыновья.

- М-де, - пробормотал Дима Шмель.

Он облизнул зубы и принялся смотреть во двор. Из окна открывался вид на заставленную машинами дорогу между соседним многоэтажным домом и детской площадкой. На деревьях жухли от жары листья. За кустами белел верх трансформаторной будки.

В стекле Шмель видел полупрозрачное отражение собственного лица: загорелый лоб в морщинах, острые скулы, глубоко посаженные глаза. Его губы еле сходились над зубами, и от этого все время казалось, что он щерится.

По двору шел человек. Он переходил от одной машины к другой, нервно озираясь и заглядывая им в окна. Ему мешало солнце, и он складывал руки козырьком, чтобы лучше видеть, что находится в салоне.

Шмель немного знал про этого парня. Его все называли просто «идиот». Он считался чем-то вроде местной достопримечательности. Его мать умерла несколько лет назад, и теперь он жил только на пенсию по инвалидности.

У него был бзик – он заглядывал в машины. Здесь, и еще на паре соседних дворов. Дима даже не мог вспомнить, когда это началось. Пока они учились в школе, идиота, кажется, еще не было. Он появился позже, но с тех пор успел стать частью медленного ритма их жизни.

Пять шагов. Следующая машина. Идиот наклоняется и складывает ладони козырьком. В машине пусто. Юродивый с досадой взмахивает руками и идет дальше. Для него все автомобили равны: он заглядывает в маленькую зеленую «Оку», потом в «Ауди», в «Жигули», в дорогой «БМВ».

- Ну ты долго там? - проорал Шмель.

Дверь сортира скрипнула, и Толян Вархапук наконец-то покинул свою крепость. Подтягивая «аидасы», он зашел на кухню и плюхнулся за стол. Он не помыл руки, и Дима порадовался, что кореш забыл про приветствие.

- Тупая собака, - сказал Вархапук.

- В хозяина, - усмехнулся Шмель.

- Тебе весело, - огрызнулся Толян.

- Да ладно, расслабься уже, - отмахнулся Дима. - С кем не бывает. Оба прекрасно знали, что с Димой такого не бывает.

Толян принялся хлебать «доширак». Он использовал для этого большую ложку, будто ел нормальный суп. Из-за этого длинные сопли лапши постоянно ускользали от него.

- Как ремонт? - спросил Шмель.

- Идет, - ответил Вархапук.

- Я вижу, - сказал Дима.

- Так че спрашиваешь? - вскинулся Толян. Он никак не мог успокоиться после своего позора. Двери кухни были раскрыты, и за ними виднелся коридор в ошметках рулона.

- Просто, - примирительно объяснил Шмель.

- Нормально все, - скорее для себя декларировал Толян. - Вот будут деньги, куплю еще несколько рулонов обоев.

- Ты же брал штук десять, - заметил Дима.

- Они бракованные, - ответил Вархапук. - Пузырями идут от клея. Только несколько полос получились.

- А-а, - осознал Дима. - Ну ладно.

Он решил промолчать про отвалившийся угол.

- Может, тебе взять кредит, - предположил он. - Нанять рабочих. Они за месяц все сделают. Ты продашь квартиру, вернешь кредит и купишь две квартиры поменьше.

- Сам справлюсь, - буркнул Вархапук.

Он угрюмо посмотрел на кореша.

- Просто хотел помочь дружеским советом, - пожал плечами Шмель.

- Всегда спасибо, - поблагодарил Толян.

- Всегда пожалуйста, - отозвался Дима.

Помолчали. Шмель наблюдал за идиотом.

- Ты помнишь, сколько он так ходит? - наконец спросил он.

- Кто? - уточнил Вархапук. - Идиот?

- Да, - подтвердил Дима.

- Десять лет, - сообщил Толян.

- Ты каждый день видишь его из окна? - спросил Дима.

Кореш кивнул.

- И ничего не меняется? - поинтересовался Дима.

- Ходит и ходит, - сказал Вархапук. - На него с ментами даже пытались наехать. Он каждый день будит сигнализацию на машинах. Но он все равно ходит.

- Ты чувствуешь, что тоже сходишь с ума, когда смотришь на него?
- спросил Шмель.

- Нет, - удивился Толян, - а ты?

- Я думаю про медленный ритм жизни, - уклончиво ответил Дима.

- Все ты о своем ритме, - отмахнулся Толян.

Он наконец выловил последние червячки Ша-Дурака, встал и бросил пустую мисочку в мусорное ведро.

- Надо бы чего-то поделать, - вслух подумал Шмель. - Может, сходим в «У дома»?

- Можно, потом, - согласился Толян, - а сейчас мне надо погулять с Полькой.

- Давай, - одобрил Дима.

Асфальт плавился под солнцем. Полька бежала впереди и заливи-сто лаяла. Шмель снова увидел идиота. Тот закончил всматриваться в окна очередной машины и неожиданно повернул в их сторону.

- Эбята, ы нвидли ттокто пъехал? - обратился он к двум корешам.

- Мы тебе не ребята, - мрачно сказал ему Толян.

- Адди? - уточнил идиот.

- И не дяди, - разозлился Толян.

- Отвали, идиот, - приказал Дима.

Идиот постоял, молча всматриваясь в его лицо. Он не щурился, но его веки были расслаблены и глаза почти не видны за ресницами.

- Дгая шинка, - наконец решил он и пошел к следующей машине. Наклонился к боковому окну легковушки, сложил ладони над глазами, чтобы солнце не мешало смотреть, и долго вглядывался в полутьму салона. В машине, разумеется, было пусто. Идиот что-то пробурчал и пошел дальше.

- Кого он ищет? - спросил Вархапук.

- Того, кто приехал, - ответил Дима.

Они дошли до детской площадки и сели на лавочку. Обеденное время и жара разогнали всех детей.

- А кто приехал? - поинтересовался Толян.

- Он сам и «приехал», - ухмыльнулся Шмель.

Прошло пять минут. Полька помочилась на угол песочницы и на скат горки.

- Там же играют дети, - зачем-то сказал Дима.

- Плевать, - ответил Вархапук.

Дима смотрел, как желтые капли собачьей мочи скатываются по отполированному детскими попками металлу. Он облизнул зубы и перевел взгляд на идиота, потом на Толяна. Тот как будто дремал, придерживая конец поводка.

- Как насчет бизнес-идей? - разбудил его Шмель.

- Не знаю, - признался Вархапук.

- Нужно что-то простое, - сказал Дима. - Простой план, простая схема, быстрые деньги и чистая прибыль.

- Да, - согласился Толян.

- Тогда мы снова сможем приподняться, - закончил Шмель.

- Это позиция, - подтвердил Вархапук.

- Надо подумать, - решил Дима.

- Надо, - безропотно поддержал его Толян.

- У кого еще на районе нет крыши? - спросил Дима.

Вархапук долго молчал.

- А вот у этого, - наконец ответил он. - У идиота. У него ее точно нет.

- Я не в смысле психов, - сказал Шмель, - я в смысле бизнеса.

- И я в смысле бизнеса, - загорелся Вархапук. - Давай с него бабки отожмем.

Дима пожал плечами. Кореш почему-то воспринял его жест как согласие.

- Поводок поддержи, - попросил он.

Шмель принял поводок Польки у него из рук. Вархапук встал, подтянул «аидасы» и пошел за идиотом.

- Слышь, ты, эй, слышь, идиот, - позвал он, - иди сюда.

Тихий сумасшедший, сложив ладони козырьком, вглядывался в глубину салона очередной машины.

- Я с тобой говорю, - грозно заметил Толян.

Идиот повернулся к нему.

- Сколько тебе платят за то, что ты идиот? - спросил Вархапук.

- Нсию? - уточнил идиот.

- Пенсию, - подтвердил Толян.

- Омь тсяч, - наивно ответил идиот.

- Отстой, - сказал Вархапук. - Но все равно половину теперь нам будешь отдавать.

Юродивый долго смотрел на него сквозь щелочки между ресницами, потом доброжелательно улыбнулся.

- Бдные эбята, - посочувствовал он, - сем неденьг.

- Ты кого бедным назвал? - Вархапук толкнул его в грудь. - Есть у меня деньги, просто ты мне будешь свои отдавать, понял?

- Ньмгу, - сказал идиот, - да дгая.

Толян снова толкнул его в грудь. Идиот покачнулся, врезался спиной в машину. У той сработала сигнализация. На детской площадке визгливо залаяла Польшка.

- Ньмгу, - повторил идиот.

- Эй! - заорал с балкона какой-то мужик. - Отойдите от моей тачки!

- Иди к черту! - гаркнул в ответ Вархапук.

Он повернулся и вразвалку пошел обратно.

- Сам иди к черту, - донеслось ему в спину.

Дима сидел на лавочке, держал поводок пуделя и кисло наблюдал за поражением кореша.

- Ну что, - спросил он у Толяна, - узнал?

- Восемь тысяч он получает, - ответил Вархапук, забирая поводок Польки.

- Отстой, - сказал Шмель.

- Ага, - согласился Вархапук.

Дима смотрел, как юродивый снова бредет от машины к машине, наклоняется, заглядывает внутрь, бормоча странные заклинания, понятные только ему одному.

- Такой он бесполезный, - вслух подумал Дима.

- Да вообще, - поддержал Толян. - Даже бабло с него не отожмешь.

- Но можно что-нибудь придумать, - медленно возразил Шмель.

- Отжимать понемногу со всех инвалидов? - спросил Вархапук.

- Нет, - отмахнулся Дима, - конкретно насчет него.

- Да ну? - не поверил Толян.

- Он же в машины заглядывает, - сказал Дима Шмель. - Что, не сечешь? Ни одной не пропускает.

- Хочешь его приспособить, - догадался Вархапук.

Дима одобритительно кивнул.

- Сечешь? - снова спросил он.

- Магнитолы, что ли, вытаскивать? - разочаровал его Толян.

- Да ты че? - огорченно сказал Шмель. - Его загребут через полчаса.

- Тогда что? - тупо поинтересовался Вархапук.

- Помнишь на днях бабку в чебуречной? - ответил Дима.

- У них крыша, - возразил Толян.

- Поэтому я и не предлагаю наезжать на них, - доходчиво объяснил Шмель. - Я предлагаю сварганить нашего нищего. Сечешь?

- Ты гений, - восхитился Вархапук. - Вот это позиция.

- Простой план, - сказал Шмель.

- А не попрут из перехода? - усомнился Толян.

- Дурак, - ласково обозвал его Дима, - кто говорит про переход? Вархапук не обиделся, только зачарованно смотрел на него.

- Машины, - напомнил Дима. - Он заглядывает в машины. Видел когда-нибудь побирушек в пробках? Идут от автомобиля к автомобилю.

- Ты вообще гений! - воскликнул кореш. - Он же не устает за целый гребаный день. Он как автомат.

Дима победоносно оскалился.

- И смотри, какие плюсы, - сказал он. - У него свой интерес, поэтому все бабки он отдает нам. Не нужно ему платить за работу.

- Точно, - выдохнул Толян.

- Во-вторых, - продолжал Шмель, - народ в машинах все-таки побогаче, чем в переходе. Сечешь?

- Ты просто мозг, - продолжал поражаться Вархапук.

- И, в-третьих, - закончил Дима, - никаких конфликтов. Неосвоенная сфера рынка.

- Офигеть, - согласился Толян.

- Мы еще приподнимемся, - обещал Дима Шмель.

- Это позиция, - сказал Вархапук.

Дима рассмеялся и дружелюбно стукнул его в плечо.

- А теперь пошли с ним поговорим, - предложил он.

- И че мы ему скажем? - спросил Толян.

- Сейчас увидишь, - обещал Шмель.

Они уже шли в сторону идиота по мощеной садовой плиткой дорожке.

- А потом, - конфиденциально наклоняясь к корешу, продолжал Шмель, - мы просто вешаем ему на шею пакетик. Он ходит и заглядывает в тачки, а ему туда бросают монетки.

- Ты мастермайнд, - сказал Толян.

Дима довольно осклабился.

- Только без бычки, - предупредил он. - Деловые переговоры.

- Окей, - согласился Вархапук.

- Идио-о-от, - позвал Шмель, - подойди сюда, не обидим больше.

Про машины поговорим.

- Шинки, - тут же отозвался идиот.

Он послушно заспешил к корешам.

- Ты заглядываешь в машины, - утвердительно сказал ему Дима.

- Гльдую шинки, - согласился идиот.

- И ничего не можешь найти, - сказал Шмель.

Юродивый молчал. Его лицо вытянулось, губы задрожали, и вдруг он заплакал. Он плакал молча, только иногда подтягивал сопли носом. Его реакция оказалась такой внезапной, что кореша опешили.

- Тото пьехал, - сквозь слезы пробормотал идиот, - аяньмгу, ньмгу айти го.

Шмель и Вархапук переглянулись.

- Совсем каша во рту, - констатировал Толян.

Но у Димы был простой план.

- Ты ищешь неправильно, - сообщил он.

- А? - удивился идиот.

- Здесь всего двести машин, и они одни и те же, а там, на улицах, - Дима сделал характерный жест, - вот как много.

- Гениально, - прошептал Вархапук.

- Нальцах, - повторил идиот.

Он перестал плакать. Мокрые дорожки блестели на шелушащейся коже его щек.

- Нальцах, нальцах, пду нальцы, - он повернулся и сделал несколько шагов в направлении подворотни ведущей со двора.

Дима чертыхнулся.

- Да стой ты, идиот! - закричал он. - Ты не дослушал.

Юродивый обернулся.

- Мы тебе помочь хотим, - сказал Дима.

- А, - ответил идиот.

Шмель нагнал его.

- Речь не про эти улицы, - объяснил он. - Я про большие улицы говорю. Большие, очень большие, огромные. Там тысячи машин.

Он развел руками, чтобы объяснить недоумку, как много всего на больших улицах. Идиот смотрел на него, и казалось, что щелочки между его расслабленными веками стали немного шире, чем раньше.

- Мы тебя утром будем отвозить на перекресток, - продолжал Дима. - Там машины останавливаются на красный свет. Ты будешь ходить и заглядывать в них.

Идиот молчал.

- Много-много машин, ты таких еще не видел, - добавил Шмель, всматриваясь в глаза-щелочки юродивого.

- Сибо, бята, - вдруг заулыбался идиот, - сибо бята, ткирошие, рошие.

Он шагнул к Диме и обнял его. От идиота пахло луком. Шмель отстранился. Толян за спиной идиота скорчил гримасу омерзения. Дима на нее не ответил.

- Значит, по рукам, - почти на ухо идиоту сказал он.
- Сибо, - продолжал благодарить юродивый.
- Девять утра, - сказал Дима. - Знаешь, что такое девять утра? Часами пользоваться умеешь?
- Наю, - ответил идиот.
- Завтра, - обещал Дима, - в девять утра выходи на детскую площадку. Мы тебя отвезем на большой-большой перекресток, где много-много твоих шинок. А вечером мы тебя заберем оттуда.
- Сибо, бята, - закивал идиот, - пду, пду.
- Придет, - невольно перевел Толян.
- Ну и славно, - сказал Шмель.
Ему наконец удалось освободиться от объятий недоумка.
- Пока, идиот, - скорчил он улыбочку, - до завтра.
- Дза, - ответил идиот, - пду, деять. Деять пду. Шинки ого.
Полька визгливо залаяла.
- Пока-пока, - повторил Дима Шмель.
Они с Толяном оставили идиота во дворе и через подворотню пошли к подъезду Вархапука. Белый пудель бежал впереди.
- Ну ты просто... ты просто... - захлебывался Толян.
- Простой план, - отмахнулся Дима, - простая схема.
Толян замахал руками, показывая свое восхищение.
- Ну что? - спросил Дима. - Теперь в чебуречную?
- Ага, - согласился Вархапук.
Лыба вдруг сползла с его лица.
- А Валечке скажем? - поинтересовался он.
- Не, она не одобрит, - ответил Дима.
- Это позиция, - подтвердил Толян.
На том и порешили.

Когда без трех минут девять Дима Шмель вышел во двор, идиот уже был там. Он стоял на краю детской площадки и держал в руках большой зеленый пластиковый будильник из тех, что по сто рублей продают на рынке. Дешевые часы смиренно тикали.

- Деять, деять, - повторял юродивый.
Потом он увидел Диму и заулыбался.
- Я бьялся ты пштил, - благодарно начал он, - ад ной се пштят.
- Я не все, - ответил Дима, - и я не шутил.
- Сибо, - улыбнулся идиот, - роший рень, сный рень.

- Да, я хороший, честный парень, с детства в Сашу Белого пошел, - подтвердил Дима. - Двигаем.

Через подворотню они прошли на другую сторону дома. Там Толян заводил свою выдавшую виды «девятку». Заднее сидение этой машины все еще пахло пивом, хотя киосковый бизнес корешей давным-давно накрылся.

- Садись, - приказал идиоту Дима.

- В шинку, - чего-то вдруг испугался идиот.

Дима сморщился. Он не подумал, что у юродивого могут быть проблемы с ездой на автомобиле. Но все обошлось.

- Это не та шинка, - сказал Дима, - не та, которую ты ищешь.

- На ней мы ездим! - крикнул из окна Толян.

И идиот успокоился. Он забрался на заднее сидение, неловко сложил руки на коленях и всю дорогу сидел, почти не шевелясь, с зажмуренными глазами.

В качестве места для пробы Дима и Толян выбрали лишенное развязки пересечение Разимировского проспекта и Южной улицы. В половине десятого утра здесь уже была огромная пробка. Толян въехал двумя колесами на тротуар и остановил машину.

- Приехали, - Дима обернулся к идиоту.

Тот зашевелился и приоткрыл глаза.

- Пъехали? - переспросил он.

- Да, - подтвердил Шмель, - вылезай.

Они выбрались из машины. Улица шла под горку. С того места, где они остановились, было хорошо видно уходящую вдаль пробку и кипящий автомобилями перекресток. Было еще рано, но солнце уже припекло. Над дорогой, в плавающем мареве горячего воздуха, стелился черный туман угарного газа.

- Шинки, - пробормотал идиот.

Он пошел вперед, как обезьянка, загипнотизированная взглядом удава. Шмель поймал его за плечо.

- Не так быстро, - сказал он.

- Шинки, - повторил идиот.

Толян достал целлофановый пакет

- Тебе кое-что нужно, - терпеливо объяснил юродивому Дима, - это вроде как волшебные вещи, как в сказке.

Идиот чуть шире приоткрыл глаза.

- Саске? - увлеченно повторил он.

- Да, как в сказке, - согласился Дима. - Чтобы ты нашел свою шинку, будешь носить это.

Он достал из пакета табличку на веревочке: «Бедный сумасшедший. Инвалид. Подайте». Прямо к табличке была винтом прикручена консервная банка. Дима повесил конструкцию идиоту на шею. Тот удивленно пощупал картонку, но сопротивляться не стал.

- Тебе туда люди из машин будут монетки кидать, - предупредил Дима. - Это они на удачу.

- Ачу, - улыбнулся идиот, - сибо.

- Ты эти монетки потом нам отдашь, - добавил Толян.

- А, - согласился юродивый.

Дима Шмель снял со своей головы белую кепку и нахлобучил ее идиоту на голову.

- Теперь иди, - позволил он.

Идиот пошел в пробку.

- А кепка зачем? - удивился Толян.

- Если он получит солнечный удар, мы не получим денег, - объяснил Шмель.

- Предусмотрительно, - одобрил Вархапук.

Они смотрели, как идиот идет сквозь пробку. Он останавливался у каждой машины, нагибался и заглядывал внутрь. При этом консервная банка негромко звякала о борт автомобиля.

- Ему подадут? - спросил Толян.

- Не видно за машинами, - сказал Дима.

От некоторых автомобилей идиот почти шарахался, на другие досадливо махал руками. Табличка немного съехала на бок, но он не обращал на это внимания.

- Слышь, - вдруг спросил Вархапук, - а че будет, когда машины поедут?

- Он отойдет, - безо всякой уверенности ответил Шмель.

- Ну да, - безо всякой уверенности согласился Толян.

Идиот не отошел, когда машины тронулись. Он остался стоять посреди дороги.

- Шинки, шинки, шинки жают, шинки жают! - вопил он, размахивая руками.

- О черт, - сказал Дима.

Машины притормаживали и гудели, объезжая слабоумного. В несколько из них ему удалось заглянуть.

Дима побежал вдоль дороги.

- Идиот! - кричал он. - Идиот, иди сюда!

- И жают, - громко пожаловался юродивый, - ньжайте шинки, ойте, янь омотрел!

Одна из легковушек подрезала идиота, и тот повалился на ее капот. Водитель высунулся из окна автомобиля.

- Уйди с дороги! - закричал он. - Ты чего творишь!

- Идиот, ко мне! - продолжал надрываться Дима.

Юродивый, наконец, его послушался. Остановив еще две машины, он вышел с шоссе на тротуар. Шмель схватил его за плечо и оттащил от края.

- То? - спросил идиот. - Му шинки жают?

- Давай так, - задыхаясь после бега, ответил Дима, - все машины, которые едут, это не та машина, которую ты ищешь.

- Ак? - не понял слабоумный.

- Как только ты видишь, что машины поехали, - сказал Дима, - ты уходишь с дороги.

- Му? - спросил идиот.

- Потому что иначе одна из них тебя раздавит, и ты никогда не найдешь то, что ищешь, - зло объяснил Дима.

К ним подошел запыхавшийся Толян.

- Авит, - испугался идиот.

- Да, раздавит, - подтвердил Шмель. - Будешь красной лепешкой, куском мяса, понял?

- Ама ак же рила, - заплакал юродивый, - ни ди а рогу.

- Чего? - не понял Толян.

- Мама говорила ему не ходить на дорогу, - перевел для кореша Шмель.

- Я ду а рогу, - продолжал плакать умалишенный, - ам шинки, а шинки дут, и я епешка.

- Твоя мама не совсем права, - набираясь терпения, сказал Дима.

- А? - обрадовался идиот.

- Когда шинки стоят, - объяснил Дима, - на дорогу идти можно.

- Ожно, - понял идиот.

- А когда шинки едут, - продолжал Дима, - с дороги нужно уйти.

- Ти, - повторил юродивый.

- Все понял? - спросил Дима.

- Онял, - подтвердил идиот, - шинки дут, я ти.

- Молодец, - одобрил Шмель.

Его вдруг осенило.

- И еще, - сказал он, - бывают злые машинки.

- Лые? - переспросил идиот.

- Белые с синей полосой, - объяснил Дима. - Увидишь такую - тут же уходи с дороги.

- Аче епешка? - уточнил идиот.

- Да, - сказал Дима.

Поток машин снова остановился, и Дима подтолкнул слабоумного обратно к дороге.

- погоди, - остановил его Толян.

Он запустил руку в консервную банку. На дне ее что-то звякнуло. Вархапук довольно осклабился, потом его лыба завяла. Он вытащил две монеты: рубль и копейку.

- Нетки а-ачу, - обрадовался идиот, - е али нетки а-ачу.

- Как-то мало, - пробормотал Толян.

- Это же только начало, - возразил Дима. - Сколько он машин обошел?

- Тридцать-сорок, - предположил Толян.

- За день будет в сто раз больше, - сказал Дима.

- То есть сто рублей? - уточнил Вархапук.

- Что ты знаешь о теории вероятности? - отмахнулся Шмель. - Сто машин ничего не дадут, а из сто первой кто-нибудь кинет пятидесятку. Бывает же такое.

- Ну, положим, - с надеждой согласился Толян.

- В любом случае мы ничего не теряем, - обнадежил его Дима.

- Это позиция, - подтвердил Вархапук.

На том и порешили.

Вечером, в сумерках, Дима, Толян и идиот сидели в девятке. Все трое одурели от жары, угарного газа и уличного шума. Тем не менее, казалось, что день прошел не так уж плохо. Идиот научился вовремя уходить с дороги. От «злых» бело-синих полицейских автомобилей он бежал как от чумы.

Вархапук включил освещение салона и погремел деньгами в банке.

- Куча не такая большая, как у бабки, - вздохнул он.

- Давай посчитаем, - предложил Дима, - узнаем.

- Окей, - согласился Толян.

Он перевернул конструкцию, и монеты из банки валом высыпались на картонку.

- Чо ы лате? - спросил идиот. - Муньедем?

- Твою удачу считаем, - ответил Шмель.

- Ачу, - улыбнулся идиот, - ача нетки.

- Не отвлекай, - попросил его Толян.

Замолчали. Кореша считали деньги намного медленнее, чем Моргалкина с побирушкой.

- Женское это дело, - то и дело сопел Вархапук.

- Складывай простые числа, - советовал в ответ Дима.

Прошло пять минут.

- Семьдесят с копейками, - наконец закончил Шмель. - А у тебя?

- Сейчас, - отозвался Толян.

Он пожевал губами, складывая в стопку последние двушки.

- Пятьдесят, - наконец осилил он.

- Сто двадцать рублей, - подытожил Дима.

Вархапук тяжело вздохнул.

- Че-то не то, - сказал он.

Дима обернулся к идиоту.

- Эй, - сказал он, - слышь, ты. Ты монетки не прятал?

- Еа, - ответил идиот.

- Если ты хоть одну спрятал, - предупредил Дима, - я тебя просканирую волшебным глазом, найду ее и испепелю тебя другим волшебным глазом.

- Еада нироать! - вскрикнул идиот. - Ерятал.

- Врет он, - строго сказал Толян.

- Во-первых, противно обыскивать, - возразил Дима, - а во-вторых, он же идиот. Ничего он не прятал.

- Ерятал, - ревел идиот.

- Заткнись, - зло сказал ему Толян.

Юродивый замолчал.

- Ну ничего, - оптимистично решил Дима, - первый блин комом. Завтра приедем чуть пораньше, уедем чуть попозже. Наберем больше.

- Это позиция, - неуверенно согласился Вархапук.

- Простой план, - подтвердил Дима.

Двадцать минут спустя, высадив успокоившегося идиота, они повернули на свою улицу. Здесь почти не было машин. Вслед за их «девяткой» с проспекта свернул только один джип. Уличные фонари еще не зажглись, и в сгущающемся сумраке большая машина казалась серебристым зверем с горящими глазами-фарами.

- Может, по чайку? - спросил Толян.

Они проезжали мимо чебуречной. Помещение за грязными окнами заведения было залито тусклым светом. Было видно, как Моргалкина протирает тряпкой противни.

- Поздновато, - возразил Дима. - И не надо ей знать, что мы весь день были заняты.

- Окей, - согласился Вархапук.

Он повернул к своему дому. Зажглись и спросонок заморгали уличные фонари. Джип снова свернул вслед за «девяткой» Толяна. Дима вдруг почувствовал, как у него что-то тянет и сосет внутри. Это было похоже на гастрит, но Шмель прекрасно знал, что ощущение связано не с желудком, а с большим джипом.

- Слышь, Толян, - сказал Дима, - езжай-ка ты дальше.

- Чего? - притормаживая, не понял Вархапук.

- Дальше, - тихо и настойчиво потребовал Дима. - Чего этот джип за нами едет?

- Да ладно тебе, - удивился Толян. - Мало ли машин вокруг?

- Езжай, - повторил Шмель.

Толян продолжал притормаживать, и джип посигналил им, чтобы они уступили дорогу.

- Вот видишь, - сказал Вархапук, - он просто едет.

Он свернул на обочину и запарковался. До его подъезда оставалось десять метров. Джип медленно пополз мимо.

- Зайти хочешь? - спросил Толян. - Я тоже чай сделаю, уж получше, чем у Моргалкиной.

Дима не ответил. Джип объезжал их слева. Его окна были открыты. Рядом с водителями сидел парень в красной бандане.

- Эй, пацаны, - обратился он.

Джип остановился. Толян обернулся.

- Чего? - спросил он.

- Рви! - рявкнул Шмель.

Но было поздно. Машины стояли бок о бок. Парень высунулся из окна своей тачки, жилистой рукой схватил Вархапука за ворот майки и дернул на себя. Ткань затрещала. Толян взвизгнул и, цепляясь за руль «девятки», попытался отстраниться, потом обмяк.

- Гляделки выколю, - предупредил парень. В его второй руке как по волшебству появился нож-бабочка. Лезвие смотрело Толяну прямо в зрачок левого глаза.

- Это позиция, - прохрипел Вархапук.

- Спокойно, - покровительственно выдохнул Дима. - Все можно уладить и обо всем можно договориться.

- Чудненько, - отпуская Толяна, сказал парень. Ловким движением пальцев он сложил нож.

- Так в чем проблема? - спросил Дима.

- Ваш нищий на нашем перекрестке, - ответил парень.

- Да ладно, - еле слышно возмутился Вархапук, - перекресток-то не подписан.

- А район подписан, - ответил парень. - Слышь, ты, жирный, еще пара таких фраз, и я просто гранату вам в машину брошу.

- А может, это, - предложил Дима, - произведем слияние.

- Чего? - не понял парень.

- Может, примете нас в банду? - объяснил Шмель. - Мы крутые, под Гаврилой Махачем стояли.

Парень загоготал.

- Ты слышал? - обратился он к своему водителю. - Это муйло под Махачем стояло и гордится.

Дима скис. На Толяна и вовсе было жалко смотреть.

- Во-первых, - сказал парень, - Махача с говном съели семь лет назад, и все из его банды, кто хоть чего-то стоил, легли на стрелке вместе с ним. Втыкаешь?

- Втыкаю, - бледно подтвердил Дима.

- А во-вторых, - продолжал парень, - я вообще не верю, что такой отстой, как ты, под кем-нибудь когда-нибудь стоял.

Дима угрюмо молчал.

- За базар... - дрожащим от страха голосом начал Толян.

Дима закатил ему оплеуху. Толстые щеки кореша громко булькнули.

- Вот-вот, - согласился парень, - думай, с кем про базары говоришь. Он немного более уважительно взглянул на Диму.

- Вижу, ты чуток соображаешь, престарелый фраер, - сказал он.

Шмель рассматривал руль девятки и ждал.

- Так вот, - продолжал парень, - условие простое. С точки, то есть с перекрестка, нам штука в день.

Дима облизнул зубы.

- Но... - попробовал возразить он.

- Я не договорил, - холодно заметил парень.

Повисла пауза.

- Так вот, - снова начал парень, - все, что сверху — вам на прокорм. А если не набрали, то платите, как хотите, хоть жопой своей старой. А не заплатите, ноги вамотрежем.

- Ага, - слабо согласился Дима.

- Чудненько, - сказал парень. - На том и порешили.

Он протянул руку. Вархапук шарахнулся от нее, как будто она была самой ядовитой змеей на планете. Прошло несколько секунд. Парень пошевелил пальцами.

- Косарик забыли, - напомнил он.
- Да мы не набрали, - простонал Шмель.
- По карманам пошарь, - предложил парень.
В ход пошло все, даже три мятые десятки из бардачка.
- На первый раз сойдет, - наконец, смягчился парень. - Пока, фразочки.
Его водитель тронул машину. Кореша тоскливо смотрели им вслед.
- У них простой план, - промямлил Дима Шмель, - и чистая прибыль.
- Это позиция, - вынужденно согласился Вархапук.

Пять дней спустя идиот снова ходил по двору, заглядывая в хорошо ему знакомые пустые машины. А Шмель и Вархапук сидели в чебуречной «У дома». Дима рассматривал лицо кореша сквозь стекло граненого стакана. В стакане был хлорированный чай.

- Ну вот, - как бы подытоживая, вздохнул Толян.
- Да, - сказал Дима.
Помолчали.
- Как наши финансы? - спросил Дима.
- С нас отжали уже четыре косаря, - страдальческим голосом доложил Вархапук.
- А заработали мы? - поинтересовался Шмель.
- Пятьсот? Шестьсот? - неопределенно взмахнул рукой Толян.
- Расходы не покрывают убытки, - сказал Дима.
- Очевидно, - отважился на иронию Толян.
Дима опустил стакан на поверхность стола. Тот тихо звякнул.
- А идея казалась... - вслух подумал он.
- Гениальной, - закончил за кореша Вархапук.
- Да, - подтвердил Шмель, - простой был план.
Помолчали.
- Ну... - вздохнул Толян.
Дима отпил немного чая. Тот был уже стылым и горчил.
- На каждый простой план находится другой простой план, - вслух подумал Шмель.
- Ты про то, как с нас отжали бабло? - уточнил Вархапук.
- В общем, да, - подтвердил Дима.
- Да хрен с ним, - неожиданно решил Толян, - хрен с ним, с этим перекрестком и с этим идиотом. Найдем что-нибудь еще.

- Они знают, где мы живем, - бесцветным голосом сказал Шмель.

- Ну, - замялся Вархапук, - мы просто не будем больше ставить идиота на перекресток. И они не будут больше нас отжимать.

- Наивный ты, - жалостливо покачал головой Дима. - Выход из бизнеса всегда предполагает выплату неустойки.

- Это позиция, - согласился Толян.

Он с надеждой посмотрел на кореша.

- Ну ничего, - сказал он. - У Моргалкиной есть накопления.

- Наивный ты, - повторил Дима.

- Да одолжит она нам, - засопровтивлялся Толян.

- Не в Моргалкиной дело, - усмехнулся Шмель, - а в том, что тот парень все четко сказал. Что да как.

- Ничего он не сказал, - занервничал Вархапук.

- Он сказал, ноги, - спокойно напомнил Дима.

Толян пожевал губами.

- Ты мрачно смотришь на мир, - обвиняющим голосом заявил он, - ты пессимист.

- Я реалист, - ответил Шмель.

Толян засопел и тоже стал смотреть на стакан с хлорированным чаем.

- На каждый простой план находится свой простой план, - задумчиво повторил Дима.

- И на наш, - безрадостно подтвердил Толян.

- А я уже не о том, - отмахнулся Шмель. - На наш план был их план, значит, на их план должен быть новый наш план.

- И после этого с нас будут отжимать уже по два косаря в день? - зло спросил Вархапук. - И вообще, идея твоя. Твои и проблемы.

Дима медленно поднял голову и остановил свой отяжелевший взгляд ровно на переносице кореша.

- А кто мне осанну пел? - тихо спросил он.

Толян съежился. К тому же он не знал, что такое осанна.

- Ты меня быковать будешь? - пытаюсь перейти в нападение, испуганно поинтересовался он.

- Друган, - сказал Шмель, - за базар ответить готов?

Толян сглотнул и ничего не ответил.

- Вместе, - сказал Дима. Казалось, он вынимает слова из своего горла и кладет их на стол рядом с граненым стаканом, как тяжелые длинноствольные пистолеты. Они гулко стучались о доски столешницы, и та начала медленно прогибаться под их тяжестью. - Вместе мы с тобой влезли в это дело, друган, вместе и вылезать будем.

- Да я... - ответил Толян. - У меня разве позиция?..

- Вот-вот, - согласился Дима Шмель.

Помолчали.

- Я говорил, - напомнил Дима, - что на их план должен быть наш новый план.

- Говорил, - бледным голосом подтвердил Толян.

- Вот и подумай, - предложил ему Дима, - как усовершенствовать наш бизнес, не выходя за рамки договора с крышей.

Вархапук долго и честно думал.

- Найти еще одного идиота, - наконец, предложил он, - и поставить его на другой перекресток.

- Тебя, что ли? - спросил Шмель.

Толян насупился.

- Тогда с нас будут брать уже два косаря, - терпеливо объяснил Дима, - и ситуация станет только хуже. Он же сказал: косарь за точку, то есть за перекресток.

- Точно, - сообразил Толян.

Помолчали.

- Почему старушки в переходе зарабатывают, а наш идиот не зарабатывает, вот в чем вопрос, - сказал Дима.

- А если поменять табличку? - слегка оживился Толян.

- На какую? - спросил Дима.

- Что-нибудь со словом «жертва», - предложил Вархапук.

- Типа? - уточнил Шмель.

- Жертва операции на мозге, - выдал Толян. - Жертва черепной травмы. Ну, там, как жертва ЧП на Чернобыльской АЭС.

- Жертва кирпича, упавшего на голову, - передразнил Дима.

Толян совсем скис и замолчал.

- На самом деле, - признал Дима, - идея с табличкой не так плоха. Только надо нормально подумать, что там написать.

Он сделал еще глоток чая. Тот окончательно остыл и был таким хлористо-горьким, что прочищал мозги.

- С табличкой, - сказал Дима, - ты мыслил в верном направлении. А с ее содержанием — в неверном направлении.

Толян молчал и куксился. Шмель проигнорировал выражение лица кореша и продолжал.

- А знаешь, почему ты мыслил в неверном направлении? - поинтересовался он.

Толян пожал плечами.

- Я что, сам с собой говорю? - вдруг разозлился Дима.

- Да нет, как бы со мной, - промямлил Толян.

- Тогда соберись, - приказал Шмель корешу. - Я, между прочим, придумываю сейчас, как тебе сохранить твои ноги.

Вархапук страдальчески вздохнул.

- Так вот, - сердито продолжал Дима, - травма черепа и все остальное. Ты это говоришь потому, что знаешь, что он идиот.

- Ну да, - вяло согласился Толян.

Дима молча смотрел на него. Толян поднял глаза, и в его лице что-то переменялось.

- Они думают, что он притворяется, - сообразил он.

- Бинго, - сказал Дима. - От твоих мозгов еще кое-что осталось.

Толян снова насупился, но больше не кис.

- Божий человек. Подайте ради Христа, - изрек он.

- Чего? - опешил Дима.

- Это я табличку предлагаю, - объяснил Толян. - Если не верят, что он идиот, то и бессмысленно писать о мозге, так?

- Да, - согласился Шмель, - бессмысленно писать там все, что угодно. Знаешь, почему?

- Потому что они видят просто здорового, очень тупого парня, который ходит, мычит и размахивает руками, - догадался Толян.

Дима мрачно кивнул.

- Старушка в переходе вызывает намного больше жалости, - сказал он, - потому что она старушка.

- И что же нам делать? - плаксиво спросил Вархапук.

- Давай отрежем ему ноги, - вдруг предложил Дима Шмель.

Толян безрадостно ухмыльнулся.

- А что, - сказал он, - это бы сработало.

- Я не шучу, - пояснил Дима.

Лыба медленно сползла с лица кореша.

- Отрезать ему ноги? - переспросил он.

- Да, - отрывисто подтвердил Дима. - Тогда они поверят.

- Это позиция, - пробормотал Вархапук.

- Или ноги отрежут нам, - напомнил Шмель. - Зато зарабатывать станем как люди.

Толян слегка побледнел.

- Не, - воспротивился он, - плохой вариант. Я на них хожу.

- Да и зачем ему ноги? - продолжал Дима.

- Чтобы по двору круги наматывать? - утрюмо ответил Толян.

- Перестанет шлаться где попало, - добавил Дима. - Ему же будет лучше. Перестанет будить сигнализацию на чужих тачках. Он уже весь двор достал.

- Надо обдумать все плюсы и минусы, - медленно сказал Вархапук, - все за и против.

- Это простой план, - сказал Дима.

- А как он будет двигаться в пробке? - спросил Толян. - Без ног-то?

- Будем катать его в коляске, - предложил Шмель. - Или сам будет кататься. Инвалиды же это могут.

- Ну да, - одобрительно согласился Вархапук.

Дима облизнул зубы.

- И слово «жертва», - сказал он, - теперь подойдет.

- Жертва чеченской войны, - со вкусом выдал Толян.

- Бинго, кореш, - похвалил Дима. - Вот это настоящая бизнес-идея.

- Это позиция, - согласился Толян.

Они снова помолчали – но на этот раз в воздухе царила атмосфера великих свершений.

- Слышь, Шмель, - нарушил тишину Вархапук, - а как мы это сделаем? Бензопилой там, или топором?

- А он не сдохнет? - спросил Дима.

- Не знаю, - ответил Толян.

Они не на шутку задумались. Дима почему-то представил, что все произойдет у Вархапука в ванной. Рев бензопилы, плач и вопли юродивого, брызги крови, летящие до потолка. Крик Толяна: «Быстрее, Шмель, быстрее! Он вырывается!» И наконец, во внезапно наступившей тишине, глухой влажный звук, с которым отпиленная нога падает на дно ванны.

Диму слегка затошнило. В три глотка он допил остатки своего чая и невольно скривился от горечи.

- Да, хреново как-то, - отвечая на мысли другана, пробормотал Толян. - Не умеем мы такие вещи делать.

Дима молчал. Ему вдруг нестерпимо захотелось, чтобы в стакане был не чай, а что-то крепкое и обжигающее.

- Слушай, - снова оживился Толян, - а может, попросим тех крутых? Ну, которые ноги отпиливают. Они же наверняка умеют.

Шмель посмотрел на него, как на слабоумного.

- Всем троим и отпилят, - сказал он. - Услуга оптом.

Вархапук сморщился. Помолчали.

- Вывод, - сказал Дима, - это должен делать профессионал. Но он должен работать на нас, а не на тех, кто и нам хочет отчекрыжить ноги.

- Это позиция, - тут же согласился Толян.
Дима покопался в глубинах памяти.
- Старичок, - вспомнил он, - старичок-алкаш.
- Какой старичок? - не понял Вархапук.
- Который тебя ничтожным назвал, - освежил его воспоминания Шмель.
- Ты его еще быковать пытался, а Моргалкина не дала.
- А! - сообразил Толян. - И что?
- Он же сказал, что он хирург, - напомнил Дима.
- Точно, - восхитился Толян. - Ну ты и мозг. Вот это позиция.
- Простая схема, - ответил Дима Шмель.
На том и порешили.

Найти старичка-алкоголика оказалось нетрудно. Моргалкина удивилась интересу Димы, но вспомнила, что старичок заходит уже не в первый раз. Шмель сделал выводы и пошел по соседним кабакам.

Он нашел пьянчужку час спустя. Тот выпивал в маленьком хачовском магазине, состоящем по большей части из спиртного отдела. У окна стояли высокие грязные столики, которые никто не убирал. Громоздились пустые бутылки и мятые салфетки.

Дима остановился напротив старичка, положил на столешницу пятьдесят рублей, медленно подвинул их вперед и придавил полупустой чекушкой. Старичок поднял на него глаза и удивленно встопорщил белые усы. Он уже был изрядно пьяненький.

- Что это Вы, молодой человек? - удивился он. - Никак взятку мне даете? Или черное дело предлагаете?

- Черное дело, - матеро ответил Дима Шмель.

Старичок поджал губы.

- Простите, а мы что, знакомы? - наконец, поинтересовался он.

- Виделись, - сказал Дима. - Когда Вы в чебуречной «У дома» выпрашивали два рубля.

- А, ну могло такое быть, - смущенно признал старичок, потом сморщился. - Это ваш друг – грубиян? - уточнил он.

- Частный предприниматель, - поправил Дима. - Но пусть этот маленький аванс загладит неприятные моменты первого знакомства.

Старичок посмотрел на мятую пятидесятирублевую купюру.

- Аванс, - повторил он. - Пока не понимаю.

- Мы еще не представлены, - Дима протянул руку. - Дима, кликуха Шмель.

Старичок хмыкнул и руку пожал.

- Федор Владимирович, - представился он. - Значит, пятьдесят рублей – это мне? Могу взять?

- Конечно, - подтвердил вполне довольный Дима.

- И никаких обязательств? - остерегся Федор Владимирович.

- Только поговорить, - сказал Шмель. - И у Вас будет полная свобода отказаться от моего предложения.

- Идет, - согласился старичок. Он вытащил купюру из-под бутылки и спрятал за пазухой, потом культурно перелил остатки чекушки в стакан.

- Я бы предложил... - начал он.

- Больной желудок, - отказался Дима.

- Так о чем... - вспомнил Федор Владимирович.

- Вы ведь доктор, - сказал Шмель.

- Был, - удивился старичок. - А Вам откуда знать?

- Сами сказали в нашу прошлую встречу, - объяснил Дима.

Доктор Федор подумал.

- Могло такое быть, - признал он.

- Хирург, - уточнил Дима.

- Был, - снова согласился Федор Владимирович.

Дима постучал по стеклу. Он предвидел, что старичок не обрадуется встрече с Толяном, и приказал тому оставаться на улице. Теперь Вархапук дернулся, обернулся и быстро зашел в магазинчик. Доктор Федор настороженно посмотрел на него.

- Толян, - представил Дима. - Приносит свои извинения.

- Приношу извинения, - рефреном откликнулся Толян.

- Ничего, - сказал старичок, но встопорщил усы.

- Толян, это Федор Владимирович, - представил Шмель.

- Очень приятно, - сказал Толян.

- И нам, - ответил старичок, поглаживая пальцами стаканчик с водкой. - Итак?

- Черное дело, как Вы выразились, - уклончиво ответил Дима, - черное дело, в котором нужны навыки врача.

Спившийся хирург слегка отстранился от него.

- Я не по мокрой части, ребятки, - сказал он, - и с наркотиками тоже не помогу.

- Это не по мокрой части и не по наркоте, - возразил Дима.

- Операция, - встрял Вархапук.

- Не так быстро, - оборвал его Дима. - Дай человеку подумать.

- И органами не торгую, - старичок залпом выпил водку.

- Толян, еще чекушечку купи, - попросил Шмель.

- Да стоит ли, - попробовал отказаться Федор Владимирович.

Дима ткнул кореша в бок, чтобы тот шел быстрее. Толян встал в очередь в спиртной отдел.

- И к торговле органами не имеет никакого отношения, - с поддельной мягкостью сказал Дима.

Старичок пожевал губами.

- Пулю, что ли, кому вытащить? - слегка осипшим голосом спросил он. - Или рану зашить? Это можно. Только вы мне, ребята, деньгами помогите и не убивайте потом как свидетеля.

Дима облизнул зубы.

- Почти угадали, - одобрил он. - Не думайте о нас слишком плохо, Федор Владимирович. Мы людей не убиваем.

Старичок оживился.

- Ну, тогда... - сказал он.

- Если бы, скажем, у человека были сильно повреждены ноги, - гипотетически закинул Дима, - сколько бы Вы хотели за такую операцию?

- Хотел... - задумчиво повторил старичок.

Дима видел, что тот не знает.

- Двадцать пять тысяч и ящик водки в подарок, - предложил он.

- О, - только и сказал Федор Владимирович.

- Ну, я вижу, мы почти договорились, - добродушно заметил Дима.

- Сильно повреждены ноги, - опомнился отставной хирург. - Такому человеку надо в больницу. Как бы он не умер, пока мы тут, и вообще.

- Не умрет, - обнадежил Дима.

Толян вернулся с новой чекушкой.

- Это Вам, - сказал он и поставил ее перед доктором Федором.

Тот открыл, налил. Выпил, выдохнул.

- А желудок Ваш, - вдруг спросил он, - с ним-то что?

- Язва, - ответил Дима, - от нервов. Давно уже.

- Соболезную, - сказал старичок. - А ноги? Что там? Раздробленная кость?

Дима Шмель почувствовал, что они подходят к самому опасному моменту.

- Ну, если я скажу, - предупредил он, - то значит, Вы уже в деле, Федор Владимирович.

Спившийся хирург молчал. Он явно занервничал, несмотря на то, что был пьян. Водка мокро блестела на его опухших губах, и ему пришлось вытереть их тыльной стороной ладони.

- Вот только одно, - вздохнул он, - а если я не смогу?

Тусклым жалобным взглядом он посмотрел на Диму.

- Руки у меня уже не те, - объяснил он, - трясутся. Делать мы это будем не в больнице. Гигиена опять же. И инструментов нет.

Дима прикусил губу и задумался.

- Там такая травма, - наконец, решился он, - что придется отрезать, совсем отрезать бедолаге ноги. Не вправлять, не сшивать, ничего там такого, чего обычно хирурги делают.

- И вы уверены, что он не умрет, пока мы...? - снова испугался старичок.

- Не умрет, - отрезал Шмель.

Доктор Федор снова подлил себе водки в стакан. Руки у него дрожали чуточку сильнее, чем раньше.

- Ампутация, - сказал он. - В медицине это называется «ампутация».

Дима и Толян молча ждали.

- Что там с ним случилось? - спросил Федор Владимирович. - Машиной наехали?

- Нет, - ответил Дима, - и это не Ваше дело. Вы соглашайтесь, подробности будут потом.

- Ящик водки и двадцать пять тысяч, - странным, как будто плачущим голосом повторил Федор. - Двадцать пять тысяч и ящик водки.

- Двадцать, - начал Толян.

Дима цикнул на него. На лице Вархапука красным загорелось предупреждение: «у нас нет этих денег». Но старичок этого не видел.

- А этот человек, - поинтересовался он, - он ваш друг, или вам надо, чтобы я его в чувство привел для новых попыток?

Дима Шмель тяжело вздохнул и огляделся по сторонам. Из-за соседней стойки на них косился какой-то хач, одиноко распивавший банку «девятки».

- Этот человек будет с нами работать, если поправится, - устало сказал Дима. - Считайте, что он коллега.

- Двадцать пять тысяч, - снова сказал Федор Владимирович, - и ящик водки.

- Сами выбираете марку, - вдруг предложил Толян. - Купим вашу любимую.

Дима взглянул на него одобрительно. Иногда, хотя и редко, Вархапук бывал неглуп.

- Сам выбираю марку, - почти с ужасом повторил доктор Федор. - Согласен.

Его лицо просветлело, он растопорщил от решимости свои белые усы и торжественно поднял стаканчик с прозрачной. Шмель не стал тянуть кота за хвост.

- У Вашего клиента ноги совершенно здоровы, - объявил он. - Речь о том, чтобы просто их отрезать.

Федор Владимирович поперхнулся водкой и, сипло выдыхая, уставился на Диму.

- Спокойно, - сказал ему Шмель. - Зачем так нервничать? Ваш клиент работает нищим. Без ног сможет больше зарабатывать.

- Он не против, - вмешался Толян. - Он бы и сам этого хотел.

- А... - только и сказал доктор Федор, потом икнул.

Неверной рукой он налил себе еще.

- Это ведь ничего, - поспешно согласился он, - ничего, раз так. Раз сам не против. Ведь может такое быть, что ничего.

- Только не вздумайте теперь отказаться от сделки, - решил надавить Дима.

- Да я разве что, - промямлил Федор Владимирович, икнул и залпом выпил водку.

- Вот и славненько, - подытожил Толян.

- Ящик – это там сколько бутылок? - слабым голосом поинтересовался спившийся хирург.

- Разные бывают, - профессионально ответил Толян. - От шестнадцати до двадцати пяти.

- Двадцать пять, - икая, вздохнул доктор Федор. - Ох, напала нелегкая. Это оттого, что поперхнулся. Все вы виноваты.

- Уж простите, - сказал Дима.

Федор Владимирович начал дышать и делать пассы руками, но все равно снова икнул.

- Ох, нелегкая, - повторил он, - от меня к Федоту, от Федота к Якову, от Якова ко всякому.

- Любимого вашего сорта, - напомнил Дима Шмель.

Спившийся хирург долгим взглядом посмотрел на него.

- Ничего, если я попрошу «Зеленую марку», кедровую? - спросил он. - Обожаю ее очень.

- Их продают по двадцать четыре в ящике, - сообщил Вархапук. - Это если поллитровые. А если по ноль семь, то двадцать.

- Да, ведь бывают же по ноль семь, - тоном человека, видящего сон наяву, согласился Федор Владимирович.

- И литр, - подсказал Шмель.

- И литр, - эхом повторил доктор.

- И литр тоже по двадцать в ящике, - сказал Вархапук.

Доктор Федор шевельнул усами, улыбнулся. В его лице появилось какое-то хитрое безумие.

- Раз уж мы работаем вместе, то позволю себе вопрос, - с неожиданной деловой сметкой начал он. - Ниже колен или выше колен?

- Мне нравится ваш подход, - одобрил Дима.

- А может, по-разному? - оживился Вархапук. - Одну покороче, а другую подлиннее.

- Зачем? - удивился Шмель.

- Так будет естественнее, - убежденно ответил Толян, - как будто их случайно чем-то отсекло.

- Интересно, - задумался Дима. - А как ему будет удобнее?

Федор Владимирович снова икнул.

- Если обе ноги ниже колен отрезать, - наставительно сказал он, - то еще сможет на протезах научиться ходить. А ежели выше, то остается только каталка.

- Ну, если он на протезах ходить станет, ему никто денег не даст, - возразил Толян.

- Он может снимать их, когда работает, - предположил Дима.

Толян Вархапук почесал пальцем щетинистый подбородок.

- Есть такие, - начал он, - дощечки на колесиках.

Ему пришлось сделать неопределенное движение руками, чтобы помочь образу превратиться в слова.

- На них совсем безногие катаются, у которых даже бедер не осталось.

- Ты же хотел по-разному их резать, - напомнил Шмель.

- Это дискуссионный вопрос, - сказал доктор Федор. - Ваш товарищ правильно предлагает и рассматривает разные варианты.

Вархапук приосанился.

- Но я скажу, - продолжал отставной хирург, - что сильно выше колена резать опасно.

- Почему? - спросил Дима.

- Может совсем умереть, - охотно объяснил Федор Владимирович, - от чрезмерной потери крови.

Он снова налил и выпил. От чекушки Вархапука не осталось уже почти ничего. В пьяных глазенках доктора горела лихорадочная храбрость. Диме казалось, что он видит, как в его зрачках вращаются маленькие проекции двадцати водочных бутылок.

- Значит, совсем по задницу ноги резать нельзя, - огорченно резюмировал Толян.

- Стало быть, так, - подтвердил хирург.

- Возвращаясь к теме дощечки на колесиках, - представительно заметил Дима, - есть и еще один аргумент против нее.

- Какой же? - спросил доктор Федор.

- Наш нищий работает в пробке, - объяснил Дима. - Подают ему из автомобилей. На дощечке он будет слишком низко.

- Это так, - вынужден был согласиться Толян. - В окошко ему тянуться будет неудобно.

- И водители его могут просто не увидеть и сбить, - добавил Дима.

- Стало быть, надо ампутировать одну ногу чуть повыше колена, - предложил Федор Владимирович, - а другую ногу чуть пониже колена. И такой вариант устроит всех.

- Это позиция, - сказал Вархапук.

- Простой план, - одобрил Шмель. - Я чувствую, мы сработаемся.

Помолчали. Федор икнул, прикрыл рот рукой и перелил остатки водки в стаканчик.

- Давайте поговорим о некоторых требованиях, - пьяненько предложил он, - которые современная... ик ...медицина предъявляет к операциям подобного рода.

На слове «требования» Дима напрягся, но потом тут же расслабился. Он боялся, что врач попросит увеличить оплату.

- Давайте, - согласился за кореша Толян.

- Во-первых, это гигиена, - объявил доктор. - Гигиена включает... ик ... в себя чистое помещение, чистые инструменты, личную гигиену сотрудников, присутствующих при операции, и... ик ...послеоперационную обработку раны. Да что же это... ик ...такое.

Спившийся хирург похлопал себя по груди и икнул еще раз. Он говорил легко, но слегка покачивался и закатывал глаза. Водка, выпитая за время разговора, давала о себе знать.

- Можете ли вы, господа... ик ...обеспечить гигиену? - спросил Федор Владимирович.

Кореша переглянулись.

- Помыть комнату? - спросил Толян.

- Давайте составим список инструментов, - вмешался Дима, - и препаратов, который нужно купить.

- Вы уж не обижайтесь, господа, - сказал доктор Федор, - но... ик ...вижу, вы ничего не понимаете.

Он сделал многозначительную паузу, потом усмехнулся.

- Помыть комнату, - повторил он. - Комнату надо... ик ...не просто помыть. Она должна стать стерильной... ик ...ильной. Она должна стать операционной.

Дима вспомнил вкус чая из чебуречной.

- А если хлоркой? - спросил он.

- Да, - согласился доктор, - хлорка это уже... ик ...не плохо. Но знаете ли вы, сколько у вас уйдет хлорки на целую... ик ...комнату.

Дима и Толян переглянулись.

- У нас есть канал, - сказал Вархапук. - Достанем, сколько нужно.

- Ладно, - сказал Федор Владимирович. - Если есть – хорошо. Теперь. Спирта, как минимум... ик ...литр – для обработки инструментов. Йода, как минимум, двести грамм – для пост-операционной обработки... ик ...раны.

- Купим, - обещал Дима Шмель. Он достал из кармана брюк свою маленькую записную книжку и начал делать в ней пометки. Доктор Федор заправил в себя остатки водки и деловито икнул.

- Во-вторых, - продолжал он, - нам понадобится анестезия. Знаете ли вы, молодые люди, что средства для... ик ...анестезии, как правило, находятся в закрытом... ик ...доступе. Да что же это такое. Ик. Ик. От Федота к Якову, от Якова ко всякому.

Старичок снова начал делать пассы руками и сбил уже пустую чекушку. Дима поймал бутылочку, когда та катилась по столу.

- А что именно нужно? - спросил Толян. - Конкретизируйте, пожалуйста.

- Два вещества, - охотно ответил доктор, - снотворное и обезболивающее. Первое, ну... ик ...например, пропофол, можно просто купить в аптеке. Ик.

- А второе? - поторопил Дима.

- Нельзя, ик, - ответил Федор Владимирович.

- Анальгин? - спросил Толян.

Старичок хихикнул и растопорщил усы.

- Анальгин не снимет боль от распиливаемой кости, - ответил он. - Фентанил снимет, или морфий.

- А, - понял Дима, - ширка.

- Саша Трубецкая, - констатировал Толян.

- Если она еще не отбросила копыта, - вслух подумал Шмель.

- Не... ик ...понимаю, - возмутился доктор Федор.

- Героин подойдет? - поинтересовался у него Дима.

- Диаморфин, молодой... ик ...человек, - поправил его Федор Владимирович, - в медицине это называется диа... ик... морфин.

- Значит, подойдет, - обрадовался Шмель.

- Да, - подтвердил хирург, - диа... ик ...морфин нам подойдет. Ну и в-третьих, - подводя к финалу, добавил он, - мне понадобятся инструменты.

- Какие? - спросил Дима.

- Ампутационные... ик ...ножи, - сказал доктор Федор, - средний обычный и средний обоюдоострый. Распатор, листовая пила, рашпиль и... ик ...костодержатель.

Шмель все записал. Ему стало как-то не по себе. Ножи и пила — это было неприятно, но все-таки представимо. Настоящий ужас скрывался за словом «костодержатель». Оно холодными мурашками прилипло к Диминой спине.

- А еще зажимы... ик ...Кохерера, - добавил Федор Владимирович, - и лезвия для безопасной бритвы. Тампоны. Вата.

Старичок разгладил мелко трясущимися пальцами свои большие белые усы.

- Медицинский жгут, - в завершение припомнил он, - шприцы на 10 миллилитров, бинты, растворимая хирургическая нить и... ик ...кривая игла. Вот, пожалуй, и все. Ик.

Толян ошеломленно молчал. Дима записал последние пункты.

- И еще мне будет... ик ...нужен ассистент, - сказал Федор Владимирович.

- Аси-кто? - переспросил Толян.

- Тот, кто подает главному хирургу... ик ...инструменты, - объяснил медик, - собирает с поверхности раны лишнюю кровь, помогает переворачивать больного и... ик ...делает другие вспомогательные действия.

Дима посмотрел на Толяна.

- Не каждый, - сказал доктор Федор, - на это... ик ...способен.

Толян поймал на себе взгляд кореша, и кровь отлила от его лица.

- Ладно, - решил Дима, - я буду.

Вархапук тяжело перевел дух.

- Не забудьте, пожалуйста, про ящик прозрачной... ик ... «зеленой марочки», кедровенькой, литровой, - напомнил доктор Федор.

Дима строго посмотрел на него.

- Условия сделки больше не обсуждаются, - сказал он. - Все будет, как договорились, только вот водку Вы до операции не получите.

Престарелый хирург потупился.

- Очень... ик ...понимаю ваше рассуждение, - признал он. - Ну что ж, раз мы все... ик ...обсудили, то когда?

Он неплохо держался на запале первой решимости, но Шмель видел, что руки спившегося врача трясутся все сильнее. «Еще денька через два старик, пожалуй, передумает и начнет упираться», - предположил Дима.

- Завтра, - сказал он.

Федор Владимирович вдруг перестал икать. Его качнуло, и он вцепился обеими руками в край стола.

- А мы... - начал было Толян.

Дима сунул ему локтем под ребра.

- Это позиция, - только и сказал Вархапук.

- Идите домой и проспите, - сурово приказал Шмель Федору Владимировичу. - Завтра в восемь утра кто-то из нас будет ждать вас у чебуречной. И не вздумайте улизнуть. Найдем.

- Так и быть, приду, - согласился медик. Голос его стал надломленным. - Так и быть, - повторил он.

На том и порешили.

Вечер того дня Дима и Толян провели в трудах. Толян отправился по аптекам и в специализированный магазин медицинских инструментов, а Дима пошел к Саше Трубецкой.

Саша жила недалеко от их школы, на верхнем этаже старой пятиэтажки. Дом уже пережил два капремонта. Теперь его расселяли. Шмель толкнул расшатанную зеленую дверь подъезда и свободно вошел внутрь.

Лифт не работал, и ему пришлось подниматься наверх по сумрачной бетонной лестнице. На каждой второй площадке темнела стальными губами зловонная глотка мусоропровода. Каждая следующая площадка была превращена в курилку. Там стояли увечные стулья, а в консервных банках из-под сардин, как в братских могилах, лежали окурки. На третьем этаже муха жужжала и билась о грязное стекло маленького оконца. На четвертом этаже зев мусоропровода был заклеен объявлением: «20-ая квартира, суки! Не бросайте туда большие пластиковые бутылки!»

- Возраст берет свое, - вслух подумал Шмель. Когда он поднялся на пятый этаж, его ноги гудели, а лицо было покрыто липким потом. Дима оглянулся на лестницу чердака. Он помнил, как еще совсем детьми они выкурили там свою первую сигарету, одну на четверых. Славик украл ее у своего отца. Теперь лестница на чердак была перекрашена и заварена огромной стальной решеткой. Здесь не было медленного ритма жизни.

Это место стремительно разрушалось. «Жива ли еще Трубецкая?» - усомнился Дима.

Он позвонил. Дверь квартиры была дешевой, но новой. «Точно умерла, - решил Шмель, - ничего не осталось от тех времен». За дверью царила ватная тишина. Звонка не было слышно. Дима нажал кнопку еще раз, потом постучал кулаком.

- Только не надо вот этого! - закричал из квартиры женский голос. - Не надо топором, как в прошлый раз! Я просто медленно хожу!

Голос показался слишком резким, но при этом знакомым. «Топором, - подумал Дима, - это объясняет новую дверь». У него появилась надежда.

Саша Трубецкая открыла дверь с закрытыми глазами. Шмель разглядел в полутьме прихожей ее бледное лицо и пережил несколько неприятных моментов. Ему показалось, что он увидел смерть. Он помнил Сашу розовощекой девушкой. Сейчас перед ним стояла женщина с головой, похожей на обтянутый кожей череп с жидкими белесыми волосами. Она была в тонком ситцевом платье, одетом на иссохшее голое тело. Легкая ткань трепетала на сквозняке. Сквозь нее можно было различить очертания сморщенных грудей.

- Кто? - грубым хриплым голосом спросила Трубецкая. Глаз она не открывала. Так и стояла в проходе приоткрытой двери, прислушиваясь и приносясь.

- Дима, - представился Дима.

- Денег нет, - сказала Саша. - Если хочешь – трахни, если не хочешь – убей.

Дима облизнул зубы. Ах, если бы она предложила эту сделку двадцать лет назад...

- Это я, Дима Шмель, - пояснил он, - одноклассник. Давно не виделись.

- Да ты что? - прокаркала Трубецкая и открыла глаза. Они блеснули в полутьме – большие, почти бесцветные.

- Ха, постарел, - весело отрубила Саша. - Заходи.

Она снова закрыла глаза, повернулась и вслепую побрела вглубь квартиры. Шла она действительно очень медленно – переставляла ноги, почти не отрывая их от пола. Ее босые стопы с легким сухим звуком скользили по линолеуму. Дима прикрыл дверь и медленно последовал за хозяйкой.

- Как сам? - не оборачиваясь, спросила Трубецкая.

- Рулил кое-каким бизнесом, - ответил Шмель. - Потом все развалилось. Ну, знаешь, глобализация рынков. Сейчас я, можно сказать, не у дел.

- Эвона как? - удивилась Саша. - Большим человеком был?

- А как ты? - поинтересовался Дима.

В квартире царил полумрак. Было жарко, пахло масляной краской и пылью. Дима вглядывался в темноту, но не мог в ней ничего различить.

- Пустовато у тебя, - добавил он. - Ремонт делаешь?

- Вещи – ничто, - прокаркала Трубецкая. - Я все продала.

Шимеля пробила легкая дрожь.

- А чем занимаешься? - спросил он.

- Ищу силу рода, - ответила Саша. Она, наконец, дошаркала до комнаты, нащарила рукой дверной косяк и двинулась дальше. Дима увидел, что окна закрашены черной краской. Свет проникал в помещение через незначительные прорехи между мазками.

- Сила рода? - переспросил Дима.

- Духи великих предков, - пояснила Саша. Касаясь рукой стены, она прошла метра полтора в сторону от двери, остановилась и встала на колени. Дима услышал, как чиркнула зажигалка. Под руками Трубецкой заплясал маленький кружок света. В нем стал виден красный детский стульчик. Шмель понял, что этот стульчик – единственный предмет мебели в комнате. На стульчике лежали два шприца, два маленьких целлофановых пакетика с белесым содержимым, чайная ложка и какие-то корбочки аптечного вида.

На полу рядом со стульчиком стояла свеча в консервной банке. Саша зажгла свечу и на вытянутых руках подняла ее у себя над головой. Света стало больше. В пляшущих отсветах пламени Дима увидел, что на стене над стульчиком висит большая картина в раме цвета сусального золота. На картине был изображен пухлый человек в синем мундире, перепоясанном красной лентой. На нем был парик. Искусственные волосы пепельного цвета скатывались вниз с его макушки на плечи.

- Вот мой бог, - прокаркала Саша. - Юрий Юрьевич Трубецкой. Сподвижник Петра Первого, великий человек, от которого происходят все современные представители рода.

«Она приехала, - понял Дима, - приехала круче, чем наш идиот». Свет свечи выхватывал из темноты экстатическое лицо и тонкие руки Саши. На ее белой ссохшейся коже краснели и синели следы от многочисленных уколов.

- По-прежнему на героине? - стараясь сменить тему, спросил Дима.

- Я героиня на героине, - вдруг рассмеялась Трубецкая.

Она медленно опустила свечу и поставила ее на стульчик.

- Не слезала с него все эти годы? - поинтересовался Шмель.

- Разное было, - ответила бывшая одноклассница. - Иногда приходилось слезать. Сидела за употребление. Сидела за распространение. Лечилась, пока родители были живы.

Она раскачивалась из стороны в сторону.

- Знаешь, что самое худшее было в жизни? - спросила Саша. - Самое-самое худшее?

Дима покачал головой.

- Ломка в тюрьме, - сказала Трубецкая. - Это когда слезаешь с геры без всякого облегчения, лежишь в своем дерьме, сокамерницы орут, что ты воняешь, а ты не можешь из-за боли в суставах дойти до параша. Они начинают тебя бить, и тебе становится легче. Боль против боли.

Шмель молчал.

- Был муж, умер, - заламывая руки над пламенем свечи, продолжала женщина. - Теперь вот ставлюсь с нафтиком, просто героин уже не тянет.

- С чем? - переспросил Дима.

- С нафтизином. - Саша подняла со стульчика одну из медицинских коробочек. - Средство от насморка.

- Колешь средство от насморка в вену? - уточнил Дима.

- Не делай брезгливое лицо, еврейская ты морда, Шмель! - вдруг закричала Трубецкая. - Тебе дерьмом плыть и плыть, а не доплыть до моих предков. Я потомственная княгиня, а ты сын торгашей, ворюг и уличных музыкантов. Понял?

Женщина съежилась и захихикала, показывая сухую улыбку-оскал. Дима отступил от нее на шаг и молчал.

- Вся в дырках, - сказала Саша. - Ты ведь это про меня думаешь?

- Как скажете, ваше княжеское величество, - хитро и зло оскалился Шмель в ответ.

- Ставлюсь четыре раза в день, герой с нафтиком, - будничным тоном сообщила Трубецкая, - и ничего, жива. Ты удивлен, что я жива, да, Шмель?

- Да, - подтвердил Дима.

В комнате повисла тишина. Трепетало пламя свечи. Юрий Юрьевич Трубецкой сверху-вниз смотрел на свою пра-пра-пра-пра-правнучку тусклым, вечным и немного сальным взглядом.

- Собственно, - сказал Дима, - я по делу зашел.

- Какое у тебя ко мне может быть дело, Шмель? - спросила Саша.

- Мне нужна разовая доза для новичка, - ответил Шмель.

Женщина разразилась сумасшедшим каркающим смехом.

- Вот и встреча одноклассников, - подвела она, - вторая, мать вашу, книга. Они прожили двадцать лет, и вот что с ними стало.

Дима молчал. Он мог просто забрать эти белые пакетики, пузырьки и шприцы. Но он не знал, что с ними делать. Он решил произвести честную сделку.

- Хочешь поставиться? - спросила наркоманка. - Что у тебя, горе? Решил убить себя и сгнить с такими отбросами, как Сашка Трубецкая?

- Я не для себя, - ответил Дима.

- Врешь, - сказала Саша.

- В любом случае не твое дело, - возразил Дима. - Говори, сколько стоит доза.

Трубецкая некоторое время присматривалась к нему.

- Косарь, если в розницу, - сообщила она.

Дима достал кошелек и отсчитал тысячу и сто рублей. Это были практически последние его деньги, но он знал, что не бывает прибыли без изначальных капиталовложений. Чтобы идиот начал приносить прибыль, нужно было купить героин.

- Косарь за дозу, - сказал он, - а стольник за рассказ о том, как ее правильно готовить и колоть.

Пламя свечи отразилось в глазах Трубецкой алчным блеском.

- За ваши деньги – все, что угодно, - обещала она.

- Все мне не нужно, - отрезал Дима.

На следующий день в девять часов утра идиот, как обычно, стоял на детской площадке, сжимая в руке свой зеленый будильник. Дима подошел к нему.

- Вет, - сказал идиот, - дем?

Шмель молчал и рассматривал лицо умалишенного, пока тот не заговорил снова.

- Дем? - слегка удивленно повторил идиот.

- Нет, - решительно возразил Дима, - никуда мы с тобой больше не пойдем.

- Ак? - опешил юродивый. - Акеш шинки?

- Ты себя в зеркало видел? - спросил Дима.

- Ет, - ответил идиот, - ате?

- Ты же заболел, - сказал Дима. - Тебе нельзя больше заглядывать в машинки.

- Лел? - испуганно повторил дурачок.

- Очень-очень заболел, - подтвердил Дима, - умереть даже можешь. Смотрю на тебя, и мне тебя жалко.

Лицо идиота сморщилось от страха.

- Лел реть, - повторил он, - се нчится, е шинки.

- Ну, это ничего, - вдруг хлопнул его по плечу Дима. - Я кое-что придумал.

- А? - воскликнул идиот.

- Если удалить тебе ноги, - сказал Дима, - то ты снова будешь здоров.

- Оги? - переспросил идиот.

- Болезнь в ногах, - объяснил Шмель. - Если их тебе отрезать, то ты снова будешь здоров.

Идиот наклонился и долго смотрел на свои ноги. Он ходил в затасканных вельветовых брюках и в старых кроссовках без шнурков. Их вывернутые языки торчали вперед.

- Видишь, какие больные, - продолжал свою игру Дима. - Надо отрезать, срочно. А то ты умрешь.

Идиот заплакал.

- Няда рать, - захныкал он, - и езать няда.

Дима сжал левую руку в кулак, так что ногти впились в ладонь.

- Бедный, бедный идиот, - продолжал он, - придется выбирать. Либо жизнь и новые машинки, либо помирать.

- Хие оги, - сказал сумасшедший.

Вдруг он начал топать.

- Хие оги, хие, - повторял он, - рать. Хие оги.

- Надо отрезать плохие ноги, - подтвердил Дима.

Идиот принялся мотать головой. Он топал и топал. От гравия детской площадки под его кроссовками поднимались небольшие облачка пыли.

- Езать ас, хие ноги, езать, хие ноги, хие...

Его монотонная речь слилась в один поток причитаний. Он поворачивался, топал, мотал головой. Казалось, он танцует и поет. Дима почувствовал, что сходит с ума. Ему было дурно, во рту появился солоноватый вкус, в ушах шумело.

- Я могу тебе помочь, - пересиливая себя, сказал он. Еще сильнее сжал кулак, чтобы не упасть в обморок или не начать блевать. Ему показалось, что ногти прокололи ладонь и под ними выступают капельки

крови, а потом он перестал чувствовать руку. На идиота он смотреть не мог и перевел взгляд на подворотню.

- Помочь могу, - повторил он.

Танец, наконец, прекратился.

- Очь? - спросил идиот.

- Да, - подтвердил Дима. - Отведу тебя к доктору.

- Октор, - обрадовался идиот. Он еще не перестал плакать, но уже улыбался.

- Да, - еще раз подтвердил Дима. - Ты ему скажешь, что хочешь, чтобы тебе отрезали ноги. Он поможет.

- Ольно? - спросил идиот.

- Нет, - сказал Шмель. - Совсем не больно.

- Очно? - недоверчиво переспросил идиот.

- Точно, - не глядя на него, подтвердил Дима. - Ты уснешь, а проснешься уже без ног.

- Адно, - согласился юродивый, - дем.

Не оборачиваясь на него, Дима пошел к подворотне.

- Потом, - по пути добавил он, - когда ты поправишься, снова будем ездить на перекресток к машинкам.

- Сибо, - от всего сердца поблагодарил дурачок, - роший рень. Има роший рень. Амый роший рень. Сибо.

Они прошли через подворотню. Дима повернул к подъезду Толяна, набрал знакомый код и провел идиота внутрь.

- Есь октор? - спросил идиот.

- Да, здесь доктор, - подтвердил Дима.

Он позвонил в дверь. Замок щелкнул почти сразу. Открыл Толян.

- Привел, - нервно сказал он. - Как прошло?

- Идеально, - мучаясь угрызениями совести, ответил Шмель.

В глубине квартиры раздался визгливый лай Польки. Что-то загремело.

- Я же говорил тебе убрать собаку, - напомнил Дима.

- Я запер ее в ванной, - ответил Толян.

- Е октор, - запротестовал идиот.

- Нет, он не доктор, - согласился Дима, - он Вархапук, а доктор будет дальше.

- Альче дем, - кивнул идиот.

- На кухню, - подсказал Толян. - Решили там, на большом столе.

Дима развернул идиота за плечо и направил в нужную сторону.

На кухне стоял такой запах хлорки, что можно было вешать топор. Дима почти в испуге оглядел помещение. Впервые за много лет оно казалось чистым. В раковине не было грязных тарелок, а большой обеденный стол был застелен блестящей пластиковой клеенкой.

Федор Владимирович сидел за столом, распаковывал какие-то коробочки с лейблом ООО «МИЗ-Ворсма» и топорщил седые усы. При виде пациента он так побледнел, что перестал быть краснолицым.

- Октор, - обрадовался идиот.

- Да, я, - согласился Федор, - я был.

Идиот не обратил внимания на прошедшее время.

- Октор у еня хие оги, - сказал он, - их адо езать.

- Что? - не понял Федор Владимирович.

- Он хочет, чтобы вы отрезали ему ноги, - слишком поспешно перевел Дима Шмель.

- Не могли бы вы уговорить собаку? - попросил медик. - Я не слышу даже собственные мысли.

- Полечка, не надо шуметь, - ласково заворковал Вархапук, - еще часик-другой, и я тебя выпущу.

В ответ на его увещевания раздался новый взрыв визгливого лая.

- Хие оги, - повторил идиот, - езать.

Он неожиданно ловко изогнулся и стянул сначала один кроссовок, потом другой. Носков у него не было. Запах немых ступней смешался с хлористой вонью. Дима Шмель почувствовал, что у него начинают слезиться глаза.

- Пойдите, - продолжая бледнеть, пробормотал Федор Владимирович, - может ли этот человек отвечать за свои поступки?

Идиот уставился на него, не понимая о чем речь.

- Федор Владимирович, - моргая и задыхаясь, сказал Дима, - а Вы? Можете ли Вы отвечать за свои поступки? - Он сделал паузу. - Особенно теперь, когда уже пришли к нам?

Дрожащей рукой старичок вытер со лба холодный пот.

- Не надо меня запугивать, - пролепетал он.

- Разве речь о запугивании? - делано удивился Шмель. - Мне казалось, что все наши отношения строятся на предельно понятных договорных условиях.

- Бизнес, как говорится, есть бизнес, - вставил Толян у Димы из-за плеча. На маленькой кухне становилось тесно.

- Хие оги, - повторил идиот. Он перестал следить за непонятным разговором и расстегнул брючный ремень. Штаны упали на пол.

- От ои оги, - представил дурачок, - оте езать.

Доктор Федор застонал. Польша продолжала надрываться.

- Заткнись, глупая тварь! - уже совсем неласково крикнул на нее Вархапук. - Заткнись, или не получишь свои трюфеля!

Дима вспомнил, что Польша ест только трюфеля и только с дивана. Он чувствовал, что эта атмосфера начинает сводить его с ума.

- У вас все есть, - сказал он. - Сделайте ему укол, и пусть уснет.

- Пать, пать, - согласился идиот, - аю, аю.

- Да, баю, баю, - подтвердил Дима.

- У меня же нет его медицинской карты, - запротестовал врач, - я не знаю даже массу его тела.

Дурачок поставил свой зеленый будильник на край стола. Тот продолжал тикать.

- Федор Владимирович, - мрачно заметил Шмель, - не слишком ли поздно для танцев?

Он сделал шаг в сторону доктора, и из-за тесноты тот был вынужден плюхнуться на табуретку.

- Вы купили? Все купили? - еле слышно пролепетал Федор.

Толян обошел идиота и распахнул холодильник. Пахнуло слабым холодом, гнилым сыром и несвежими овощами. Этот букет ароматов перекрыл даже вонь хлорки и немытых ног. Доктор Федор сморщился. Дима подумал, что холодильник его кореша похож на нору крокодила. Много лет назад в какой-то детской книжке он читал, что хищные рептилии не могут сожрать свою жертву свежей, и поэтому утаскивают ее на дно реки и прячут под корягами.

Вархапук вытащил из холодильника-норы два целлофановых пакета. Один был маленький и легкий, в другом, большом, позвякивали склянки с йодом и спиртом.

- Все по списку, - доложил Толян, - и спиртик охлажденный.

Доктор Федор сглотнул, будто уже не собирался использовать заказанный литр спирта в медицинских целях.

- И пропофол купили? - спросил он.

- Диприван, - несколько смущенно сказал Толян. - Мне обещали, что это то же самое.

- Это то же самое, - бледным голосом подтвердил Федор Владимирович. - И героин?

- И героин, - подтвердил Дима.

- Аочка е удет шать не пать? - поинтересовался идиот.

- Тебе ничего не будет мешать спать, - сказал Дима.

- Что-нибудь еще будет нужно? - спросил Вархапук.

- Нет, - ответил доктор.

- Чтобы Польша, наконец, заткнулась, - сказал Дима.

- Я могу запереть ее в машине, - догадался Толян, - но она же насыт на сиденья.

- Так и сделай, - приказал Шмель.

Хриплый лай перешел в рычание. Кажется, Польша что-то грызла.

- Но как же... - начал Вархапук.

- Я накладу тебе на сиденье, - рявкнул Дима, - если ты ее не уберешь отсюда или не заткнешь навсегда!

Толян слегка побледнел.

- Ну, тогда я поехал за водкой, - бодро подвел он, - и Польшу возьму с собой. А вы справляйтесь.

- Давай, - одобрил Дима.

Еще вчера вечером они договорились о том, что водка должна прибыть примерно в середине операции, чтобы Федор, в состоянии стресса, принялся за нее прежде, чем вспомнит про двадцать пять тысяч. Хитрая идея, разумеется, принадлежала Диме.

- Не перепутайте, - неверным голосом напомнил доктор Федор. - «Зеленая марка». Кедровая. Литровая.

- Да, да, - добродушно отмахнулся Толян, - все как договорились.

Он вышел в коридор. Было слышно, как он открыл дверь ванной. Взрывной лай пуделя тут же стал еще громче. Раздались звуки борьбы. Вархапук засопел, потом взвизгнул.

- Ай! - пожаловался он. - Сучка, укусила за палец!

Дима тягостно вздохнул.

- Я тебе покажу месть, - обещал Толян, - я тебе покажу месть, я тебе покажу месть. Покажу.

Собачонка ответила ему новыми эскападами лая. Потом хлопнула входная дверь, и сразу стало тише.

- Аю, аю? - вопросительно обратился к доктору идиот.

- Ложитесь на стол, - предложил Федор Владимирович.

Дурачок неуклюже забрался на поверхность стола, натянутую серебряной клеенкой. Он растянулся во весь рост, головой к окну, ногами к дверям. Его макушка и стопы выступали за пределы стола.

- Ольно удет? - лежа, поинтересовался юродивый.

- Кольнет чуть-чуть, - ответил доктор Федор.

Он посмотрел на Диму слезливым, измученным взглядом, потом распотрошил один из медицинских пакетиков, нашел в нем шприцы и

бело-зеленую коробку со снотворным: «Диприван 1% Пропофол 10 мг/мл 200 мг пропофола в 20 мл».

- Как вас зовут? - спросил Федор Владимирович.

- Еня? - удивился идиот.

- Да, вас, - подтвердил медик. Неверными руками он открыл коробку дипривана. В ней оказалось пять ампул с молочно-белой жидкостью.

- Еня овут диот, - охотно ответил идиот.

- Как? - опешил доктор Федор.

- Диот, - повторил дурачок, - упой диот, емщный диот, ще урак овут, ли абоуный.

Федор вытащил капсулу из пластиковой подкладки и поставил ее на стол. Она блестела в свете начинающегося дня, как стеклянная пуля для оружия химической войны.

- Не могут человека звать «идиот», - пробормотал Федор Владимирович.

- Еня овут диот, - упрямо повторил идиот, - се еня ак овут, ли урак, ли абоумный.

- Понятно, - сказал доктор. - А родные у вас есть?

- Ет, - ответил юродивый.

Доктор Федор снова посмотрел на Диму, и тому показалось, что в глазах врача мелькнула почти что ненависть.

- А когда были, как они вас называли? - спросил хирург.

- Диот, - ответил идиот.

- Ясно, - кивнул Федор Владимирович. Больше он вопросов не задавал. Достал шприц, отломил головку у капсулы дипривана и вобрал ее содержимое в шприц. Перевернул шприц, выдавил пузырьки воздуха.

- Руку разверните, пожалуйста, - попросил он идиота.

Идиот повернул к нему свою руку. Доктор Федор открыл первую склянку со спиртом и замер, приняхиваясь к его запаху. Чтобы продолжать, ему пришлось сделать над собой волевое усилие. Он наклонил склянку, промочил в спирту вату и протер ей руку идиота в области локтевого сгиба.

- Олодно, - пробормотал юродивый.

- Что вы говорите? - не понял доктор.

- Холодно, - перевел Дима.

- А, да, холодно, - согласился Федор Владимирович. - Это потому что эфир. Он испаряется.

- Фир? - переспросил идиот.

- Эфир, - сказал хирург, - летучая жидкость. Кулак сожмите.

Идиот сжал кулак. Медик чуть ниже плеча перетянул его руку жгутом, помассировал пальцами вену.

- Сейчас будет немного больно, - предупредил он, - как укус комара.

- То е ольно, - ответил идиот.

Федор Владимирович поднес кончик иглы к его руке и долго не мог ее вколоть. Острие шприца плясало. Дима вдруг осознал, что по-настоящему нервничает. Все это могло плохо закончиться. Федор трясся и топорщил усы, потом, наконец, поймал момент и всадил иглу. Идиот дернулся. Белесое содержимое шприца стало розовым от крови.

- Ну, с Богом, - вздохнул доктор Федор и опустошил шприц.

- Се? - спросил слабоумный.

Хирург выдернул иглу.

- Все, - подтвердил он.

- Аю, аю? - поинтересовался идиот.

- Баю, баю, - еле слышно ответил ему хирург. Он тяжело опустился на стул и посмотрел на Диму.

- Теперь диаморфин, - сказал он.

- Чего? - не понял Шмель.

- Героин ваш, - ответил доктор Федор.

- А, ширка, - понял Дима.

Доза до сих пор лежала у него в кармане. Он вытащил ее и пузырек нафтизина, который ему приказала купить Саша. Доктор Федор уставился на него.

- Она сказала порошок растворить в нафтизине, - объяснил Дима, - погреть над огнем и втянуть в шприц.

- Это какой-то бред, - слабым голосом пролепетал Федор Владимирович. - Как я здесь оказался, что я делаю?

Дима облизнул зубы.

- Федор Владимирович, - строго сказал он, - договор.

- Да знаю я, - замахал на него руками врач. - А если он умрет?

- Люди себе это колют, - с сомнением ответил Дима, - и ничего.

Он вспомнил про парня в красной бандане и про то, что если они не отрежут ноги идиоту, то ноги отрежут им.

- У нас нет выбора, - сказал он.

- Разрешите Вас попросить, - пробормотал доктор.

- Да? - спросил Дима.

- Сделайте дозу сами, как сейчас объясняли, - ответил Федор Владимирович, - а я подготовлю все остальное.

- Я же Ваш ассистент, - безропотно согласился Дима.

Федор только кивнул.

- Прежде чем начнете готовить героин, - добавил он, - не могли бы Вы найти мне стеклянный стакан? Или хотя бы чашку с высокими стенками?

Дима начал обыск в кухонных шкафчиках Вархапука. Он обнаружил, что в первом из них лежат грязные носки, старая зубная щетка и пустая коробка из-под «Роллтона». В другом была стопка чистых, но бесполезных пластиковых тарелочек. В третьем стояла фотография отца и сыновей Вархапуков, на которой батяня обнимал за плечи Толю и Славику. За фотографией Дима нашел стеклянную банку вроде тех, в которых маринуют огурцы.

- Подойдет? - спросил он.

- Да, вполне, - согласился Федор Владимирович.

Дима поставил банку на стол перед доктором, а сам снова взял в руки пакетик героина и пузырек с нафтизином. До него вдруг дошло, что у него нет зажигалки. Он одновременно бросил курить и пить – это случилось в двухтысячном году, после того, как его начали будить по ночам невыносимые ноющие боли в желудке.

Шмель включил газ на плите Толяна и поджег его спичкой из засаженного кухонного коробка. Пока он все это делал, доктор начал раскрывать коробки «МИЗ-Ворсма» и бросать инструменты в банку. Зажимы с длинными ручками и крючковатыми носами, два плоских стальных скальпеля с огромными лезвиями, щипцы с круглыми зазубренными губами и еще две какие-то штуки, похожие на долото и напильник, все из сверкающего белого металла.

Дима нервно облизнул зубы, нашел в хозяйстве Толяна более-менее чистую чайную ложку, высыпал в нее героин и старательно залил его нафтизином. Получилось что-то серо-коричневое. Когда Шмель поднес ложечку к огню, вещество пошло пузырями. Дима грел ложечку, пока вся смесь не превратилась в дрожащую каплю прозрачной жидкости. Тогда он убрал ложечку от огня и подул на нее. В конце концов, жидкость походила на чай. Диме почему-то пришло в голову, что сейчас они вколют идиоту чай Моргалкиной, эту хлорированную горькую жидкость, этот атрибут медленного ритма жизни.

Дима медленно вернулся к столу. Он нес ложечку осторожно.

- Не могли бы Вы втянуть ее шприцом, - попросил он Федора Владимировича, - а то я уроню.

Медик недоверчиво посмотрел на коричневую каплю, но сделал так, как говорил ему Шмель. Внутри шприца жидкость выглядела не такой живой и не такой страшной.

- Если его это убьет, - сказал доктор, - то вина на Вас.

У Димы было беспокойно на душе, но он с деланным равнодушием пожал плечами.

- Люди себе это колют, - повторил он.

Федор Владимирович повернул к себе руку спящего идиота и вколол тому в вену вторую иглу. Слабоумный что-то забормотал во сне.

- Он еще не под наркозом? - спросил Дима.

- Он в состоянии преднаркоза, - ответил медик. - Настоящий наркоз наступит, когда диаморфин смешается с диприваном. Потом будем докалывать диприван в процессе операции. С расчетом на будущие уколы у нас есть два часа.

Доктор извлек героиновую иглу. Идиот казался безмятежно спящим. Он медленно и беззвучно дышал. Дима посмотрел на его ноги. Они были немного кривыми, в почти бесцветных волосках.

Банка с инструментами стояла у изголовья идиота. Рядом с ней Федор Владимирович положил самый большой из своих инструментов – огромную пилу в виде рамы с натянутым между зажимами длинным лезвием. Пила уверенно блестела матовым блеском. За пилой стояли коробочки с тампонами, еще полные банки с йодом и спиртом, лежали бинты. Дима заметил, что на дне Толяновой банки с инструментами теперь плавают бритвенные лезвия и изогнутая хирургическая игла.

- Что теперь? - с легким содроганием спросил Шмель.

- Ручка у вас найдется? - спросил Федор.

- Ручка? - тупо переспросил Дима.

- Шариковая ручка, - подтвердил Федор Владимирович, - которыми пишут. Вы вчера в своем блокноте такой писали.

- А-а, - понял Дима. Он достал из кармана блокнот, из блокнота вытащил ручку. Доктор Федор повертел ручку в пальцах, потом зачем-то намочил в спирте тампон и тщательно продезинфицировал ручку. Дима молча наблюдал за его загадочными манипуляциями.

Федор положил ручку рядом с пилой, тяжело вздохнул, подошел к раковине и долго мыл руки под краном. Он вытер их обрывком бинта и тоже натер спиртом, потом натер спиртом ноги идиота: одну повыше, а другую пониже колена.

Диме казалось, что все происходит очень долго. Тикал дурацкий зеленый будильник идиота. Шмель посмотрел на него и увидел, что сейчас девять тридцать. Они с идиотом встретились во дворе всего полчаса назад.

- Я готов ассистировать, - сказал Дима.

- Не готовы, - возразил Федор Владимирович. - Идите помойте руки.

Шмель натирал руки мылом, как никогда в жизни. Ему вдруг вспомнились давние времена. Обед в семействе Шимелей, тетя Саля, которая всегда кричала перед едой: «Дети, идите мыть руки». Диму передернуло.

Когда Шмель вернулся за стол, Федор Владимирович уже что-то делал с ногами идиота. В первое мгновение Дима подумал, что доктор начал их резать, но потом он понял, что в руках хирурга не скальпель, а шариковая ручка. Доктор рисовал по коже идиота синие линии. Они показались Диме очень странными. Он думал, что ноги будут отрезаны ровно, но медик вычертил на коже какие-то фигуры.

- Почему так криво? - нервно спросил Шмель.

- Потому что пласт ткани должен закрыть кость, - ответил Федор Владимирович. Он закончил рисовать, отложил ручку и долго рассматривал свое творение, потом тяжело опустил на табурет и замер.

- Ну вот, все готово, - каким-то ватным голосом произнес он.

Дима сглотнул.

- Я тоже готов, - повторил он.

- Ага, - согласился Федор Владимирович. Он поболтал скальпели и зажимы в банке со спиртом и уставился в окно. Было заметно, что он отводит взгляд от идиота, особенно от его ног. Прошла минута, две. Тикали зеленые часы.

- Чего же мы ждем? - поинтересовался Дима.

- Сейчас, молодой человек, - вздохнул доктор Федор, - не гоните коней.

Его лицо стало очень печальным, даже каким-то утонченным. Он положил свою белую продезинфицированную руку на край стола и замер. Прошло несколько минут. Дима ерзал.

- Надо начинать, - вслух подумал Федор Владимирович, - а то закончится действие наркоза, придется докалывать.

- Так давайте, - нервно одобрил Дима. Он чувствовал, как теряет уверенность. Промедление. Медицинский запах. Серая кожа идиота, пальцы на его ногах, кривые, с желтыми ногтями. Неяркая синяя линия от шариковой ручки.

- Да, надо начинать, - снова сказал доктор. Он встал, зачем-то потрогал пилу для костей, потом перетянул ногу юродивого медицинским жгутом, взял скальпель, стряхнул с него капли спирта, прикоснулся лезвием к полосе выбритой кожи и снова замер.

- Я готов ассистировать, - срывающимся голосом заявил Дима. Он смотрел на скальпель и чувствовал, что блеванет при виде первых же капель крови.

- Не могу, - вдруг простонал Федор, - не могу, не могу!

Дима уставился на него. Лицо старика исказилось в истерике, задрожали его распухшие и растрескавшиеся от пьянства губы.

- Клятва Гиппократы, - произнес он, - не могу ее нарушить.

- Какая еще клятва? - спросил Дима. Он испытывал огромное облегчение оттого, что все срывается, что ничего не будет. И одновременно чувствовал раздражение и злость. Ему хотелось убедиться, что это не он отступил и струсил.

- Какая еще клятва?! - закричал он на старика.

Федор Владимирович весь затрясся.

- Клятва Гиппократы гласит, - визгливо сообщил он, - «не навреди». Я не могу отрезать ему ноги.

Старый хирург бросил скальпель обратно в банку со спиртом и обессилено упал на табурет. Дима тоже сел.

- О каком вреде идет речь? - спросил он. - Вы принесете ему пользу. Он деньги зарабатывать сможет. Впервые в жизни. Это как лечение.

- Смеетесь, - простонал доктор, - какая польза? Человеческое тело – это совершенный механизм. В нем нет ничего лишнего. Ну, почти ничего. Нельзя просто так отрезать ноги. Никому от этого не станет лучше.

- Это позиция, - с облегчением сказал Дима. Секунду спустя он понял, что только что озвучил вечную глупую присказку Толяна. Ему стало противно за себя, но ничего поделать он не мог.

Внезапно из прихожей донеслись шум и сопение. Что-то звякнуло. Шмель и Федор Владимирович испуганно посмотрели на дверь кухни.

- Вы совсем, что ли? - окликнул их из прихожей Толян. - Даже дверь не закрыли. Или вы еще не начали?

Вархапук ввалился на кухню. Он тащил ящик водки.

- Это ты уходил, - сказал Дима, - значит, ты и не закрыл дверь.

- А, - удивился Толян. - Ну, может.

Однако реплика Димы его не сбила.

- Это вам презент, - довольно отдуваясь, сказал он и грохнул ящик на край стола. - Слетал до магазина всего за десять минут.

- Ты поспешил, - заметил Дима. - Федор отказывается резать.

Федор Владимирович смотрел на двадцать бутылок из прозрачного стекла – на их нетронутые коричнево-золотые крышечки, на зеленые этикетки, на бумажные медальки, висящие на горлышках. По его щеке покатилась слеза.

- Это как же? - спросил Вархапук.
- Ему мешает клятва, - объяснил Шмель, - он не может.
- Значит, ноги отрежут нам? - упавшим голосом спросил Толян.

Дима угрюмо молчал. Ему так не хотелось отрезать ноги идиоту, что в последний момент он даже забыл об их беде. И вот Вархапук напомнил ему. Дима Шмель посмотрел на Федора Владимировича.

- Я говорю ему, что никакого вреда, - сказал он, - а он говорит, что человеческое тело это сложный механизм.

- Может, это, - спросил Толян, - может, ему просто надо перед операцией?

Он взялся за горлышко одной из бутылок и наполовину вытащил ее из ящика.

- Нет, - странным голосом произнес доктор Федор, - не эту. Она целая, чистая, нетронутая.

Дима посмотрел на его лицо и внезапно почувствовал страх. Федор Владимирович плакал и улыбался.

- Я отрежу ему ноги, - сказал он. - Я должен. Иначе никак.

Старик взял банку со спиртом, вытащил из нее часть инструментов и небрежно бросил их на клеенку, а потом приложился к банке сам. В тишине был явственно различим звук, с которым его зубы ударились о стекло. Забулькало. На дне банки плавали лезвия и игла. Диме пришло в голову что-то насчет шампанского, туфельки и монетки. «Выпьет до дна, - с ужасом подумал он, - выпьет и достанет сухие лезвия». Но этого не произошло. Доктор Федор сделал лишь несколько глотков. Потом отстранился, выдохнул.

- Резать так резать, - прохрипел он.
- Это позиция, - согласился Толян Вархапук.
- Простой план, - бледно произнес Дима Шмель.
- Водку уберите со стола, - тихо и зловеще попросил доктор Федор.

Толян взял ящик и переставил его на холодильник. Федор Владимирович тыльной стороной ладони вытер губы от обжигающих капель спирта, взял ампутационный нож и начал выписывать им дуги по ноге идиота. Лезвие повторяло сделанный синей ручкой рисунок.

Дима почувствовал рвотный спазм и закрыл рот рукой. Несколько мгновений он был уверен, что сейчас из разреза ударит поток крови, что идиот сядет и безумно завопит, что Толян уронит водку и бросится бежать, а доктор Федор будет наносить новые и новые удары ножом.

Ничего из этого не произошло. Глубокий разрез был очень тонким, на нем еле выступили капельки крови.

- Марлю в спирт, - хрипло приказал доктор Федор, - и промокайте кровь, когда она выступает.

Дима заметил, что послушно выполняет веление врача. Он отмотал несколько витков бинта, намочил их в огненной воде и стер капельки крови, выступившие по краям разреза. Казалось, что ничего и не произошло. Просто линия ручки из синей стала черно-коричневой.

- Поднимите его ногу вверх, - сказал Федор Владимирович.

Дима поднял ногу идиота. Пятка была жесткой и мозолистой, заросшей давними коростами. Под ногтями собралась черная грязь. Нога воняла, и Шмель, жмурясь, старался отвернуться. Хирург обвел скальпелем нижнюю часть своего рисунка.

- Теперь тяните, - хрипло попросил он.

- Как? - не понял Дима.

- Как будто пытаетесь снять с него сапог с высокой голенью, ответил доктор.

Шмель потянул и увидел, как края раны начинают расходиться. Мясо снималось с кости, слезало вниз. Это произошло неожиданно легко и вот уже между краями раны разрыв в три сантиметра. Там показалось что-то белое, а потом оно начало наполняться кровью.

У Димы за спиной раздался мягкий глухой удар. Он оглянулся и увидел, что Толян растянулся на полу в глубоком обмороке. Его рот был приоткрыт, глаза закатились. «Везучий ублюдок, - подумал Дима, - легко ему теперь».

Федор Владимирович зажимом Кохерера подцепил со дна банки одно из бритвенных лезвий и сделал несколько сечений в глубине раны. Вторым зажимом он что-то распотрошил и пережал. Дима не понимал, что доктор находит в этом куске сочащегося кровью мяса, но он заметил, что руки хирурга перестали дрожать. Федор работал в каком-то сосредоточенном исступлении.

- Сильнее тяните, и старайтесь вытирать кровь! - окрик врача привел Шмеля в чувства. Дима снова начал выполнять свои обязанности.

Доктор Федор взял второй, обоюдоострый, скальпель и провел им сечения в глубине разреза, потом снова использовал первый скальпель и стал счищать им мясо с кости, как бы разделяя ногу ниже пореза на три отдельных пласта. Снятые ломти мышц свисали с ноги, как темно-красное желе.

Дима видел, что рана становится все шире. Теперь его не на шутку затошнило. Он разглядел, что эта масса неоднородна. Там были какие-то темные и светлые прожилки, а вдоль кости – прочная белесая пленка.

- Положите ногу обратно на стол, - скомандовал доктор Федор. Его руки и рубашка были в крови. По клеенке ползли полупрозрачные потеки крови, сукровицы и спирта. Шмель положил ногу идиота обратно на стол. Он чувствовал, как его желудок судорожно сжимается в комок. Его охватила надежда, что сейчас можно будет отпустить эту несчастную, изрезанную ногу, дойти до ванной и проблеваться, но Федор Владимирович не дал ему такого шанса.

- Держите ногу, - приказал он, - прижимайте ее к столу.

Хирург взялся за пилу. Прежде чем пустить ее в ход, он протер длинное плоское лезвие спиртом, и оно жутковато заблестело.

- Может, не надо? - услышал Дима свой голос.

Доктор Федор хищно растопорщил усы.

- Сдали, молодой человек, - усмехнулся он. - Теперь поздно. Мы это уже не восстановим. Если не закончить операцию, ваш идиот просто умрет в страшных мучениях.

Дима почувствовал, что вспотел. Пот стекал по его лицу, попадал в глаза. Их начало щипать.

- Крепко держите, - напутствовал Федор Владимирович, - и с Богом.

Он положил лезвие пилы на кость и двинул его в одну сторону, потом в другую. «Вжих-тах», - запела пила. Дима увидел, как из-под зазубренного полотна выходит розовая стружка. Блевотина рванулась из его глотки в рот, но он каким-то невероятным усилием сумел поймать ее и проглотить обратно.

Федор Владимирович пилил все быстрее. Он сопел и топорщил усы, раскачиваясь всем телом. «Жих-тах-жих-тах», - пела пила. Дима давил на ногу идиота, всеми силами прижимал ее к столу, но все равно чувствовал, что под лезвием она ходит ходуном.

«Жих-тах-стак», - в ноге юродивого что-то хрустнуло, и пила остановилась.

- Это была большая косточка, - задыхающимся, но довольным голосом объяснил доктор Федор. - Еще есть маленькая.

Он снова начал пилить – еще быстрее, с еще большим остервенением. Теперь пила задевала ломти наполовину отрезанных мышц. На серебристом лезвии повисли сгустки красного. Капли, брызги, стружки усеяли клеенку.

Федор Владимирович начал пилить медленнее, а потом перестал совсем. Он тоже взмок. Его лицо теперь было совершенно багровым, глаза покраснели и налились кровью, на белых усах и на лбу блестели капли чужой крови.

- Ломайте, - сказал врач.

- Что? - не понял Дима.

- Я отпилил достаточно, - объяснил доктор. - Ломайте. Перегните его ногу.

Непослушными руками Дима Шмель приподнял ногу идиота и рванул стопу в сторону. Раздался хруст. Стопа с кривыми желтыми ногтями окончательно отделилась от своего хозяина и глухо упала на целлофан. Так получилась, что она встала вертикально. Место, по которому она была отрезана, походило теперь на безумный цветок – спиленная кость торчала вверх, у нее была круглая темно-красная сердцевина, а вокруг этой страшной тычинки, будто лепестки, опали мертвые языки наполовину отрезанного мяса.

Дима зажал рот рукой, но рвотные массы все равно вырвались у него изо рта и потекли по подбородку. Он сделал несколько неверных шагов в направлении раковины, но не дошел и опорожнил содержимое своего желудка на лежащего в обмороке Вархапука.

- Быстрее там, - равнодушно поторопил доктор Федор. - Скоро Вы будете снова мне нужны.

Он бросил пилу и готовил новую дозу дипривана для поддержания наркоза. Дима не смотрел на врача. Он стоял в характерной позе всех блюющих людей – упирался руками в колени и пытался отдышаться.

Пахучий душ разбудил его кореша. Толян открыл глаза и брезгливо сморщился. Он сунул руку в теплое липкое на своей груди, потом осмотрел ее, понял, что это рвота, и вскрикнул от отвращения.

- Извини, - прохрипел Дима, - ты мешал мне дойти до раковины.

Толян сел.

- Фу, - тонким голосом сказал он, - да что с тобой?

- Это от... - пробормотал Шмель.

Он, наконец, добрался до раковины, включил ледяную воду и сунул в нее руки. Ему стало капельку легче.

- Что это? - спросил Вархапук у него за спиной.

- Нога, - ответил доктор Федор.

Глухой удар. Дима оглянулся и увидел, что Толян снова лежит в обмороке. Кореш даже не слишком изменил позу.

Дима коротко сполоснул лицо и вернулся к столу. Он чувствовал себя расслабленным и отчужденным, будто это ему только что отрезали ногу, будто это он отходит от первого в жизни героинового укола.

- Продолжаем, - сказал Федор Владимирович. Он передал Диме большие щипцы с закругленными зубчатыми губами.

- И что с этим делать? - бледным голосом спросил Дима.

- Это костодержатель, - объяснил доктор Федор. - Вы захватываете им кость и держите ее, пока я опиливаю и закругляю ее конец.

Шмель сглотнул. Костодержатель. Это было то самое слово, которое напугало его еще вчера. И вот теперь эта штука у него в руках. Холодный металл. Федор Владимирович пальцами оттянул пласты мышц с кости, и Дима захватил ее в жуткие щипцы.

Хирург снова взялся за пилу. Он срезал кость под углом. Каждое движение пилы отдавалась в щипцах вибрацией. При каждом движении пилы Дима вздрагивал.

- Все? - спросил Дима, когда маленький кусочек розовой кости с хрустом отделился от ноги и упал на клеенку.

- Еще долго, - обнадежил его доктор Федор. Он отложил пилу и вооружился штукой, похожей на напильник. Теперь он обтачивал все огрехи и неровности спила. «Взык-взык», - шло полотно инструмента по кости. Дима проспиртованной марлей собирал стружку. Под ногой юродивого собралась лужа крови.

- Готово, - наконец, решил Федор Владимирович. Он бросил окровавленный инструмент к другим, уже побывавшим в деле, и взял последний чистый зажим. Хирург выловил им из ноги какие-то белесые тяжи. Дима должен был держать зажим, пока врач обматывает тяжи кольцами хирургической нити и перетягивает их.

Эта часть работы происходила почти в полной тишине. Один за другим доктор Федор перекрыл крупные сосуды, потом нашел и удалил нервы. Наконец, эта часть работы была завершена, и врач еще раз обработал скальпелем края раны.

Когда он закончил, Дима увидел, что кость осталась глубоко в ноге идиота, а над ней сверху и снизу сходятся две мясистые губы. Федор Владимирович выловил со дна банки кривую хирургическую иглу и начал зашивать рану. Он сшивал ее изнутри, приметывая мышцы друг к другу, пока кожа по бокам раны не начала сходиться. Тогда врач наложил последний, уже внешний, шов. Пухлые «губы» сошлись вместе, и Дима увидел, что получилась культия. Казалось, что нога идиота улыбается зубами-нитками.

Доктор Федор затянул последний стежок и обессилено опустился на табуретку.

- Ну вот, - одышливо сказал он, - можно резать вторую.

- Нет, - твердо возразил Дима.

Федор Владимирович осторожно оглянулся на холодильник, на ящик с водкой.

- А как же?.. - спросил он.

- Вы получите все, о чем мы договаривались, за одну эту ногу, - изможденным голосом ответил Дима. Он знал, что не вынесет второй раз вида пилы, входящей в кость.

- По рукам, - с каким-то вампирическим удовольствием сказал Федор Владимирович. Он растопорщил окровавленные усы, подошел к холодильнику и остановился, снизу вверх глядя на бутылки «Зеленой Марки».

- Мои, - прошептал доктор.

- Все? - спросил с пола облеваный Толян. - Вы закончили?

Шмель не знал, давно ли кореш очнулся, и ему было все равно.

- Да, - ответил он, - закончили.

Дима почувствовал, что надо сделать последнюю вещь, финальный жест. Грязной от крови рукой он поднял отрезанную стопу идиота и, неся ее перед собой, пошел к мусорному ведру. Толян сел и наблюдал за корешем мутным взглядом.

- А где вторая? - спросил он.

- Мы отрезали только одну, - сказал Дима. - Этого будет достаточно.

- Это позиция, - согласился Вархапук.

- Упрощенный план, - признал Шмель. В наступившей тишине он открыл дверцу шкафчика под раковиной и бросил ногу в мусорное ведро. Доктор Федор приподнялся на цыпочках и осторожно вытянул из ящика одну из бутылок с водкой. Его руки все еще были в крови, и по чистому стеклу побежали красные капли.

- Моя, - повторил Федор Владимирович, - моя.

Вдруг в кухне Вархапука раздался еще чей-то голос.

- Я вспомнил, - произнес он. - Мне было пять лет. Это случилось ночью. Я проснулся, подошел к окну и увидел, как он приехал.

Доктор Федор, Дима и Толян сначала дружно посмотрели в сторону двери, потом друг на друга. В комнате не было никого, кроме них и идиота, лежащего под наркозом.

- Кто это сказал? - спросил Вархапук.

- Он, - испуганно ответил доктор Федор.

Дима, наконец, взглянул на идиота – и увидел, что тот широко открытыми глазами смотрит в потолок комнаты. Его лицо казалось ясным и задумчивым. Он слегка улыбался.

- Идиот, - пролепетал Толян.

- Так долго я искал это воспоминание, - продолжал идиот. - Невыносимый, как сияние солнца, он приехал на белой машине. У него были глаза цвета неба.

- Что с ним? - шепотом спросил Дима Шмель.

Федор Владимирович сорвал с бутылки крышечку и начал пить прямо из горла. Было слышно, как водка часто булькает в его глотке.

- Он превратил ночь в день, - сказал идиот. - Он изменил все, и изменил меня. Так трудно было найти это воспоминание, так трудно постичь новую правду.

Широко раскрытые глаза идиота стали странно яркими. Он медленно сел и оглядел присутствующих.

- Этого не может быть, - испуганно проблеял Толян.

Доктор Федор, наконец, оторвался от водочной бутылки, пошатнулся и уперся спиной в дверцу холодильника.

- Может, - сказал он. - В медицине это называется «парадоксальная реакция».

- Какая реакция? - не понял Вархапук.

- Парадоксальная, - шепотом повторил доктор. - Это когда, например, человек принимает снотворное, но, наоборот, впадает в возбуждение.

- Ага, - так же шепотом ответил Толян.

- А здесь, я думаю, имело место что-то, связанное с нервами. Я же говорил вам, - тихо обратился Федор к Диме, - что организм человека – сложный механизм. Удаление ноги – огромный шок для нервной системы, и этот шок может вызвать разные последствия.

- Ясно, - также шепотом сказал Дима Шмель.

Идиот спокойно их разглядывал.

- Как часто я это наблюдал, - вслух подумал он. - Люди говорили в моем присутствии и обо мне, но так, будто я их не слышу. Будто я предмет.

Какой-то блик прошел через его глаза. Диме даже показалось, что они светятся.

- Он это про нас? - наивно спросил Толян.

Дима нашелся первым.

- Ну вот, - обратился он к калеке, - видишь, как мы тебе помогли.

Глаза одноногого вдруг стали еще ярче. Сомнений больше не было – они светились.

- Вижу.

Диме стало не по себе.

- Теперь можно снова к твоим машинкам.

- Зачем? Ведь я нашел то, что искал. Оно было не вне меня, а во мне.

Что-то звякнуло. Шмель перевел взгляд с идиота на кучу сваленных рядом с ним хирургических инструментов. Диме показалось, что инструменты медленно движутся к калеке, как будто внутри у того большой-большой магнит.

Внезапно инструменты взлетели вверх и повисли в воздухе. С обоюдоострого скальпеля на целлофан сорвалось несколько капель крови. Доктор Федор, который до этого с приоткрытым ртом наблюдал за сценой, вдруг совершенно успокоился.

- А водочка-то хороша, - со вкусом заметил он.

- Идиот, - еле слыша собственный голос, спросил Дима, - это ты делаешь?

- Я, - подтвердил идиот, - кто же еще? Только я больше не идиот.

Инструменты начали очень медленно дрейфовать по воздуху в направлении Федора, Димы и Толяна. Бывший идиот слегка улыбался. Шмель вдруг остро ощутил угрозу.

- Тогда, может, ты опустишь все эти штуки, - предложил он, - а я больше не буду тебя так называть.

- Конечно, не будешь, - легко согласился новый.

Вархапук медленно, но уверенно пополз на четвереньках к выходу с кухни. Один из зажимов метнулся в воздухе и повис низко над полом, перекрывая дверной проем. Толян замер.

- Мы ведь все друзья, - скалясь, продолжал Дима Шмель, - мы помогали тебе искать машинки, да?

Медленно, как в дурном сне, ампутационные ножи двинулись к Диме. Они плыли по воздуху. Казалось, что сияние, льющееся из глаз обновленного, охватило и подожгло их. Металл скальпелей радиоактивно лучился изнутри.

- Ты ведь называл меня хорошим парнем, - пролепетал Дима, - а хорошие парни не тыкают такими штуками в других хороших парней.

- Именно, - сказал идиот. Он перевел взгляд на свою культю.

- Э-э, - выдохнул Дима, - не пойми неправильно, это же только потому, что ты согласился сам. Мы ведь договорились, мы хотели тебе помочь. Мы...

Один из скальпелей сделал скачок вперед и вниз. Дима почувствовал холодный металл в своей ноге. Потом пришла острая боль. Еще прежде, чем Дима закричал, доктор Федор уронил бутылку с водкой, и та разбилась об пол, заполнив комнату новой волной спиртового запаха.

- А-а-а! - протяжно вскрикнул Дима. - Идиот, послушай, идиот, мы можем такую банду сколотить, все же просто обосрут, когда увидят, какие штуки ты делаешь с ножами! Под нами будет район стоять, нет, два района, нет, нет, идиот, три...

Он видел, что, двигаясь влево-вправо, влево-вправо, к нему летит по воздуху хирургическая пила.

- А-а-а! - снова завопил он.

И наступила темнота.

«Мальчики, пора мыть руки», - позвала тетя Саля. Дима Шимель стоял перед раковиной. Лилась вода. Его руки в крови. «Вжих-тах-стак». Что-то переломилось. На руках было много швов. Каждый палец казался отрезанным и пришитым заново.

- А-а-а! - последний раз в жизни крикнул Дима.

«Мальчики, пора мыть руки!» - громче и настойчивее закричала тетя Саля. Дима наклонился к раковине, но сунуть руки в воду не мог. Их не было. Остались только неровно зашитые культы. Одна заканчивалась чуть выше локтя, другая – чуть ниже.

Из крана полилась коричневая жидкость, похожая и на готовый плохой героин, и на чай в исполнении Валечки Моргалкиной. «Мальчики, пора мыть руки, - продолжала звать тетя Саля. - Где же вы, мальчики?»

Но ответить было уже некому.

ПЕСНИ ЗЕЛЕННЫХ СОЗДАНИЙ

Армия Зори

Роды уродов – отвергнутых богом
Мы принимали – в ночь Кобовой
Тело пузатое – облили мы грогом
Нянек созвали – без глаз и ушей

Выли шакалы, визжали макаки
Гнойное семя – лилось из щелей
Твари родились – из затхлой клоаки
Хрипло дышали – трупы детей

Змей пуповинных – мечом мы рубили
Рвали безжалостно – матери плоть
Трупы детей – мы повторно убили
Ночь разрасталась – душить и колоть

Дети воскресли – в латах железных
Зубы росли – сквозь бесстыдный их тлен
Чресла и души – в огненных безднах
Дети вставали – с иссохших колен

Мы дали им копья – и черные стяги
И гроб на колесах – и магию вен
Они уходили – с рассветом отваги
Взрывать основания – всех в мире стен

Луна заходила – слизь остывала
Мы оставались – а дети ушли
Мать, породившая их – подыхала
Плакали мы, что теперь мы одни

Мятежный мастер

Теплый ветер в ночных цехах.
Мерный гул-перестук машин.
Ходят монстры в стальных цепях:
Крутят ворот, вбивают клин.

А на троне сидит старик,
С серым глазом на месте лица.
Он читал много страшных книг,
Он исследовал зло до конца.

Он прошел по всем темным местам,
В сердце мира убил соловья.
Этот цех он построил сам,
Эти монстры – его семья.

Последний ронин

У дороги ты встретишь его
Он – последний печальный ронин
Кошелек без монет у него
Меч без лезвия, лоб без морщин

Он уходит в невиданный путь
К перекресткам возможных миров
Кто посмеет его оттолкнуть?
Кто не даст ему пищу и кров?

Этот юноша может пропасть
Раствориться среди гор и долин
Так не дайте ему упасть
Пусть идет он уже не один.

На смерть БОМЖа

В одежде, заляпанной сальными пятнами,
Сидишь на приступке ты вечно сырой.
Путями идешь ты всегда неопрятными,
Лишь крысы ночуют здесь вместе с тобой.

Вокруг расставляешь пустые флакончики
И листья сгребашь в свой маленький дом,
И жаришь в огне те гнилые батончики,
Что дворник оставил тебе на потом.

Ты маг и волшебник, беспечный и странный,
Король подпространства, беззубый хитрец.
Ты выкинул жизнь, словно валенок рваный.
Ты вышел сквозь мир в бесконечный конец.

Я знаю, ты слышишь, как время смыкается.
Я знаю, ты видишь, как мчится звезда.
Я знаю, твой глаз никогда не смеркается,
Хотя ты уходишь от нас навсегда.

Ты тихо поспишь, закопавшись под мороком,
Ты тихо проснешься, наступит рассвет.
Ты выйдешь задворками в город под городом,
И выйдешь в тот город, где города нет.

Там будет твой сын, рожденный от истины,
Твой маленький принц – твой яростный миг.
Там будет простор серебряной пристани,
И будет твой трап на чудовищный бриг.